947
П48

На домъ не выдается

947
П48

ЕКАТЕРИНА II

ЕЯ ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

Сборникъ историко-литературныхъ статей

СОСТАВИЛЪ

В. И. Покровскій

Москва 1905.

947
П-48

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
продаются слѣдующія книги
В. Покровскаго:

Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Щеголихи въ сатирической литературѣ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. Ц. 50 к. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

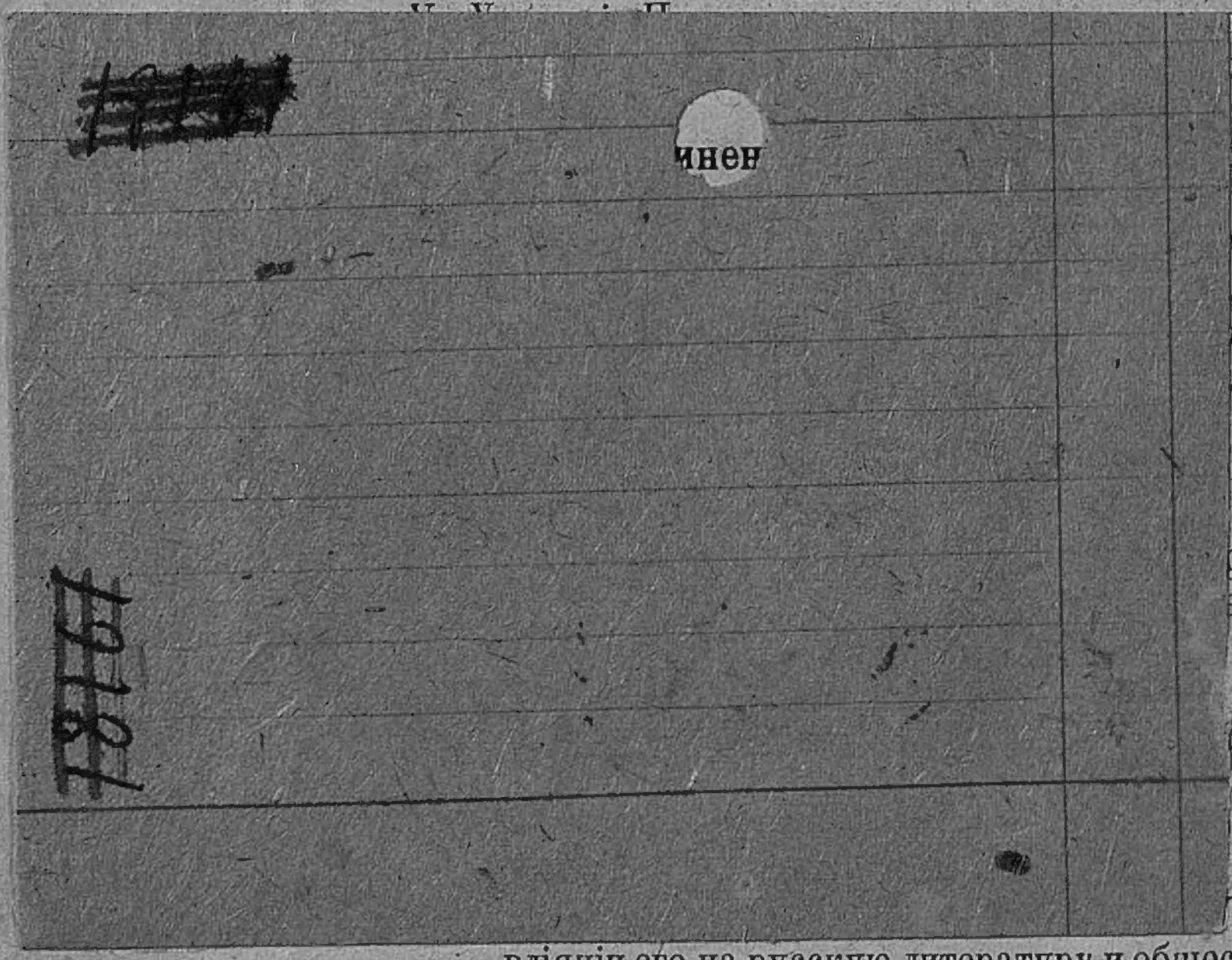
СОДЕРЖАНІЕ: I. Критика Бѣлинскаго — литературная школа для писателей и общества того времени. — II. Бѣлинскій и Мерзляковъ. — III. Бѣлинскій и Полевой. — IV. Бѣлинскій и Надеждинъ. — V. Бѣлинскій и Шевыревъ. — VI. Булгаринъ, Сенковскій и Бѣлинскій. — VII. Бѣлинскій, какъ создатель исторіи новой русской литературы. — VIII. Взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію и древнюю книжную словесность. — IX. Ошибочность воззрѣній Бѣлинскаго на нѣкоторыя произведенія новѣйшей литературы.

Поэзія, какъ главный факторъ эстетическаго развитія. Ц. 1 р. *Включена Мин. Нар. Просв. въ „Каталогъ книгъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“.*

Столѣтіе сатирическаго журнала „Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ“. Содержаніе: Характеръ сатиры журнала. Общее содержаніе. Отношеніе къ предшественникамъ. Литературная дѣятельность писателя. Ц. 20 к.

О педагогическомъ значеніи класснаго чтенія отрывковъ изъ образцовыхъ писателей. Ц. 60 к.

Отношенія А. С. Пушкина къ отечественнымъ писателямъ. Содержаніе: I. Введеніе.—II. Пушкинъ приглашаетъ другихъ поэтовъ къ служенію музамъ.—III. Радостное привѣтствіе Пушкинымъ произведеній поэтовъ.—IV. Живое участіе Пушкина къ дѣятельности



писателя.—
кина къ пи-
й журнали-
ѣлинскаго
) *Допущенъ*
возраста,
я народныя
итическихъ
р. 75 к.
зданіе 2-е.
р.
ъ лите-
странной и
III вв. и о
вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.

Ко
№ 34 Н
На домъ не выдается
Э. К.

ЕКАТЕРИНА II.

Э. К.
М

ЕЯ ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

947
П48

В. Покровскій.

Цѣна 40 коп.
5/433
49 Р
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки
Московская Центральная
Публичная Библиотека

МОСКВА.
С[illegible] въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Тверская площадь, Столешниковъ пер., д. Ліанозова.
1905.

Дозволено цензурою. Москва, 4 іюня 1905 г.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Очеркъ жизни Екатерины II до ея воцаренія, *Турцевича*. 1
Обзоръ „Наказа“, *Соловъева* 14
Педагогическая система Бецкаго, *Пятковскаго* 24
Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, *Майкова* 45
Педагогическія руководства Екатерины II, *Лавровскаго* 68
„О время“ и „Именины госпожи Ворчалкиной“ Екатерины II, *Щебальскаго*. 99
Внѣшняя и внутренняя политика Екатерины II, *Платонова* 114
Начала, введенныя въ русскую жизнь Екатериной II, *Дудышкина* . . 124
Личность Екатерины II и значеніе ея царствованія, *Грота, Щебальскаго, Бестужева-Рюмина, Брикнера*. 128

Очеркъ жизни Екатерины II до ея воцаренія.

Императрица Екатерина Великая происходила изъ боковой линіи ангалтъ-цербскаго княжескаго рода. Отецъ ея Христіанъ-Августъ юношей вступилъ въ ряды прусской арміи, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и, дослужившись до чина генералъ-маіора, получилъ въ командованіе ангальдъ-цербскій пѣхотный полкъ, квартировавшій въ городѣ Штетинѣ. Ему было уже 37 лѣтъ, когда онъ женился на шестнадцатилѣтней шлезвигъ-голштинской принцессѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ. Княжеская чета поселилась въ Штетинѣ, въ частной квартирѣ, гдѣ 21 апрѣля 1729 года и родилась принцесса Софія, будущая Екатерина II. Вскорѣ послѣ этого Христіанъ-Августъ назначенъ былъ губернаторомъ Штетина и получилъ казенную квартиру въ Штетинскомъ замкѣ, бывшемъ въ теченіе многихъ поколѣній резиденціей померанскихъ герцоговъ. Въ этомъ старинномъ замкѣ росла и воспитывалась принцесса Софія. Воспитаніемъ ея сначала занималась сама мать, княгиня Іоганна-Елизавета, а потомъ француженка Кардель. Въ то время во всѣхъ зажиточныхъ домахъ, не говоря уже о дворцахъ, большихъ и малыхъ, воспитаніе дѣтей обыкновенно поручалось французскимъ эмигрантамъ, которые послѣ отмѣны Нантскаго эдикта въ концѣ XVII в. разселились по всей Германіи, внося въ нѣмецкія семьи, вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ, болѣе утонченные нравы и мягкія манеры. Французскій элементъ преобладалъ и при воспитаніи Екатерины. Кромѣ госпожи Кардель, ея воспитательницы, придворный проповѣдникъ, учитель чистописанія и, вѣроятно, учитель танцевъ — были французы. Всѣхъ этихъ лицъ Екатерина не разъ вспоминала съ благодарностью, но она не вполнѣ была довольна первоначальнымъ образованіемъ, полученнымъ ею въ родительскомъ домѣ. „Что дѣлать“, говорила она, „госпожа Кардель не могла научить меня

большему. Она была старая француженка и образовала меня достаточно, чтобы быть въ замужествѣ за кѣмъ-нибудь изъ нашихъ сосѣдей". Дѣйствительно, Екатерина II въ юности была самой обыкновенной дѣвушкой, и никто изъ окружающихъ ея лицъ не предугадывалъ ея будущей славы. „Принцесса Софія". говоритъ одна изъ камеръ-фрейлинъ ея матери, „на моихъ глазахъ родилась, росла и воспитывалась; я была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій и успѣховъ. Я пользовалась настолько ея довѣріемъ, что могла думать, будто знала ее лучше, чѣмъ кто-либо другой, а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено пріобрѣсти знаменитость, какую она стяжала".

Мать Екатерины II была двоюродной сестрой голштинскаго герцога Карла Фридриха, который женатъ былъ на дочери Петра Великаго — Аннѣ. Объ этомъ родствѣ съ русскимъ императорскимъ домомъ постоянно толковали въ голштинской семьѣ, и Екатерина весьма рано стала интересоваться Россіей. Ея воображенію безпрестанно и повсюду рисовались картины обширной державы, славной своими громкими побѣдами, поражавшей своими богатствами. Здѣсь, въ Помераніи, недавно еще стояли русскія войска, и въ самомъ Штетинѣ слышался еще разсказъ объ осадѣ города русскимъ царемъ; тамъ, въ сосѣдней Даніи, съ изумленіемъ вспоминаютъ, какъ этотъ царь велъ, по поясъ въ водѣ, свои войска къ побѣдѣ. Слушаетъ разсказы о Россіи цербстская принцесса, и въ ея воображеніи вырастаетъ грандіозная фигура Петра, командующаго флотами четырехъ государствъ. Отправится принцесса съ матерью по Одеру — ей встрѣчаются голштинскія суда съ ея земляками, ѣдущими искать счастья въ Россіи. Въ Штетинѣ и Цербстѣ, въ Гамбургѣ и Эйтинѣ, въ Брауншвейгѣ и Берлинѣ — всюду слышитъ она разсказы о храбрости русскихъ войскъ, о богатствѣ русскихъ вельможъ, а въ своей семьѣ, отъ матери, отъ дядей и тетокъ, научилась она смотрѣть на русскій дворъ, какъ на опору всѣхъ ея родственниковъ. Особенно оживились надежды голштинской семьи, когда вступила на престолъ Елизавета Петровна, родная сестра Анны, герцогини голштинской. Мать Екатерины, княгиня Іоганна-Елизавета, тотчасъ послала въ Петербургъ письмо съ привѣтствіемъ и пожеланіемъ императрицѣ Елизаветѣ долгаго

царствованія и получила весьма любезный отвѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ Цербстъ, гдѣ жила тогда княжеская семья, стали приходить вѣсти одна другой радостнѣе. Въ январѣ 1742 г. узнали, что Елизавета Петровна вызвала въ Петербургъ своего племянника, голштинскаго герцога Петра Ульриха, чтобъ объявить его наслѣдникомъ русскаго престола; въ іюлѣ Фридрихъ II, въ угоду русской императрицѣ, пожаловалъ отца Екатерины, Христіана-Августа, въ фельдмаршалы, а въ сентябрѣ мать ея получила изъ Петербурга портретъ Елизаветы Петровны, осыпанный брильянтами. Вообще въ теченіе 1742 и 1743 годовъ Екатерина жила подъ впечатлѣніями, въ которыхъ русская императрица и Россія играли выдающуюся роль. Наконецъ, 1 января 1744 года было получено изъ Петербурга письмо, въ которомъ выражалось желаніе императрицы Елизаветы Петровны, чтобы княгиня Іоганна-Елизавета пріѣхала въ Россію въ сопровожденіи своей старшей дочери, принцессы Софіи. Нѣсколькими часами позже княгиня получила письмо и отъ прусскаго короля Фридриха II, который уже прямо заявилъ ей, что цѣлью ея поѣздки въ Россію будетъ брачный союзъ принцессы Софіи съ ея троюроднымъ братомъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, наслѣдникомъ русскаго престола. Для цербской княгини это предложеніе не было неожиданнымъ, она стала поспѣшно собираться въ дорогу, и въ концѣ января 1744 года была уже въ Ригѣ.

Какое впечатлѣніе вынесла принцесса Софія при первомъ вступленіи на русскую землю, можно себѣ представить по признанію ея матери. „Мнѣ все кажется“, писала княгиня мужу по поводу пріема ея въ Ригѣ, „что я нахожусь въ свитѣ ея императорскаго величества или какой-нибудь великой монархини. Мнѣ и въ голову не приходитъ, что все это для меня бѣдной, для которой въ другихъ мѣстахъ едва бьютъ въ барабанъ, а въ иныхъ и того не дѣлаютъ. Все происходило здѣсь съ такимъ величіемъ и почетомъ, что мнѣ тогда казалось, да и теперь еще, при видѣ роскоши, меня окружающей, мнѣ кажется, что все это сонъ“. По этому признанію матери можно себѣ представить впечатлѣніе, вынесенное дочерью при первомъ вступленіи ея на русскую землю. Торжественность встрѣчи, роскошь обстановки, великолѣпіе пріема ободрили принцессу и про-

гнали всякую усталость. Изъ Риги высокія путешественницы отправились далѣе, и 9 февраля пріѣхали въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ. Императрица чрезвычайно ласково встрѣтила гостей. Она отвела имъ роскошное помѣщеніе, назначила цѣлый штатъ придворныхъ и пожаловала какъ принцессѣ, такъ и ея матери ордена св. Екатерины. Бѣдная цербстская княгиня не ожидала ничего подобнаго. „Мы живемъ, какъ королевы“, писала она, „все въ галунахъ, выложено золотомъ, великолѣпно, а когда мы выѣзжаетъ, то выѣздъ удивительный“. Впрочемъ, цербстская княгиня скоро утратила расположеніе императрицы, такъ какъ стала вмѣшиваться въ политику. Почти забывая главную цѣль своей поѣздки, княгиня заводитъ политическіе разговоры съ самой императрицей, старается вліять на великаго князя, переговариваетъ съ одними, шепчется съ другими и ведетъ обширную переписку. Елизавета Петровна осталась очень недовольна такимъ поведеніемъ княгини и понемногу отдалила ее отъ себя, но она нисколько не измѣнила своего расположенія къ ея дочери. Принцесса Софія еще въ дорогѣ свыклась съ тою мыслію, что ѣдетъ въ страну, которая должна стать ея вторымъ отечествомъ, и тотчасъ же, по пріѣздѣ въ Москву стала употреблять всѣ усилія, чтобы быть достойной той судьбы, каковую ей готовили. Она поняла, что прежде всего ей необходимо стать православной и усвоить русскій языкъ, словомъ, сдѣлаться русскою. Ей назначали тѣхъ же учителей, которые были у великаго князя: Ададурова — для русскаго языка и Симона Тодорскаго — для православнаго Закона Божія. Принцесса съ увлеченіемъ начала учиться русскому языку и чтобы лучше вытвердить уроки Ададурова, вставала даже по ночамъ. Однажды она, вставъ съ постели, когда всѣ спали, ходила босая по холодному полу, простудилась и весьма серіозно заболѣла. Но во время этой болѣзни случилось обстоятельство, благодаря которому принцесса успѣла пріобрѣсти общую любовь и окончательно привязала къ себѣ сердца всѣхъ окружающихъ. Вотъ какъ сама Екатерина разсказываетъ объ этомъ: „Когда мнѣ было очень худо, мать моя пожелала, чтобы ко мнѣ былъ допущенъ лютеранскій пасторъ. Мнѣ разсказывали позже, что когда я пришла въ себѣ, и мнѣ передали это предложеніе, то я отвѣтила: „Это зачѣмъ? позовите лучше

Симона Тодорскаго, съ нимъ я охотно побесѣдую. Его призвали, и онъ бесѣдовалъ со мною въ присутствіи всѣхъ, такъ что всѣ остались довольны. Это чрезвычайно помогло мнѣ въ глазахъ императрицы и всего двора". — „Если принцесса Софія желала угодить императрицѣ", говоритъ біографъ Екатерины Бильбасовъ, „если она рѣшилась занять извѣстное положеніе въ Россіи и, прежде всего, въ придворномъ кругу, она не могла избрать лучшаго средства. Ее и прежде уже любили; теперь же ею стали дорожить". Вскорѣ по выздоровленіи принцессы Софіи произошло торжественное принятіе ею исповѣданія православнаго греческаго закона и обрученіе ея съ Петромъ Ѳеодоровичемъ, наслѣдникомъ русскаго престола. 29-го іюня въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи императрицы и важнѣйшихъ сановниковъ, епископъ прочелъ указъ, который Елизавета Петровна объявляла всему государству о помолвкѣ великаго князя наслѣдника, „сына возлюбленной сестры нашей", съ свѣтлѣйшею принцессою Ангальтъ-Цербстскою, принявшею наканунѣ православіе и нареченною Екатериною Алексѣевною, и повелѣла эту свѣтлѣйшую принцессу почитать великою княжною съ титуломъ ея императорскаго высочества. Съ того времени императрица Елизавета стала оказывать еще большее вниманіе Екатеринѣ: она постоянно осыпала ее любезностями, назначила ей особый придворный штатъ, дарила деньги. Но все-таки положеніе 16-лѣтней принцессы въ чужой странѣ, среди чужихъ ей лицъ, было довольно затруднительное; особенно мало она могла полагаться на своего жениха. Какъ ни молода была Екатерина, какъ ни мало она знала жизнь, но причуды великаго князя бросались ей въ глаза. Рано лишившись отца и матери, Петръ Ѳеодоровичъ попалъ въ руки плохихъ воспитателей, которые только мучили его, заставляя выполнять многосложныя, стѣснительныя церемоніи тогдашняго нѣмецкаго двора, но почти не заботясь о развитіи его ума. Когда Петръ явился въ Россію, и Елизавета познакомилась съ нимъ, она удивилась скудости его познаній. Его принялись снова учить, уже на православный русскій ладъ. Но наукѣ помѣшали сначала болѣзнь Петра, а затѣмъ женитьба. Выучивъ православный катехизисъ наскоро, Петръ остался съ возрѣніями нѣмца-протестанта. Знакомясь съ Россіей изъ уроковъ академика

Штелина, Петръ не интересовался ею, скучалъ уроками и оставался весьма невѣжественнымъ и неразвитымъ человѣкомъ съ нѣмецкими взглядами и привычками. Военное дѣло онъ хотя и любилъ, но не изучалъ его, а только забавлялся имъ и, какъ нѣмецъ, благоговѣлъ предъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, которому хотѣлъ подражать всегда и во всемъ и не умѣлъ никогда ни въ чемъ. Императрица Елизавета очень любила своего племянника и постоянно заботилась о немъ, но эта заботливость выражалась, главнымъ образомъ, въ строгомъ надзорѣ: великій князь не могъ безъ позволенія не только выѣзжать изъ города, но и выходить изъ дому, не могъ свободно вести переписки, не могъ принимать кого желалъ и т. п. Не зная, на что кинуться отъ скуки, онъ по цѣлымъ часамъ хлопалъ по комнатамъ кучерскимъ кнутомъ и немилосердно упражнялся на скрипкѣ, или сближался съ лакеями, игралъ съ ними въ солдатики и даже въ куклы. Игра въ куклы наканунѣ свадьбы свидѣтельствовала, что женихъ былъ еще ребенкомъ, при томъ ребенкомъ капризнымъ, страдавшимъ, какъ всѣ избалованныя и неразвитыя дѣти, надутымъ самомнѣніемъ. Онъ не только наивно воображалъ, что всѣ люди одного съ нимъ мнѣнія, но былъ серіозно убѣжденъ, что всѣ обязаны держаться его мнѣнія. Лично для Екатерины всего хуже было, однако, то, что она не могла замѣтить въ немъ не только любви, но даже привязанности къ себѣ. Это оскорбляло ее, какъ невѣсту, и она нерѣдко находила утѣшеніе только въ слезахъ.

Наконецъ, 21 августа 1745 г. совершено было бракосочетаніе Петра Ѳеодоровича и Екатерины. Поверхностному наблюдателю могло казаться, что жизнь великой княгини теперь текла довольно пріятно. Ее видѣли во всѣхъ придворныхъ спектакляхъ и маскарадахъ, на всѣхъ дворцовыхъ балахъ и выходахъ, всегда привѣтливою, веселою, казалось, радостною; но развлеченіями жизнь далеко не исчерпывается. Возвращаясь въ свои покои со спектакля или бала, изъ маскарада или выхода, она не встрѣчала ни интереснаго занятія ни вообще какого-либо дѣла, а стѣсненія, какія испытывалъ великій князь, еще болѣе надъ ней тяготѣли. Лица, приставленныя къ ней, враждебно слѣдили за каждымъ ея шагомъ и немедленно удаляли отъ двора того изъ служащихъ, кто оказывалъ ей любовь и преданность. Но

эти тяжелые годы были для Екатерины годами самообразованія и развитія. Сидя одна въ своихъ покояхъ, она ко всему прислушивается, все обдумываетъ, о всемъ размышляетъ и читаетъ, читаетъ все что попадаетъ подъ руку, читаетъ безъ конца. Сначала она занялась романами, а потомъ остановилась исключительно на сочиненіяхъ древнихъ греческихъ и римскихъ авторовъ и тогдашнихъ знаменитыхъ французскихъ писателей. Таковы были: „Жизнеописанія“ Плутарха, сочиненія греческаго философа Платона и римскаго историка Тацита, сочиненія Вольтера, Монтескьё и др. Всякое чтеніе полезно, но чтеніе выше названныхъ писателей должно было имѣть глубокое вліяніе на взгляды, сужденія, на самый образъ мыслей читателя, особенно если читателемъ является женщина. Впечатлительный умъ, воспріимчивыя чувства Екатерины поддались въ полной мѣрѣ этому вліянію, и она высоко стала надъ всѣми окружающими ее людьми. На десятомъ году замужества Екатерина родила сына Павла. Императрица тотчасъ взяла его въ свои покои и на него перенесла всѣ свои заботы, а сама великая княгиня отошла послѣ этого на второй планъ; кромѣ того, ей приходилось испытывать много непріятностей и отъ мужа. Все это сильно оскорбляло Екатерину, но она, благодаря своему уму преодолѣла всѣ затрудненія и понемногу устроила дѣло такъ, что самые непримиримые враги ея становились къ ней благосклонными „не обладая красотою, она была необыкновенно привлекательна“. Стоило поговорить съ нею полчаса, и каждый уже готовъ былъ открыть ей душу, какъ будто старому знакомому. Всегда ласковая, веселая, остроумная, она имѣла необычайную способность нравиться. Она ничего не жалѣла, чтобы найти друзей, тратила всѣ свои деньги на подарки, угождала всякому, чѣмъ могла. Гдѣ нельзя было взять лаской, тамъ брала она твердостью, упорствомъ, угрозой. Иностранные посланники искали ея бесѣды, совѣтовались съ ней о дѣлахъ и въ тоже время послѣдній лакей довѣрчиво передавалъ ей всѣ придворные слухи. Она многое узнавала прежде тѣхъ, кому это знать слѣдовало. Канцлеръ Бестужевъ тайкомъ пересылалъ ей иностранныя депеши, и вообще, когда отъ нея скрывали и самыя обыденныя вещи, для нея не было тайнъ и наиболѣе важныхъ“. Уже лѣтъ за пять до смерти императрицы Ели-

заветы наблюдатели свидѣтельствуютъ о томъ вліяніи, какое Екатерина имѣла при дворѣ. Въ началѣ семилѣтней войны т.-е. въ 1757 г., англійскій посланникъ Вильямсъ пишетъ о ней въ своемъ донесеніи правительству: „Съ самаго прибытія своего въ Петербургъ великая княгиня всѣми средствами старалась пріобрѣсть всеобщую любовь, и теперь ее не только любятъ, но и боятся. Многіе, которые стоятъ въ лучшихъ отношеніяхъ къ императрицѣ, не пропускаютъ случая угодить и великой княгинѣ". Особенно увеличилось придворное значеніе Екатерины отъ полной неспособности къ правленію ея супруга. И сама государыня и придворная среда хорошо понимала, что Петръ не можетъ быть нормальнымъ правителемъ, и что его жена неизбѣжно должна играть при немъ большую роль. Многіе стали даже придумывать различные планы, какъ устранить Петра отъ престола; поэтому еще при жизни императрицы Елизаветы Екатерина являлась соперницей своему мужу, и между ними долженъ былъ произойти споръ о русской коронѣ.

Въ декабрѣ 1761 года умерла императрица Елизавета. Хотя смерть эта не была неожиданной случайностью, тѣмъ не менѣе она застала придворный кругъ неподготовленнымъ: противъ Петра не раздалось ни одного голоса, и онъ воцарился спокойно, при общемъ унынiи двора и народа, потерявшихъ любимую царицу.

Новый государь началъ свое правленіе довольно дѣятельно. Вступивъ на престолъ 25 декабря 1761 г. онъ уже 17 января слѣдующаго года подписалъ указъ о возвращеніи опальныхъ людей прошлаго царствованія. Чрезъ мѣсяцъ, 18 февраля, послѣдовалъ указъ о вольности дворянской. Этимъ указомъ, внушеннымъ со стороны дворянства, близкаго къ императрицѣ Елизаветѣ, Петръ III не только освободилъ дворянъ отъ личной государственной службы, но создалъ имъ личныя привилегіи, которыхъ не имѣли другіе общественные классы. Наконецъ, по постороннимъ же внушеніямъ, Петръ уничтожилъ нѣкогда страшную тайную канцелярію, вѣдавшую политическія преступленія. Казалось, это уничтоженіе могло содѣйствовать популярности новаго правительства въ народной массѣ, какъ манифестъ о дворянствѣ долженъ былъ сдѣлать его популярнымъ среди дворянъ. Но правительство Петра не только не достигло народнаго рас-

положенія, но возбудило всеобщее неудовольствіе. Вотъ какъ профессоръ Платоновъ характеризуетъ дѣятельность и личность Петра III: „Онъ внутри государства обнаружилъ свои нерусскія симпатіи, окружилъ себя голштинцами, сталъ передѣлывать русскія войска на прусскій и голштинскій ладъ, смѣялся надъ всѣмъ русскимъ, даже надъ православною обрядностью. Онъ закрывалъ, напримѣръ, домовыя церкви, которыя были въ обычаѣ, требовалъ отъ духовенства уничтоженія иконъ въ церквахъ и хотѣлъ заставить его носить свѣтское платье; къ синоду обращался съ оскорбительными указами; дѣло о церковныхъ имуществахъ онъ привелъ къ самому невыгодному для духовенства рѣшенію. Духовенство чувствовало себя оскорбленнымъ и даже подало императору энергичный протестъ, не измѣнившій ничего. Къ гвардіи, привыкшей къ высочайшему вниманію, Петръ относился такъ, что пошли слухи объ уничтоженіи ея. Онъ называлъ гвардейцевъ янычарами, томилъ ихъ ученіями по нѣмецкому образцу, измѣнялъ давно утвердившійся военный строй и отдавалъ предпочтеніе своимъ нѣмецкимъ войскамъ. И гвардія чувствовала себя оскорбленной и питала „превеликое неудовольствіе“. Волновались и крестьяне: въ нихъ ясно жило сознаніе того, что они обязаны государствомъ работать на помѣщиковъ именно потому, что помѣщики обязаны служить государству; въ нихъ жило сознаніе, что исторически одна обязанность обусловлена другой. Теперь снята дворянская обязанность — слѣдуетъ снять и крестьянскую. Но крестьяне видѣли, что правительство, разрѣшивъ дворянскій вопросъ, не замѣчаетъ связаннаго съ нимъ вопроса крестьянскаго. Начались поэтому крестьянскія волненія.

Въ то же время внѣшняя политика Петра не нравилась русскимъ людямъ и оскорбляла національное чувство. Россія со славою вела войну съ Пруссіей, теряла для нея массу людей, тратила много денегъ, но былъ успѣхъ, и народъ былъ спокоенъ. Какъ только вступилъ на престолъ Петръ, война была прекращена; войска получили приказаніе сдать свои магазины пруссакамъ и оставаться въ Помераніи для будущей помощи своимъ недавнимъ врагамъ. Петръ отказался отъ всѣхъ завоеваній въ Пруссіи и вступилъ съ Фридрихомъ II въ тѣсный союзъ, условія котораго были продиктованы прусскимъ посломъ въ Петербургѣ Гольцемъ.

Этотъ Гольцъ былъ при Петрѣ III почти полнымъ распорядителемъ дѣйствій русской дипломатіи. Прусское вліяніе при русскомъ дворѣ было всемогуще. И все это вышло изъ личныхъ наклонностей императора; благоговѣя передъ Фридрихомъ, Петръ жертвовалъ своему личному чувству всѣми интересами Россіи. Такое направленіе дѣлъ, безславное окончаніе славной войны и господство въ Петербургѣ голштинцевъ и пруссаковъ давало право народу думать, что давно прошедшее господство нѣмцевъ наступаетъ снова съ Петромъ III. Понятно, съ какимъ негодованіемъ относились ко всему этому русскіе люди. Въ одномъ только Петръ III не шелъ на помочахъ своего кумира Фридриха: онъ упорно хотѣлъ воевать съ Даніей и отнять у ней Шлезвигъ для Голштиніи. Въ этомъ онъ дѣйствовалъ, какъ голштинскій герцогъ, но дѣйствовалъ средствами и силами Россіи. Ясно, что эта затѣя могла только усилить негодованіе русскихъ, справедливо не желавшихъ знать интересовъ Голштиніи. Однако для этой Голштиніи вербовали солдатъ на русскія деньги; къ походу за Голштинію дѣлали приготовленія; голштинцамъ дали первенство и полную волю въ Россіи.

И личная жизнь Петра возбуждала общее неудовольствіе. День свой часто кончалъ онъ неприличными и шумными пирушками, которыя видѣлъ весь городъ, потому что онѣ происходили не въ одномъ дворцѣ, и о которомъ писали даже иностранные послы своимъ дворамъ. У русскихъ людей обливалось сердце кровью отъ стыда за Петра III; имъ хотѣлось „бѣжать неоглядно“ отъ его выходокъ. Елизаветинскіе вельможи не могли примириться съ казарменными нравами новаго двора: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ на колѣняхъ просилъ Петра избавить его отъ всѣхъ знаковъ его милости; Кириллъ Разумовскій не могъ сдерживать гнѣвной судорги на лицѣ, бывая во дворцѣ и видя новые порядки. Петръ издѣвался надъ ними, заставлялъ ихъ маршировать по плацъ-парадамъ въ силу ихъ военнаго званія. Онъ даже смѣялся надъ пожилыми придворными женщинами и передразнивалъ ихъ. „Онъ не похожъ на государя“ — таковъ былъ говоръ придворной среды надъ Петромъ III.

Отношеніе Петра III къ женѣ, и прежде враждебное, теперь перешло въ ненависть. Екатерина одна мѣшала ему жить. Каждую минуту онъ чувствовалъ, что она осуждаетъ

его, стоитъ въ опозиціи всему, что ему нравится, что онъ затѣваетъ. Онъ хотѣлъ обуздать ее, но на это не хватило умѣнья, да и Екатерина вела себя такъ, что не было предлога придраться къ ней. Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе становился Петръ по отношенію къ Екатеринѣ. Онъ однажды оскорбилъ ее при всѣхъ на торжественномъ обѣдѣ и прямо показывалъ, что желаетъ избавится отъ нея; то начиналъ говорить, что заключитъ жену въ монастырь, что разведется съ нею; то намѣренъ былъ заключить ее въ Шлиссельбургѣ. Однажды онъ отдалъ даже приказъ, арестовать ее, но отмѣнилъ этотъ приказъ по настоянію своего дяди. Екатерина знала, что рано или поздно она погибнетъ отъ мужа, если онъ останется у власти. Знали это и въ обществѣ. А въ обществѣ Екатерину любили, и ея горе было одною изъ причинъ дурного отношенія общества къ Петру.

Такъ, дѣятельность и личность Петра вызвала негодованіе во всѣхъ классахъ населенія. По свидѣтельству современниковъ, всѣ, кромѣ десятка царедворцевъ, желали перемѣны на престолѣ и говорили объ этомъ открыто. Ропотъ поэтому былъ извѣстенъ и при дворѣ Петра и даже дошелъ до прусскаго короля Фридриха. Петра предостерегали и дома и изъ-за границы.

Фридрихъ совѣтовалъ ему скорѣе короноваться и быть осторожнымъ, но Петръ ко всему этому относился легкомысленно и не принималъ никакихъ серіозныхъ мѣръ общаго характера. Благодаря такой безпечности Петра III, успѣлъ развиться при дворѣ и въ городѣ заговоръ, который окончился вступленіемъ на престолъ Екатерины. Вотъ какъ произошелъ этотъ переворотъ. Лѣтомъ 1762 года Петръ держалъ себя такъ, что Екатерина должна была со дня на день ждать погибели, и поэтому заговорщики готовы были дѣйствовать, но не рѣшались начать сами. Приближалось время именинъ Петра, и этотъ день Петръ, жившій въ Ораніенбаумѣ, желалъ провести у Екатерины, жившей въ Петергофѣ. Ждали, что 29-го іюня онъ рѣшитъ участь своей жены. Между тѣмъ 27-го іюня одинъ болтливый солдатъ, слышавшій, что Екатерина въ опасности, выдалъ тайну заговора постороннему офицеру. Это повело къ аресту Пассека. Боясь открытія всего заговора, заговорщики рѣшились дѣйствовать не медля. Однажды рано по утру Екатерину будятъ

слѣдующія слова: „Ваше величество, вставайте, нельзя терять ни одной минуты“. Она открываетъ глаза и видитъ передъ собою рослаго гвардѣйца. На вопросъ ея Алексѣй Орловъ отвѣчалъ только многозначительной фразой: „Пассекъ арестованъ“ — и вышелъ изъ комнаты. Нѣсколько минутъ спустя онъ воротился; императрица уже успѣла кой-какъ одѣться. Она сѣла въ экипажъ, приготовленный по распоряженію княгини Дашковой и рядомъ съ ней помѣстилась вѣрная камеръ-фрау Черековская, назади сталъ камердинеръ Шкуринъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ). Орловъ взялъ въ руки возжи и погналъ лошадей во весь голопъ. На половину дороги лошади падаютъ отъ усталости, и путники очутились въ крайнемъ затрудненіи. Сначала ихъ выручаетъ изъ опасности проѣзжавшая мимо крестьянская телѣга, а потомъ они увидѣли карету, быстро приближавшуюся имъ навстрѣчу. Въ ней сидѣли Григорій Орловъ съ княземъ Барятинскимъ. „Все готово“, кричитъ Орловъ. Барятинскій уступилъ мѣсто Екатеринѣ, и въ седьмомъ часу утра она достигла гвардейскихъ казармъ, которыя составляли особый лагерь и служили предмѣстьемъ столицы. Несмотря на торжественное объявленіе, что все готово, только десятка два — три рядовыхъ и одинъ барабанщикъ встрѣтили императрицу. Такое ничтожное число нѣсколько смутило ее. Но вотъ забили тревогу, измайловцы мало-помало собираются и окружаютъ Екатерину. Она обращается къ солдатамъ съ энергичною рѣчью, прося у нихъ защиты отъ своихъ непріятелей, которые покушаются на ея собственную жизнь и жизнь ея сына. Солдаты клянуться умереть за императрицу и бросаются цѣловать ей ноги, руки, платье. Въ это время офицеры приводятъ другихъ измайловцевъ, является и полковой священникъ съ крестомъ, и весь полкъ присягнулъ Екатеринѣ II. Она садится опять въ коляску и ѣдетъ въ казармы Семеновскаго полка.

Вслѣдъ за своимъ премьеръ-маіоромъ гр. Брюссомъ, семеновцы кричатъ „ура“ и пристаютъ къ Екатеринѣ. Съ такимъ же энтузіазмомъ примыкаетъ къ ней Преображенскій полкъ и конная гвардія.

Государыня посылаетъ отрядъ арестовать начальника конныхъ гвардейцевъ принца Жоржа и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранить его отъ оскорбленій. Григорій Орловъ спѣшитъ

послѣ того къ артиллеристамъ, своимъ товарищамъ по службѣ, и уговариваетъ ихъ послѣдовать примѣру гвардіи, но солдаты хотятъ узнать прежде мнѣніе своего начальника. Генералъ Вильбуа нѣсколько минутъ колебался, однако уступаетъ торжественно-повелительному тону Екатерины, и артиллерія также переходитъ на ея сторону.

Между тѣмъ на мѣсто дѣйствія пребываютъ гетманъ Разумовскій, И. И. Шуваловъ, Строгановъ и другіе вельможи, которые присоединяются къ свитѣ императрицы. Окруженная войсками и стекавшимся отовсюду народомъ, она отправляется въ Казанскій соборъ; здѣсь ее встрѣчаютъ архіепископъ новогородскій и высшее духовенство. Пропѣли благодарственный молебенъ и торжественно провозгласили Екатерину самодержавнѣйшей императрицей всея Россіи, а великаго князя Павла Петровича — наслѣдникомъ престола. Изъ собора государыня перешла въ новый зимній дворецъ, достроенный Петромъ III, гдѣ уже собирались для принесенія присяги Сенатъ и Синодъ. Немедленно приняты и необходимыя мѣры предосторожности: подступы къ дворцу защищены артиллеріей, на многихъ пунктахъ поставлены сильные отряды часовыхъ, а сообщеніе съ Петергофомъ и Ораніенбаумомъ совершенно прекращено. Императрица поспѣшила разослать курьеровъ въ провинцію гражданскимъ и военнымъ начальникамъ, а также генераламъ войскъ, находившихся въ Пруссіи; дипломатическій корпусъ получилъ оффиціальное увѣдомленіе о перемѣнѣ царствующей особы.

Вечеромъ въ тотъ же день 28-го іюня Екатерина съ гвардіей выступила противъ Петра.

Узнавъ о переворотѣ, Петръ потерялъ голову, бросился въ Кронштадтъ, чтобы завладѣть имъ и флотомъ, но тамъ не былъ принятъ, хотѣлъ ѣхать въ Ревель и кончилъ тѣмъ, что сдался Екатеринѣ и подписалъ отреченіе. Онъ былъ отправленъ въ Ропшу и тамъ очень скоро, по выраженію профессора Платонова, „нашелъ случайную смерть, въ которой совершенно несправедливо винили Екатерину“.

Такъ началось самодержавіе Екатерины II. Не всѣ, кто хотѣлъ ея власти, думали о самодержавіи, былъ возможенъ и другой исходъ переворота — воцареніе Павла и регентство его матери. Но Екатерина въ церкви была превозглашена императрицей.

Турцевичъ.

Обзоръ „Наказа".

Наказъ освященъ молитвою, предпосланною ему: „Господи Боже мой! вонми ми и вразуми мя, да сотворю судъ людемъ Твоимъ по закону святому Твоему судити въ правду". Законы должны соотвѣтствовать состоянію народа, твердилъ авторъ Наказа: но при этомъ естествено рождался вопросъ: состояніе русскаго народа таково ли, что выводы, сдѣланные европейской наукой, могутъ быть полезнымъ указаніямъ при составленіи уложенія для него? Рѣшая этотъ вопросъ утвердительно, Екатерина провозглашаетъ, что русскій народъ есть народъ европейскій; то, что придавало ему черты неевропейскаго народа, было временное и случайное, а то, что надобно было принять въ расчетъ, какъ существенное, было европейское и требовало, для своего утвержденія и развитія, помощи европейской науки. Это положеніе подтверждается исторіею: „Россія есть европейская держава. Доказательство сему слѣдующее: перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали съ климатомъ и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ Первый, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ".

Что касается правительственной формы, то первое условіе страны, ея чрезвычайная обширность требовало самодержавія: „Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностью мѣстъ причиняемое. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно. Но давно уже вошло въ общее сознаніе, что европейскія государства отличаются отъ азіатскихъ свободою въ отношеніи подданныхъ къ правительствамъ, и потому надобно было опредѣлить эту свободу въ государствѣ самодержавномъ. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и государя. Но отъ сея славы происходитъ въ народѣ,

единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столько споспѣшествовати благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность. Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ, и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было, ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть. Въ государствѣ вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно. Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, происходящще отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью, и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ. Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія порученныя имъ только какъ правительствующимъ особамъ государства“.

Установленіе взгляда на уголовныя преступленія и наказанія, разумѣется, должно было занимать видное мѣсто въ Наказѣ, ибо наука, которой Екатерина была здѣсь представительницей, особенно послужила человѣчеству въ этомъ отношеніи, хотя нельзя забывать, что русскіе люди уже были приготовлены къ этой перемѣнѣ въ царствованіе государыни, отмѣнившей смертную казнь. „Испытайте со вниманіемъ, говоритъ Наказъ, вину всѣхъ послабленій: увидите, что она происходитъ отъ ненаказанія преступленій, а не отъ умѣренности наказаній. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ преступленіи наказанія заключающееся. И если гдѣ сыщется такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною мучительское владѣніе, которое налагало то же наказаніе на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ. А ежели другая найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суро-

выми казнями, опять вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности. Часто законодавецъ, хотящій уврачевати зло, не мыслитъ болѣе ни о чемъ, какъ о семъ уврачеваніи; очи его взираютъ на сей только предлогъ и не смотрятъ на худыя оттуда слѣдствія. Когда зло единожды уврачевано, тогда мы не видимъ болѣе ничего кромѣ суровости законодавца; но порокъ въ общенародіи остается отъ жестокости сея произростшій, умы народа испортились: они пріобыкли къ насильству". Русскіе люди постоянно и горько жаловались на медленность въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ, происходившую отъ разныхъ причинъ, и отъ недостатковъ законодательства, и отъ недостаточности судебнаго персонала, и отъ необразованности и безнравственности судей. Отсюда съ легкой руки Посошкова начали ставить въ образецъ турецкое правосудіе по его скорости, и такіе отзывы слышались не въ одной Россіи, но и на западѣ Европы, гдѣ судебная волокита также выводила изъ терпѣнія. Авторъ Наказа счелъ необходимымъ вооружиться противъ этихъ похвалъ турецкому правосудію, указать различіе между азіатскимъ произволомъ и европейскою законностью. „Слышно часто, что въ Европѣ говорятъ: надлежало бы, чтобы правосудіе было отправляемо такъ, какъ въ турецкой землѣ. Посему нѣтъ никакого во всей подсолнечной народа, кромѣ въ глубочайшемъ невѣжествѣ погруженнаго, который бы толь ясное понятіе имѣлъ о вещи такой, которую знать людямъ нужнѣе всего на свѣтѣ. Въ турецкихъ странахъ гдѣ очень мало смотрятъ на стяжанія, на жизнь и на честь подданныхъ, оканчиваютъ скоро всѣ распри такимъ или инымъ образомъ. Способовъ, какъ оныя кончить, у нихъ не разбираютъ, лишь бы только распри были кончены. Паша, незапно ставши просвѣщеннымъ, велитъ по своему мечтанію палками по пятамъ бить имѣющихъ тяжбу и отпускаетъ ихъ домой. А въ государствахъ, умѣренность наблюдающихъ, гдѣ и самаго меньшаго гражданина жизнь, имѣніе и честь въ уваженіе принимается, не отъемлютъ ни у кого чести, ниже имѣнія прежде, нежели учинено будетъ долгое и строгое изысканіе истины; не лишаютъ никого жизни, развѣ когда само отечество противъ оныя возстанетъ: но и отечество ни на чью жизнь не возстанетъ инако, какъ дозволивъ ему прежде всѣ возможные способы защищать оную".

Екатерина давно уже вооружилась противъ заключенія человѣка, преступленіе котораго еще не доказано. Въ Наказѣ она предписываетъ большую осторожность относительно арестованія подозрительнаго человѣка: „брать подъ стражу есть наказаніе, которое отъ всѣхъ другихъ наказаній тѣмъ разнится, что оно по необходимости предшествуетъ судебному объявленію преступленія. Однакожъ наказаніе сіе не можетъ быть наложено, кромѣ въ такомъ случаѣ, когда вѣроятно, что гражданинъ въ преступленіе впалъ. Чего ради законъ долженъ точно опредѣлить тѣ знаки, по которымъ можно взять подъ стражу обвиняемаго, и которые подвергали бы его сему наказанію и словеснымъ допросамъ, кои также суть нѣкоторый родъ наказанія, напримѣръ: гласъ народа, который его винитъ, побѣгъ его; признаніе, учиненное имъ внѣ суда; свидѣтельство сообщника, бывшаго съ нимъ въ томъ преступленіи; угрозы и извѣстная вражда между обвиняемымъ и обиженнымъ; самое дѣйствіе преступленія, и другіе подобные знаки довольную могутъ подать причину, чтобы взять гражданина подъ стражу. Но сіи доказательства должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, которыхъ приговоры всегда противоборствуютъ гражданской вольности, если они не выведены, на какой бы то ни было случай, изъ общаго правила, въ уложеніи находящагося. Взять человѣка подъ стражу не что иное есть, какъ хранить опасно особу гражданина обвиняемаго, доколѣ учинится извѣстно, виноватъ ли онъ, или не виновенъ. Итакъ, содержаніе подъ стражею должно длиться сколь возможно меньше и быть такъ снисходительно, коль можно. Приговоры судей должны быть народу вѣдомы, такъ какъ и доказательство преступленія, чтобы всякъ изъ гражданъ могъ сказать, что онъ живетъ подъ защитою законовъ“.

Уже въ царствованіе Елизаветы мы замѣтили стремленіе ограничить пытку; Екатерина продолжала борьбу противъ этого страшнаго и твердо укоренившагося способа судебнаго доказательства. Въ Наказѣ она рѣшительно выражается противъ пытки: „употребленіе пытки противно здравому разсужденію; само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена. Человѣка не можно почитать виновнымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ лишать его защиты своей прежде, нежели доказано

5/1433
Московская Центральная Публичная Библиотека
Моск. Обл. Библиотеки

будетъ, что онъ нарушилъ оные. Чего ради какое право можетъ кому дати власть налагати наказаніе на гражданина въ то время, когда еще сомнительно, правъ ли онъ, или виноватъ. Не очень трудно заключеніями дойти къ сему соразсужденію: преступленіе или есть извѣстное, или нѣтъ; ежели оно извѣстно, то не должно преступника наказывать инако, какъ положеннымъ въ законѣ наказаніемъ, итакъ, пытка не нужна; если преступленіе неизвѣстно, такъ не должно мучить обвиняемаго по той причинѣ, что не подлежитъ невиннаго мучить и что по законамъ тотъ невиненъ, чье преступленіе не доказано. Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собой въ томъ, чтобъ онъ могъ говорити правду. Чувствованіе боли можетъ возрасти до такой степени, что, совсѣмъ овладѣвъ всею душою, не оставить ей больше никакой свободы производить какое-либо ей приличное дѣйствіе, кромѣ какъ въ то же самое мгновеніе ока предпринять самый кратчайшій путь, коимъ бы отъ той боли избавиться. Тогда и невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали. И то же средство, употребленное для различія невинныхъ отъ виноватыхъ, истребитъ всю между ними разность; и судьи будутъ также неизвѣстны, виноватаго ли имѣютъ предъ собой, или невиннаго, какъ и были прежде начатія сего пристрастнаго разспроса. Посему пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость своего уповающаго“.

Въ Наказѣ поставленъ былъ вопросъ: смертная казнь полезна ли и нужна ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка? и отвѣтъ былъ данъ такой: „Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими: чего для если я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина не полезна, не нужна, то я преодолѣю возстающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю: въ обыкновенномъ общества состояніи, ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь, когда онъ, лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ или возвращаетъ свою вольность; или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ и подъ образомъ

правленія, соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ, противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, т.-е. силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ сомодержца, въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимати жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государствованія императрицы Елизаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія".

При заботѣ о прочности и славѣ самодержавія императрицу должны были особенно тяготить свидѣтельства изъ временъ не очень давнихъ о злоупотребленіяхъ по дѣламъ оскорбленія величества; дѣло Волынскаго, какъ дѣло вопіющее, было въ устахъ лучшихъ людей; въ свѣжей памяти была знаменитая тайная канцелярія, гдѣ пытались и приговаривались къ жестокимъ наказаніямъ люди простые, въ нетрезвомъ видѣ проговорившіеся о какомъ-нибудь слухѣ, разсказавшіе какое-нибудь преданіе, сказку о царственномъ лицѣ, давно уже умершемъ. Екатерина не могла не посвятить въ Наказѣ нѣсколькихъ статей указанію средствъ, какъ предотвратить эти злоупотребленія: „всѣ законы должны составлены быть изъ словъ ясныхъ и кроткихъ; однако нѣтъ между ними никакихъ, которыхъ бы сочиненіе касалось больше до безопасности гражданъ, какъ законы, принадлежащіе ко преступленію въ оскорбленіи величества. Слова, совокупленныя съ дѣйствіемъ, принимаютъ на себя естество того дѣйствія; такимъ образомъ человѣкъ, пришедшій, напримѣръ, на мѣсто народнаго собранія увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи величества потому, что слова совокуплены съ дѣйствіемъ и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ ни за слова наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены. Слова не вмѣняются никогда во преступленіе, развѣ оныя пріуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному. Все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное. Ничто не дѣлаетъ преступленіе въ оскорбленіи величества больше зависящимъ отъ толка и воли другого, какъ когда нескромныя слова бываютъ онаго содержаніемъ; разговоры столько подвержены истолкованіемъ,

толь великое различіе между нескромностью и злобою, и толь малая разнота между выраженіями отъ нескромности и злобы употребляемыми, что законъ никоимъ образомъ не можетъ словъ подвергнуть смертной казни, по крайней мѣрѣ не означивши точно тѣхъ словъ, которыя онъ сей казни подвергаетъ. Итакъ слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію, часто они не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ; часто, пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла, сей смыслъ зависитъ отъ связи, соединяющей оныя съ другими вещами. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, что бы въ себѣ столь двойнаго смысла замыкало какъ все сіе. Такъ какъ же изъ сего сдѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе? Я черезъ сіе не хочу уменьшить негодованія, которое должно имѣть на желающихъ опорочить славу своего государя, но могу сказать, что простое исправительное наказаніе приличествуетъ лучше въ сихъ случаяхъ, нежели обвиненіе въ оскорбленіи величества, всегда страшное и самой невинности. Письма суть вещь не такъ скоро проходящая, какъ слова, но когда они не пріуготовляютъ ко преступленію оскорбленія величества, то и они не могутъ быть вещью, содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорбленіи величества. Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя, но оныя дѣлаются предметомъ, подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ; и весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ“.

Въ началѣ года, еще до отъѣзда въ Москву, Екатерина писала Д'Аламберу, что Наказъ вовсе не похожъ на то, что она хотѣла ему послать: „я зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины, и Богъ вѣсть, что станется съ остальнымъ“. Когда депутаты съѣхались въ Москву, императрица, находясь въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила, разныхъ персонъ „вельми разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Императрица дала

имъ чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что писано было ею, помарали и остался Наказъ, яко оный напечатанъ“. До насъ дошелъ отрывокъ изъ черновой рукописи Наказа, именно о крѣпостныхъ крестьянахъ, и мы можемъ, сравнивъ его съ печатнымъ, видѣть, какъ распоряжались эти разныя персоны вельми разномыслящія. Въ отрывкѣ читаемъ: „Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, т.-е. крестьянство и холопство. Существенная привязываетъ, такъ сказать, крестьянъ къ участку земли, имъ данной. Такіе рабы были у германцевъ. Они не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота домашняго и проч. и далѣе ихъ рабство не простиралося. Такая служба и теперь введена въ Венгріи, въ Чешской землѣ и во многихъ мѣстахъ Нижнія Германіи. Личная служба или холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежитъ больше къ лицу. Великое злоупотребленіе есть когда оно въ одно время и личное и существенное“. Все это въ печатномъ Наказѣ выпущено, и оставлено только слѣдующее за приведенными статьями мѣсто: „какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти“.

Далѣе въ отрывкѣ идутъ статьи: „Всякій человѣкъ долженъ имѣть пищу и одежду по своему состоянію, и сіе надлежитъ опредѣлить закономъ. Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобъ рабы и въ старости и въ болѣзняхъ не были оставлены. Одинъ изъ кесарей римскихъ узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзни отъ господъ своихъ, быть свободными, когда выздоровѣютъ. Сей законъ утверждалъ рабамъ свободу; но надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Когда законъ дозволяетъ господину наказывать своего раба жестокимъ образомъ, то сіе право долженъ онъ употреблять какъ судья, а не какъ господинъ. Желательно, чтобъ можно было закономъ предписать въ производствѣ сего порядокъ, по которому бы не оставалось ни малаго подозрѣнія въ учиненномъ рабу насиліи. Когда въ Римѣ запрещено было отцамъ лишать жизни дѣтей своихъ, тогда правительство дѣлало дѣтямъ наказаніе, какое отецъ хотѣлъ

предписать. Благоразумно было бы, если бы въ разсужденіи господина и раба подобное введено было употребленіе. Въ россійской Финляндіи выбранные седмь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ о всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы употребить для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто разорительно деревнямъ и народу и вредно государству, когда удрученные отъ нихъ крестьяне принуждены бываютъ неволею бѣжать изъ своего отечества. Есть государство, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ инако, какъ 12-ю особами ему равными — законъ, который можетъ воспрепятствовать сильно всякому мучительству господъ, дворянъ, хозяевъ и проч.

Все это въ изданномъ Наказѣ пропущено; за приведенною статьей, начинающеюся словами: „Какого бы рода покорство ни было“, прямо слѣдуетъ статья: „Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установляти жестокіе законы“, статья не имѣющая здѣсь смысла безъ дополненія, выпущеннаго въ изданномъ Наказѣ и сохранившагося въ отрывкѣ: „причина сему, что повиновеніе сдѣлалось несноснымъ игомъ, такъ необходимо надлежало и наказаніе за ослушаніе увеличить, или сомнѣваться о вѣрности. Благоразумно предостерегаться, сколь возможно, отъ того несчастія, чтобъ не сдѣлать законы страшные и ужасные. Для того, чтобы рабы и у римлянъ не могли полагать упованія на законы, то и законы не могли на нихъ имѣть упованія. Но какой то народъ, въ которомъ гражданскіе законы противоборствуютъ праву естественному? Былъ у грековъ законъ, по которому рабы, жестокостью господъ своихъ убѣжденные (?), могли требовать, чтобъ они другому были проданы. Въ послѣднія времена былъ подобный законъ и въ Римѣ: господинъ, раздраженный противу своего раба, и рабъ, огорченный противъ господина своего, должны быть другъ отъ друга разлучены. Сей законъ служилъ къ безопасности хозяина и раба.

За этимъ пропускомъ слѣдуетъ въ печатномъ Наказѣ статья, одинаковая съ находящеюся въ отрывкѣ: „Петръ I узаконилъ въ 1712 году, чтобъ безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ

дѣйства осталася, неизвѣстно. Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“ — но тутъ выпущена въ печатномъ Наказѣ вторая половина фразы: „и привесть ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу“. Пропущено и слѣдующее: „могутъ еще законы опредѣлить уреченное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ. Можно также установить, чтобъ на волю отпущеннаго человѣка уже болѣе не крѣпить никому, изъ чего еще та польза государственная выйдетъ, что нечувствительно умножится число мѣщанъ въ малыхъ городахъ. Также можно уврачевать зло сіе при самомъ онаго корени. Великое число рабовъ находится при отправленіи разныхъ должностей, имъ поручаемыхъ и уже отъ земледѣлія безповоротно отлученныхъ: перенести нѣкоторую часть сихъ званій на людей свободныхъ, напримѣръ, торговлю, мореплаваніе, художество; чрезъ то уменьшится число рабовъ. Надлежитъ чтобъ законы гражданскіе опредѣлили точно, что рабы должны заплатить за освобожденіе своему господину, или чтобъ уговоръ объ освобожденіи опредѣлилъ точно сей ихъ долгъ вмѣсто законовъ“. Затѣмъ въ изданномъ Наказѣ говорится: „Окончимъ все сіе, повторяя правило то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается. При чемъ однако весьма же нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели къ непослушанію рабовъ противъ господъ своихъ; не узнавъ же сихъ причинъ, законами упредить подобныхъ случаевъ нельзя, хотя спокойство однихъ и другихъ отъ того зависитъ“.

Нѣсколько статей о крестьянскихъ отношеніяхъ помѣщено авторомъ Наказа и въ главѣ о размноженіи народа въ государствѣ. „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось. Гдѣ люди не для иного чего убоги, какъ только что живутъ подъ тяжкими законами и земли свои почитаютъ нестолько за основаніе къ содержанію своему,

какъ за подлогъ (предлогъ) къ удрученію, въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается. Они сами для себя не имѣютъ пропитанія: такъ какъ имъ можно подумать отъ онаго удѣлить еще своему потомству? Они не могутъ сами въ своихъ болѣзняхъ надлежащимъ пользоваться присмотромъ: такъ какъ уже имъ можно воспитывати твари, находящіяся въ безпрерывной болѣзни, т.-е. во младенчествѣ. Они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненій. Многіе пользуясь удобностью говорить, но не будучи въ силахъ испытать въ тонкость о томъ, о чемъ говорятъ, сказываютъ: чѣмъ въ большемъ подданные живутъ убожествѣ, тѣмъ многочисленнѣе ихъ семьи. Также и то: чѣмъ большія на нихъ положены доли, тѣмъ больше приходятъ они въ состояніе платить оныя. Сіи суть два мудрованія, которыя всегда пагубу наносили и всегда будутъ причинять погибель самодержавнымъ государствомъ“. Въ главѣ: „О рукодѣліи и торговлѣ“ опять затрогивается вопросъ о крестьянахъ: „Не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего особеннаго. Сіе основано на правилѣ весьма простомъ, всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ, и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой у него отыметъ“.

Наказъ, въ этомъ сокращенномъ видѣ, былъ напечатанъ 30 іюля 1767 года; но и въ такомъ видѣ переводъ его былъ запрещенъ во Франціи. *Соловьевъ.*

Педагогическая система Бецкаго.

Воспитаніе, по взгляду Бецкаго, должно разсматривать съ четырехъ сторонъ: 1) со стороны фазической, 2) физико-моральной, 3) собственно-моральной и 4) дидактической или обученія. Физической сторонѣ въ воспитаніи Бецкій придавалъ большое значеніе и указывалъ для нея весьма раціональныя правила, преимущественно заимствованныя у Локка, съ прибавкою нѣкоторыхъ совѣтовъ доктора Саншеса. „Пользуясь, — говоритъ Бецкій, — тѣмъ неопровержимымъ прави-

ломъ, что натура въ произведеніяхъ своихъ дѣйствуетъ единообразно, т.-е. все рождается, растетъ, созрѣваетъ, я могу сравнить младенца съ самою новою отраслью, которую искусный садовникъ легче, нежели уже нѣсколько застарѣлую, обращая по волѣ своей, можетъ изъ нея произвести здоровое, лучшее и плодоноснѣйшее растеніе въ своемъ родѣ; но не долженъ никогда противу здраваго разсудка и возможности хотѣть, чтобы, напр., яблоня производила ананасы. А потому часть физическая есть средство слѣдовать по стопамъ натуры, не превозмогая ея и не переламывая; но, способствуя ей, наклонять мало-по-малу отъ вреднаго къ полезному“ (см. Собр. учрежд. и предпис. Т. I Предварительн. объясненіе). Физическое воспитаніе подраздѣлялось по возрастамъ. На каждый возрастъ мы находимъ въ Физическихъ Примѣчаніяхъ особые совѣты. Главнѣйшее вниманіе обращается на воздухъ, одежду и пищу. Дѣтямъ слѣдуетъ чаще быть на свѣжемъ воздухѣ, въ особенности во время движенія: „труды и вольный воздухъ укрѣпляютъ въ дѣтяхъ тѣлесное сложеніе, умножаютъ веселье и отъ всѣхъ будущихъ недостатковъ предохраняютъ: напротивъ того, отъ лѣности и худого воздуха вырастаютъ они такъ слабы, что весь свой вѣкъ въ болѣзняхъ препровождаютъ“. Заботясь о физическомъ развитіи дѣтей, Бецкій осуждаетъ однако излишнюю бережливость въ сохраненіи ихъ здоровья; онъ совѣтуетъ пріучать дѣтей съ ранняго возраста къ перенесенію стужи, влаги и непостоянной погоды, позволять имъ бѣгать въ ясные и пасмурные дни по песку, по кочкамъ, по пашнѣ, по горамъ и крутымъ мѣстамъ, ходить босикомъ по каменному полу и оставаться даже въ стужу съ открытою головою и грудью. „Если жъ, — говорится въ Физическихъ Примѣчаніяхъ, — случится нечаянно, что дитя простудится, то продолжать все то же, не пользуя ничѣмъ инымъ, кромѣ воздержности въ пищѣ. Не должно въ семъ случаѣ слѣдовать совѣтамъ малодушныхъ, но стараться, чтобъ жили дѣти въ хорошемъ воздухѣ, отдаленномъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оный заражень худыми парами“. Привычка къ чистому воздуху, укрѣпляя дѣтскій организмъ, избавляетъ, по мнѣнію Локка, отъ необходимости прибѣгать къ лѣкарствамъ, которыя должны быть употребляемы только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и отнюдь не въ видѣ предосторожности противъ возможныхъ, но еще

не наступившихъ болѣзней. Въ пищѣ Бецкій устраняетъ все, что можетъ разстроить и ослабить физическій организмъ ребенка, какъ-то: кофе, шоколадъ, вино, водка, пряные коренья. „Всего лучше, — говоритъ онъ, — вести жизнь нѣсколько сурово, привыкать ѣсть все, что ѣсть только можно, и въ выборѣ приправъ къ кушанью не быть прихотливу; но стараться, чтобъ было все, сколько можно, просто; притомъ за вѣрное утвердить можно, что всѣхъ лучше позывъ на ѣду происходитъ отъ тѣлодвиженія“. Что касается до тѣлодвиженій или дѣтскихъ игръ, то имъ не только не должно препятствовать и принуждать дѣтей быть въ покоѣ противъ ихъ склонности, но надобно вымышлять и изыскивать различныя гимнастическія упражненія, которыя полезны какъ для возбужденія хорошаго аппетита, такъ и для того, чтобы дѣти не впадали въ уныніе и, по этой причинѣ, не слабѣли и не сохли. „Склонность (по словамъ Бецкаго), которую вселяетъ природа въ сіи блаженныя лѣта къ игрѣ и къ увеселенію, есть главное средство къ умноженію здоровья и къ укрѣпленію тѣлеснаго сложенія“. Когда же въ этихъ играхъ и рѣзвостяхъ дѣти чѣмъ-нибудь зашибутъ себя, то родители худо сдѣлаютъ, если будутъ бранить ихъ или наказывать: результатъ можетъ выйти тотъ, что дѣти, боясь наказанія, никому не скажутъ о своемъ ушибѣ и поврежденіи и скроютъ болѣзнь до тѣхъ поръ, пока она не приметъ серіозныхъ размѣровъ. „Сколько жалки тѣ бѣдныя дѣти, — восклицаетъ авторъ Физическихъ примѣчаній, — которыя за игру и невинныя забавы, лѣтамъ ихъ необходимо потребныя, предаются столь часто на жертву ненавистному гнѣву и своенравію родителей или дядекъ: приличнѣе называть таковыхъ тиранами, нежели воспитателями“. Одежда дѣтей должна быть такъ же проста и невзыскательна, какъ ихъ пища: „не давать дѣтямъ одѣянія узкаго и не стягивать ихъ тугою вязкою; въ дорогое или богатое платье не одѣвать, дабы они свободно и безпрепятственно играть, прыгать и работать могли, не подвергая себя строгости“. Мѣховое платье дозволялось употреблять только въ долгомъ пути или на большомъ морозѣ; обычай кутаться въ шубу при малѣйшемъ холодѣ названъ безразсуднымъ. Съ развитіемъ физическаго организма все больше и больше опредѣляется въ человѣкѣ свойство его темперамента, такъ что около 15 лѣтъ уже начинаетъ обна-

руживаться замѣтно для наблюдателя. Для распознаванія этихъ темпераментовъ „Физическія примѣчанія“ указываютъ много вѣрныхъ примѣтъ, сообразно съ которыми должна направляться и дѣятельность воспитателя. Такъ, напр., если воспитанники будутъ сложенія флегматическаго или сырого, то „надлежитъ ихъ поощрять къ тѣлодвиженіямъ нѣсколько труднымъ, ибо они склонности къ тому не имѣютъ, удалять ихъ отъ покоя, который имъ всего пріятнѣе“. При темпераментѣ вспыльчивомъ (холерическомъ) полезно, наоборотъ, воздерживать излишнюю пылкость природы, потому что „такой человѣкъ добровольно бываетъ во всегдашнемъ упражненіи“; вино и всѣ раздражающіе напитки особенно вредны холерику. Самымъ лучшимъ сложеніемъ признается сангвиническое, худшимъ — меланхолическое, которое обнаруживается позже другихъ и, всего чаще, переходитъ по наслѣдству отъ родителей. Коль скоро замѣчена будетъ въ дитяти наклонность къ меланхоліи, обусловленная темпераментомъ, то „надлежитъ пріучать его къ упражненіямъ пріятнымъ, но непродолжительнымъ... стараться всячески, безъ принужденія, развеселять и разбивать задуманныя его мысли, удалять его отъ людей печальныхъ, вывозить на увеселительныя позорища“ и пр. Съ темпераментомъ надо сообразоваться не только въ физическихъ упражненіяхъ и въ выборѣ пищи, но также и въ способахъ нравственнаго вліянія на воспитанника. „Есть темпераменты или сложенія (говорится въ предварительномъ объясненіи къ уставу Воспитательнаго дома) иные горячѣе, другіе холоднѣе: вотъ вся разность, съ которою натура производитъ людей. Умѣть первыхъ удерживать, другихъ поощрять — вотъ великое искусство воспитанія, потому что правила не инаковы быть могутъ какъ общественны, а степени сложеній безчисленно многообразны... При медленныхъ же успѣхахъ иныхъ не должно отчаиваться; ибо бываютъ умы, которые не въ примѣръ позднѣе созрѣваютъ, но, пришедъ въ зрѣлость, превосходятъ прочихъ. Многіе, бывшіе даже въ совершенномъ возрастѣ съ тупыми понятіями, послѣ сдѣлались искусными и въ своемъ дѣлѣ великими людьми“. Придавая такое значеніе физической сторонѣ въ воспитаніи, Бецкій пускался въ подробности и высказывалъ вещи крайне новыя и странныя для большинства тогдашняго общества; поэтому онъ, собираясь говорить о важности здоровой

пищи и чистаго воздуха, предупреждаетъ своихъ читателей, что многіе поверхностные умы „почитаютъ подробности воспитанія не стоящими вниманія, упорствуютъ всѣмъ шутить“ и готовы даже на колкости, лишь бы отстоять свои невѣжественные и ограниченные взгляды. „Но я дерзаю утверждать, — говоритъ Бецкій, — что никакое дѣло, а наипаче толь трудное и запутанное, не можетъ быть совершенно исполнено, если всѣ его и послѣднія мелкости не выработаны... и желаю лучше подвергнуться колкости, нежели обвинить себя въ совѣсти, что пропустилъ малѣйшее для пользы человѣчества и общества“.

Физическое воспитаніе, укрѣпляя тѣло, способствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, развитію душевныхъ способностей, и для воспитателя является новая обязанность — направлять физическія упражненія такимъ образомъ, чтобы они имѣли образовательное вліяніе на душу ребенка. „Хотя физическая часть, — разсуждаетъ Бецкій, — укрѣпляетъ здоровье, безъ котораго человѣкъ не можетъ быть ни къ чему способенъ, однако безъ моральнаго оное будетъ только питаніе, или воскормленіе, а не воспитаніе. И для того приступимъ теперь къ попеченію о нравахъ. Прежде, нежели дойдемъ до объясненія одной душевной морали, надлежитъ сказать, что съ оною физика должна быть тѣсно связана и одна другой помогать. То еще немного, что человѣкъ здоровъ, если привыкъ къ лѣни и бездѣйствію. Какая польза въ жизни его, когда онъ наклоненъ всегда къ покою, къ нѣгѣ, и достоинъ ли жить, содѣлавшись лѣнивцемъ, тунеядцемъ, не находящимъ въ себѣ самомъ никакихъ способовъ и потому старающимся жить на счетъ другихъ, что производитъ всѣ пороки, не терпимые ни въ какомъ обществѣ? Кажется, что таковыхъ сама натура наказываетъ, ибо пребывающій въ безпрестанномъ спокойствіи портитъ кровь, цепенѣетъ и, наконецъ, погибаетъ“. Здѣсь начинается въ воспитаніи новая часть, которую Бецкій называетъ *физико-моральной* и въ основаніи ея кладетъ мысль, что „праздность — мать всѣхъ пороковъ, а трудолюбіе — отецъ всѣхъ добродѣтелей“. Какъ скоро дѣти начинаютъ сознавать свои дѣйствія („двухъ лѣтъ или около того, — сказано въ „Физическихъ примѣчаніяхъ“, — чувствительная въ дѣтяхъ происходитъ перемѣна: они начинаютъ понимать, разсуждать, помнить“ и пр.), всѣ старанія воспитателей должны

быть устремлены къ тому, чтобы пріучать ихъ не только къ мастерствамъ и рукодѣльямъ, но какъ человѣка участь неизвѣстна, и онъ ко всему долженъ быть готовъ, то и ко всѣмъ домашнимъ и хозяйственнымъ работамъ, однако такъ, чтобы дѣти сами находили въ томъ удовольствіе, ибо все то отвратительно, что отягощаетъ". Пріученіе это слѣдуетъ вести разумнымъ образомъ, смотря по лѣтамъ, силамъ и способностямъ дитяти. „Знать всему вѣсъ и мѣру, — осторожно замѣчаетъ при этомъ Бецкій, — кажется, сіе слово самое простое; однако, если, прилагая мысль его ко всему, прилежно разобрать, то сіе только одно составляетъ весь разумъ человѣческій, и безъ того никто ничего съ успѣхомъ сдѣлать не можетъ, а наипаче воспитатели. Во всемъ прочемъ можно перевѣсить, хотя и не безъ вреда, но въ человѣкѣ отъ того зависитъ счастіе и несчастье. Чтобы дѣти въ свободные часы отъ работъ и въ праздничные дни не чувствовали приманки къ спанью и лежанью, спальни ихъ запираются замками съ того времени, когда дѣти встанутъ и сами одѣнутся, до того, когда спать ложатся. Входъ же и выходъ должны быть настолько удобны, чтобъ дѣти могли отворять и затворять сами за собой двери, отправляясь въ то мѣсто, гдѣ на вольномъ воздухѣ для нихъ приготовлены разныя игры, которыя должны служить къ сильному тѣлодвиженію, какъ-то: бѣганье, скаканье, рытье рвовъ, дѣланье горъ зимой для катанья и все прочее, что разнообразіемъ можетъ возбуждать ихъ безпрестанное удовольствіе, такъ какъ юношество любитъ частыя перемѣны въ играхъ и занятіяхъ. Смотрители обязаны наблюдать, чтобы всѣ нужныя для игръ вещи находились готовыми на мѣстѣ и чтобы онѣ притомъ были сдѣланы прочно и не могли причинить вреда играющимъ дѣтямъ. Предводительствовать дѣтей въ играхъ также не надлежитъ (по словамъ Предварит. объясненія къ уст. Восп. дома), ибо по приказанію веселиться невозможно, а тѣмъ менѣе дѣтямъ, которымъ всякое принужденіе несносно; слѣдовательно, оставлять сіе имъ на собственное произволеніе, примѣчая только, чтобы не было какой неблагопристойности". Могутъ быть, — прибавлено къ этому, — изъ дѣтей и сложенія печальнаго (т.-е. меланхолическаго); сіе приставникамъ должно отъ нихъ, какъ отраву, отвращать; лучшій способъ къ тому есть тотъ, чтобъ они сами были всегда веселаго духа и старалися, съ ласкою

и благопріятствомъ, такихъ соединять съ рѣзвыми и игривыми". Быть можетъ, говоритъ Бецкій, въ заключеніи физико-моральной части, не вникающему въ существо воспитанія покажется нестоящимъ о томъ и говорить; но тѣмъ не менѣе дѣтскія игры и рукодѣлья, разумно устроенныя, не только укрѣпляютъ здоровье и умножаютъ физическія силы, но пріучаютъ также къ трудолюбію, питаютъ бодрость и веселость духа, искореняютъ злоумышленія и коварства, происходящія между дѣтьми отъ праздности и, наконецъ, соединяя дѣтей въ общихъ забавахъ, располагаютъ ихъ къ дружескимъ чувствамъ и служатъ къ выраженію природныхъ способностей, о чемъ необходимо знать воспитателямъ. Согласно съ этими мыслями, въ уставѣ кадетскаго корпуса предписано воспитателямъ: „дѣлать прилежно опыты склонностямъ питомцевъ, дабы узнать, кто къ которому званію способнѣе — къ воинскому ли, или къ гражданскому. Подъ опытами разумѣется то, чтобъ въ разныхъ родахъ наукъ и экзерцицій примѣчать, къ чему точно они способны окажутся во время гулянья, забавъ и при другихъ случаяхъ... для того стараться, дабы всѣ игры и гулянья служили имъ и въ пользу, и въ увеселеніе, и оставлять имъ благопристойную вольность выбирать оныя по своимъ лѣтамъ, такъ чтобы самыя забавы не казались имъ должностью. Симъ способомъ спознавать ихъ склонности, дабы тѣмъ удобнѣе употребить оныя въ пользу".

За частью физико-моральною слѣдуетъ *душевная моралъ* или *нравоученіе*, которому отведено самое почетное мѣсто въ педагогической системѣ Бецкаго. Приступая къ объясненію этой важнѣйшей части, Бецкій дѣлаетъ прежде всего слѣдующую оговорку: „Здѣсь не должно разумѣть мораль школьную, по которой люди, не исправляяся, выученное наизусть такъ добродѣтельно говорятъ и такъ порочно поступаютъ. Зная, что не все то до сердца доходитъ, что разумъ понимаетъ, здѣсь должно быть нравоученію самому естественному, а именно, во-первыхъ, *удалять отъ слуха и зрѣнія все то, что хотя тѣнь порока имѣетъ*" (см. Предв. объясн., стран. XII—XIII). „На сіе-то, — продолжаетъ онъ, — надлежитъ устремлять весь свой разумъ, какъ на самое труднѣйшее и важнѣйшее дѣло для составленія истиннаго благонравія, *ибо безъ сего всѣ наставленія нигда*

не годятся“. Но тутъ представлялось новое возраженіе, которое Бецкій оспариваетъ, впрочемъ, довольно слабо: „Быть можетъ, спросятъ, какимъ же образомъ предостеречься отъ зла, его не зная? и можно ли гнушаться порокомъ, когда неизвѣстно, что онъ такое? Сей вопросъ подобенъ тому, что если бы человѣкъ безпрестанно наслаждался при солнечномъ сіяніи зрѣніемъ однѣхъ красотъ натуры, не видя ея безобразій, — не ужаснулся ли бы онъ, когда бы вдругъ настала мрачная и ненастливая ночь? Конечно, болѣе, нежели тотъ, который уже привыкъ“. Средствомъ къ устраненію отъ порока служило закрытое воспитаніе. „Во-вторыхъ, какъ еще мало только не знать порочнаго, а надлежитъ быть добродѣтельнымъ, полезнымъ и угоднымъ обществу, и какъ въ гибкихъ и чувствительныхъ сердцахъ юношества всякое дѣйствіе видимое сильно впечатлѣвается, то надлежитъ въ дѣтей обоего пола вкоренить живыми, ихъ воспитателей и смотрителей, примѣрами, которые всякой словесной морали дѣйствительнѣе, все то, что нужно для благонравія, какъ-то: чувствительность благодарности, ибо неблагодарный не достоинъ никакихъ благодѣяній, почтеніе къ начальникамъ, дружелюбіе, откровенность, благопріятность къ равнымъ, снисхожденіе и человѣколюбіе къ меньшимъ, бережливость, опрятность, чистоту, угодливость, учтивость, терпѣніе, трудолюбіе и прочія добродѣтели, которыя въ жизни столько же необходимы, какъ и сама жизнь, и безъ чего никто недостоинъ носить имя человѣка. Паче же всего истреблять въ нихъ гордость и высокомѣріе, показывающія слабодушіе и въ счастливыхъ людяхъ, а пагубныя для сиротъ. Наконецъ, какъ человѣкъ, вообразившій слишкомъ высоко о себѣ, не можетъ не только никогда достигнуть ни до чего, но и себя теряетъ, то внушать въ нихъ столько самолюбія, дабы, *не думая никогда, что уже совершенны, старались они часъ отъ часу лучше быть*. Сіе весьма удобно произвести поселеніемъ между ними соревнованія чрезъ похвалы и награжденія, свойственныя и безпристрастныя. Должно сказать, что только разумно управляемое воспитаніемъ чести желаніе, котораго сѣмена врождены въ сердцѣ каждаго человѣка, даетъ душѣ крылья, возносящія ее до той степени, до которой достигнуть можетъ. На семъ правилѣ благовоспитаннымъ, въ случаѣ ихъ проступковъ, наказаніе однимъ

выговоромъ или охужденіемъ несравненно дѣйствительнѣе всякихъ свирѣпостей, которыя, никогда не исправляя, только ожесточаютъ, приводятъ духъ въ застѣнчивость, въ робость, дѣлая подлыми, коварными, унижаютъ до чреды животныхъ и лишаютъ здравія и всѣхъ способностей".

Итакъ, „живой примѣръ" есть главная дѣйствующая сила въ моральномъ воспитаніи: отъ него зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ всего дѣла. Бецкій отлично понималъ рѣшительное вліяніе обстановки на дѣтскій возрастъ, и хотя та же мысль промелькнула прежде у Н. И. Панина, въ его планѣ обученія наслѣдника, но далеко не съ такою полнотою и отчетливостью. Къ родителямъ, не признающимъ этого вліянія, Бецкій обращался съ горькою укоризною: „Имѣя крѣпостных людей, не думаетъ онъ (отецъ семейства), чтобъ они полезны и надобны были къ иному чему, кромѣ обыкновенной въ домѣ службы, либо за нимъ ѣздить. Утверждаютъ притомъ смѣло, что наставленіе въ нравоученіи, касающемся до гражданской жизни, имъ не только не потребно, но еще неполезно и вовсе ненадобно. Въ заключеніе суровымъ голосомъ скажетъ: *„не хочу, чтобъ философами быть, кои мнѣ служить должны!"* Коль бѣденъ человѣкъ, такимъ образомъ ослѣпившійся! Иль того ты не видишь, что тотъ самый крѣпостной, котораго ты столь презираешь и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, первый будетъ наставникъ твоему сыну, въ которомъ однакожъ ты все свое полагаешь благополучіе и всю надежду? Тотъ самый крѣпостной или крѣпостная — первый будетъ наперсникъ или наперсница, первый другъ или подруга сыну твоему или дочери твоей. Дѣти твои, коимъ ты любишь, какъ утробу свою, напитаются съ первымъ млекомъ, въ первые годы возраста, всѣми пороками, всею грубостью, всѣми худыми разговорами отъ сихъ рабовъ, которыхъ столь гордо и столь надменно пренебрегаешь. Дѣти твои будутъ у нихъ въ рукахъ и въ полной власти до самаго времени юношества и далѣе. Отъ сообщества съ ними наслѣдствуютъ они невѣжество, свирѣпство, развратные нравы; въ ихъ мысли вперяются разсказы тѣмъ гнуснѣйшіе и тѣмъ опаснѣйшіе, чѣмъ величавѣе и суровѣе поступаешь съ рабами. Такіе-то плоды пріобрѣтаетъ человѣкъ, воспитанный тамъ, гдѣ глупость и коварство, гдѣ общества подлыхъ рабовъ, несмыс-

ленныхъ кормилицъ и безстыдныхъ служанокъ обитаютъ. Жалуются непрестанно, что несчастныхъ имѣютъ дѣтей, не оказывающихъ почтенія родителямъ, ненавидящихъ всякое наставленіе и трудъ, праздныхъ, живущихъ въ нечистотѣ и утопающихъ въ пьянствѣ или звѣрскомъ буйствѣ. Отецъ (говорю о разумномъ, потому что многіе родители и того не чувствуютъ) болѣзнуетъ непрестанно о своемъ сынѣ, всему полагаетъ причиною *злую природу* бѣднаго сего юноши, думаетъ, что родился подъ худою планетою. Смѣшная мечта, съ давняго времени за справедливую почитаемая; но никогда въ мысль ему (отцу) не приходитъ, что сіе отъ того единственно произошло, когда у сихъ дѣтей подлые рабы первыми учителями, сверстниками и друзьями были и вкоренили въ ихъ сердце и разумъ то, что ему толь горестно кажется“ (см. уставъ Моск. Восп. дома, ч. III, гл. VI, стран. 225—228).

По этимъ соображеніямъ, особенно справедливымъ въ примѣненіи къ русскому быту, Бецкій много заботился о томъ, чтобы дурныя нравственныя вліянія не проникали въ училища, созданныя по его плану. Въ уставѣ кадетскаго корпуса было запрещено кадетамъ держать свою собственную крѣпостную прислугу, что дозволялось имъ въ прежнее время. Всѣ воспитатели, учителя и даже простые служители, съ своимъ начальникомъ во главѣ, должны были образовать, по мысли Бецкаго, какъ бы одну любящую семью, въ которой жилось бы привольно и хорошо всѣмъ воспитываемымъ дѣтямъ. Главный надзиратель Воспитательнаго дома, такъ же точно, какъ генералъ-директоръ корпуса и начальница Смольнаго института, должны были служить образцомъ кроткаго и человѣколюбиваго обращенія, чтобы ихъ подчиненные „служили съ удовольствіемъ, а вышедши, вспоминали бы объ нихъ съ похвалою“. Не только съ воспитателями и учителями, но и съ комнатными служителями, „кои родились и воспитаны въ рабствѣ“, начальники должны поступать, „пріятно, ласково и съ учтивствомъ, дабы такое обхожденіе поверженный ихъ духъ возвышало и чрезъ то бы въ благополучіе себѣ вмѣняли быть въ семъ домѣ“. „Какое изящество, какая добродѣтель, *какое* праводушіе могутъ произрасти въ сердцахъ сиротъ нашихъ (т.-е. дѣтей Восп. дома), — спрашиваетъ Бецкій, — когда съ тѣми, коихъ они родителями себѣ по справедливости признаютъ и

почитаютъ, поступать будутъ какъ съ *невольниками?* Главный надзиратель Восп. дома (человѣкъ несвоенравный, правдолюбивый и вольномыслящій, по требованію устава) долженъ былъ и кругомъ себя водворять ту же атмосферу нравственной свободы и независимости; директоръ корпуса, какъ человѣкъ военный, могъ быть нѣсколько строже, но и ему вмѣняется въ обязанность соединять „строгость съ пріятностью“ и не дѣйствовать на своихъ подчиненныхъ однимъ „вредительнымъ страхомъ“. Только въ крайнемъ случаѣ прямого нарушенія обязанностей позволялось начальнику отрѣшать отъ должности подчиненнаго или дѣлать ему строгіе выговоры и замѣчанія; но и тутъ строгія мѣры сопровождались въ уставѣ разными оговорками, съ цѣлью положить предѣлъ произволу начальниковъ. „Строгость и твердость, — говорится въ уставѣ воспитанія благородныхъ дѣвицъ, — суть *иногда* великія добродѣтели; но бываютъ временно и такіе случаи, въ коихъ требуется особливое искусство, чтобъ оныя согласить съ порядкомъ и тишиною во всемъ училищѣ“. Если начальствующія лица и воспитатели будутъ сами удовлетворять всѣмъ условіямъ, требуемымъ отъ нихъ по уставу, то вліяніе ихъ на воспитанниковъ принесетъ громадную и вѣрную пользу. Бецкій не ставитъ даже никакихъ границъ этому вліянію, злой природы въ дѣтяхъ онъ не признаетъ вовсе, и поэтому дурной результатъ воспитанія въ заведеніи, устроенномъ по его плану, падаетъ исключительно и безраздѣльно на голову воспитателей. „Направленія сердца и разума къ добродѣтели, — говоритъ онъ въ уставѣ коммерческаго училища, — не инако достигнуть можно, какъ во всю ихъ бытность въ училищѣ никогда не дать такого случая ни видѣть, ни слышать, чтобъ могло произвесть худыя впечатлѣнія... При таковомъ стараніи и наблюденіи, когда худы будутъ воспитанники, т.-е. своенравны, сердиты, упрямы и прочіе имѣя отвратительные поступки, то *вина почесться должна буйству и нерадѣнію начальниковъ*, воспитателей, мастеровъ (т.-е. учителей), а не дѣтей; сіе на практикѣ каждому доказать легко“. Но хотя всѣ наставленія безполезны, „когда приставники сами не окажутъ примѣровъ исполненія честностью своею, скромностью и трезвостью“, хотя „въ особѣ ихъ и въ ихъ поступкахъ представляются питомцамъ

всѣ нравоучительныя книги", но все-таки Бецкій, не выдержавъ на этотъ разъ послѣдовательности, совѣтуетъ завести и нравоучительныя книжки, и даже моральныя надписи на стѣнахъ въ такомъ духѣ: 1) не дѣлай зла и не досаждай никому; 2) не вреди никакому животному и не озлобляй его; 3) не лги; 4) не будь празденъ. Полезность нравоучительной книжки Бецкій доказываетъ тѣмъ, что „общество людей дѣйствуетъ больше отъ подражанія, нежели отъ разсужденія и сравненій умственныхъ", и что всякій „полагается на одно то утвердительное правило, которое извѣдалъ и призналъ за полезнѣйшее". Такими-то правилами должны были явиться для каждаго юноши правила, изложенныя въ нравоучительной книгѣ, которую надо писать не теоретически, но просто, *явственно* и ощутительно для дѣтей. Въ этомъ проектируемомъ руководствѣ предполагалось объяснить юношамъ, въ ясныхъ и понятныхъ выраженіяхъ, всѣ главнѣйшія обязанности человѣка — религіозныя, семейныя и общественныя. Изложеніе религіозныхъ обязанностей проникнуто въ планѣ Бецкаго деистическимъ взглядомъ, заимствованнымъ у европейскихъ писателей; не останавливаясь совсѣмъ на догматической сторонѣ, Бецкій налегаетъ, главнымъ образомъ, на то, что предписанія добродѣтели, разумно понятыя, совпадаютъ съ пользою и собственнымъ благополучіемъ отдѣльнаго индивидуума, и что, дѣлая полезное и потребное обществу, человѣкъ тѣмъ самымъ угождаетъ верховному существу. Обязанности къ семейству и къ обществу выводятся также эмпирически изъ того положенія, что всѣ нужды человѣка не могутъ быть удовлетворены имъ самимъ, безъ помощи и сочувствія другихъ людей. Наши первыя нужды удовлетворяются родителями, которые дѣлаются такимъ образомъ нашими первыми благодѣтелями и наставниками. „Но понеже самыя тѣ же нужды умножаются ежедневно, чѣмъ ближе приходимъ въ возрастъ мужества, а умножаются еще больше, когда къ старости преклоняемся: слѣдуетъ, что нужно намъ *правосудіе* для сохраненія своего *имѣнія, чести, счастья и жизни* (курс. въ подлинн.). Нужда имѣть мудраго вождя есть самая большая и важнѣйшая. Безъ его законовъ, безъ его попеченія, безъ его домостроительства, безъ его правосудія растерзали бы насъ дикіе звѣри въ жилищахъ нашихъ, не

было бы у насъ свободныхъ дорогъ, ни земледѣлія, ниже дугихъ художествъ, жизни человѣческой потребныхъ, не считая множества выгодъ, коими пользуемся и безъ которыхъ бы жить не могли". Но нравственная солидарность между людьми распространяется и за предѣлы ихъ отечества: она связываетъ между собою общностью мыслей и интересовъ не только гражданъ одной земли, но всѣ націи и государства. Поэтому Бецкій предписывалъ „внушать питомцамъ, что каждый особливо и мы всѣ вообще принимаемъ участіе въ заключеніи, отъ котораго страждутъ ближніе наши сосѣди и единоземцы, не меньше же и въ томъ несчастіи, которому *чужія государства* подвергаются отъ потопа, опустошающаго поля, отъ морового повѣтрія, отъ пожара, цѣлые города въ пепелъ обращающаго, и пр. Хотя не прямо ввергаемся мы въ сіи несчастія, но въ послѣдующее время, по обстоятельствамъ, взаимно сопрягающимся, и мы принимаемъ участіе въ семъ разореніи и ущербѣ. Разумѣть имъ должно, что мы обязаны помогать и пользу приносить друзьямъ нашимъ, согражданамъ и единоземнымъ; ибо со всѣми поступать надобно, какъ съ братьями. Когда признаемъ, что мы участіе имѣемъ въ злоключеніяхъ единоземныхъ и сосѣдей нашихъ, надобно признавать, что равномѣрно участвуемъ и въ благополучіи, коимъ они пользуются. Потому и употреблять мы должны всѣ силы быть для нихъ полезными, ибо, трудясь о ихъ благоденствіи, трудимся купно и о своемъ". Нельзя не замѣтить, что и это правило, сильно ограничивая всепоглощающій національный эгоизмъ во имя общечеловѣческихъ интересовъ, весьма благоразумно само въ себѣ; но, высказанное отвлеченно, безъ фактовъ и въ видѣ афоризма, оно врядъ ли могло принести всю ту пользу, на которую разсчитывалъ Бецкій. Изъ всего вышесказаннаго вытекаютъ четыре главнѣйшія добродѣтели: 1) страннопріимство, 2) миролюбіе, 3) терпѣніе и 4) непрерывные труды съ пріобрѣтаемымъ отъ нихъ искусствомъ. Каждый видъ добродѣтели объясняется въ проектѣ книжки посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ. Любопытенъ отвѣтъ на вопросъ: что есть *терпѣніе?* „Въ обществѣ, гдѣ мы находимся или гдѣ жить принуждены, есть, по несчастью, люди развратнаго поведенія, испорченныхъ нравовъ, легкомысленны, звѣрообразны, неистовы въ словахъ, въ поступкахъ

и въ коварныхъ разговорахъ своихъ такъ нахальны и злы, что родилися, кажется, только для произведенія вражды въ обществѣ и для истребленія онаго. Примѣръ: кто слышитъ крикъ лютаго звѣря или бѣшенаго человѣка, ума лишившагося, тотъ, конечно, отъ нихъ удаляется: равномѣрно убѣгать должно и сихъ людей, отъ человѣчества отрекшихся. Ежели намъ сего учинить не можно для того, что мы принуждены необходимо жить съ ними въ одномъ домѣ, путешествовать и пр., въ такомъ случаѣ должно имѣть терпѣніе, спокойно сносить всѣ приключенія и, слѣдовательно, быть совершенно *терпѣливыми*. Такимъ же образомъ поступать со всѣми, коихъ мнѣнія съ нашими не сходствуютъ, которые инако думаютъ въ дѣлахъ до гражданства, до всей жизни человѣческой и наипаче до вѣры касающихся. Если услышишь самоѣда, хвалящагося язычествомъ, татарина — магометанствомъ и прочихъ, полагающихъ непорочность въ своей вѣрѣ: сноси, не противоборствуй ни словами, ни дѣломъ, будь терпѣливъ; *ни малѣйшаго права не имѣешь управлять разумомъ другого: онъ такой же человѣкъ, какъ и ты*“. Здѣсь выказалась въ довольно опредѣлительной формѣ идея вѣротерпимости, уже распространенная тогда между многими мыслящими людьми въ Европѣ, благодаря въ особенности раціональному направленію литературы.

Мы говорили уже, что Бецкій придавалъ всесильное значеніе доброму примѣру воспитателей и ихъ нравственному вліянію на дѣтей; изъ этого само собою слѣдуетъ, что онъ не могъ не признавать и дѣйствительно не признавалъ никакой пользы за строгими наказаніями, съ помощью которыхъ старые рутинеры вбивали въ головы своихъ питомцевъ и науку и дисциплинарныя правила. „Ежели съ младенчества поступятъ съ такимъ предусмотрѣніемъ и осторожностью, какъ узаконено, — говорится въ главѣ о *наказаніяхъ*, употребительныхъ въ Восп. домѣ, — есть надежда, что наказанія будутъ весьма рѣдки и безполезны“. Чтобы предохранить дѣтей отъ мелочныхъ и придирчивыхъ внушеній начальства, Бецкій даетъ воспитателямъ кадетскаго корпуса весьма мудрый и практическій совѣтъ: „Хотя рѣдко примѣчено, однако весьма вѣроятно, что у *дѣтей, во всякомъ возрастѣ, особливыя бываютъ свойства, мысли и разговоры*. Если кто наказываетъ ихъ за всякія погрѣшности, шутки и неосто-

рожности, какъ обыкновенно дѣлаютъ угрюмые педанты, тотъ либо не имѣетъ о сей вещи понятія, либо хочетъ ихъ погубить и сдѣлать имъ жизнь несносною. Если дитя воспитываемо въ непрестанной неволѣ и всегда понуждаемо будетъ наблюдать маловажныя правила, — вселится въ немъ ненависть къ повиновенію... Словомъ, надлежитъ истребить всѣ мелочныя или пустыя наставленія... малыхъ ошибокъ, кои происходятъ отъ молодости, важными никогда не признавать, ниже выговаривать за оныя. *Худую имѣлъ бы я о десяти или двѣнадцатилѣтнемъ дитяти надежду, если бы оно столько же постоянно, тихо и осторожно было, какъ человѣкъ тридцати лѣтъ*“. Противъ тѣлеснаго наказанія Бецкій возстаетъ съ рѣзкостью, объясняемой крайнимъ злоупотребленіемъ училищной власти. „Не должно никогда, — говоритъ онъ, — кадета бить шпагою или фухтелемъ. Сіе толь вредительное злоупотребленіе происходило прежде. Кто не видитъ, что жестокое сіе наказаніе отнюдь не прилично нѣжному ихъ возрасту... Болѣзненное сіе наказаніе, производя ужасъ, заражаетъ чувствія. Благородную душу должно воздерживать опасеніемъ пренебреженія или безчестія, а не страхомъ тѣлеснаго или вредительнаго наказанія“ (см. Разсужд. объ установл. кад. корпуса, ч. I, гл. VIII). „Тѣлесныя наказанія, — читаемъ въ уставѣ Восп. дома, — крайне запрещаются и надъ самыми нижними служителями, дабы юношество не пріобучить къ суровости“. Людей, прибѣгающихъ къ такимъ мѣрамъ, Бецкій называетъ „угрюмыми, развратно живущими, въ страстяхъ и порокахъ утопающими“. Вмѣсто побоевъ и розогъ Бецкій разрѣшаетъ, въ случаѣ необходимости, слѣдующія исправительныя мѣры: 1) заставлять дѣтей одинъ или два часа, смотря по лѣтамъ, стоять на одномъ мѣстѣ, ни на что не опираясь; 2) не пускать съ другими гулять; сіе весьма чувствительно дѣтямъ, ибо отъ природы не любятъ покоя и насилія, что и доказывается въ молодыхъ животныхъ; 3) дѣлать выговоръ наединѣ, побуждая къ раскаянію; 4) пристыжать публичнымъ выговоромъ; 5) хлѣбъ и вода на 12 или на 24 часа сносны для возраста отъ 5 до 10 лѣтъ; 6) смотря по ихъ возрасту, заставлять и поститься, т.-е. лишать завтрака, иногда и обѣда, но никогда не отымать ужина“. Подобныя же наказанія были введены и въ кадетскомъ корпусѣ,

и къ нимъ прибавлены еще: 1) стоянье въ классѣ на колѣняхъ и 2) нарядъ въ караулъ на нѣсколько времени. Но и въ этихъ наказаніяхъ Бецкій желалъ умѣрить, сколько возможно, произволъ воспитателей; съ этою цѣлью онъ предписалъ составить „краткое сочиненіе“, въ которомъ подробно опредѣлялись бы наказанія за лѣность, кражу, обиду и пр. Не приступая еще къ наказанію, воспитатель долженъ былъ объяснить на словахъ виноватому, какъ его вину, такъ и соотвѣтствующее ей наказаніе, чтобы дѣти знали, „что не по пустому воображенію, не по прихоти и не по страсти, но праведно осуждаются отъ начальниковъ своихъ и наказываются силою устава“. Строгость, употребленная не по важности вины, бываетъ (по словамъ институтскаго устава) обыкновенно *поводомъ къ преступленію*, совершенно опровергаетъ порядокъ добраго воспитанія и приводитъ въ уныніе питомца, коего ожесточившееся тѣмъ сердце отвратится отъ своего воспитателя“. Кромѣ того, запрещалось совершать наказаніе или дѣлать выговоры въ моментъ личнаго раздраженія. Всѣ эти человѣколюбивыя правила приходились, конечно, далеко не по сердцу большей части тогдашнихъ педагоговъ, привыкшихъ къ ежедневному избіенію младенцевъ, по правилу Домостроя: „аще жезломъ біеши сына, не умретъ, но здравъ будетъ“. Подобные воспитатели, оставшись совсѣмъ безъ практики, обращались къ Бецкому съ просьбою возстановить тѣлесныя наказанія. Бецкій гналъ вонъ отъ себя такихъ просителей, но зато онъ умѣлъ цѣнить и награждать людей, дѣйствительно способныхъ выполнить его гуманныя предписанія. Для хорошихъ воспитателей онъ совѣтуетъ *не щадить денегъ*, такъ какъ они убытку приносятъ меньше, нежели худые, не взирая, что сіи и малымъ довольствоваться могутъ“.

Возвысивъ значеніе моральнаго воспитанія, Бецкій оттѣснилъ на задній планъ дидактику, или *обученіе*, которому не придавалъ почти никакой цѣны. Воспитатели въ его заведеніяхъ и по классу должности, и по жалованью, стояли выше, учителей: они были главными дѣйствующими лицами и руководили всѣмъ ходомъ воспитанія, тогда какъ роль учителей была до послѣдней степени маловажная и ограниченная. Здѣсь Бецкій повторилъ ошибку тѣхъ писателей, у которыхъ заимствовалъ свои основные взгляды. Наука

являлась для него чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ воспитанія, какимъ-то случайнымъ и ненадежнымъ подспорьемъ нравственности; иногда эта наука ведетъ къ добру, но „во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердце не вкоренены", — какъ будто сама добродѣтель не видоизмѣняется, не становится чище и выше, смотря по степени умственнаго развитія. Воспитательное значеніе науки было не вполнѣ ясно для Бецкаго: онъ не видѣлъ тѣсной связи между нею и тѣми нравственными идеями, которыя предписывалъ внушать своимъ питомцамъ. Но и не видя этой связи (заблужденіе общее всѣмъ лучшимъ писателямъ того времени), Бецкій высказалъ много прекрасныхъ замѣчаній о характерѣ и способахъ обученія. Прежде всего нападаетъ онъ на принудительный элементъ въ обученіи: „надлежитъ или отрещись отъ воспитанія, или дѣтей вести, такъ сказать, играя и съ пріятностью. А паче всего, внушая вкусъ къ чтенію, открывать истинный путь природному разуму, который, если умѣютъ давать ему свободу самому дѣйствовать, летитъ на крыльяхъ; когда же налагаютъ на него бремя педантической методы, то едва двигая ползетъ. Сіе можно доказать несмѣтными примѣрами: какое множество на свѣтѣ ученыхъ и сколь мало прямо разумныхъ! Нѣкоторый изъ славныхъ писателей говоритъ: „многоученіе, а особливо безмѣрное, наизусть, слишкомъ наполняя умъ мелочами, лишаетъ его природной силы. Тогда ученый, не столько на здравый разсудокъ, сколько на свою память надѣяся, все знаетъ, что другіе думали, а самъ ничего не умѣетъ мыслить. Къ сему должно присоединить, что отъ упорства слѣдовать издревле принятой методѣ, всѣмъ безъ мѣры и безъ вѣса навьючивать умъ, которая кажется потому только хороша, что старинная, *бываетъ часто къ стыду своему профессоромъ родившійся быть ремесленникомъ*" (см. Предвар. объясн., стран. XIX). „Если учители, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — будутъ поступать съ благоразуміемъ и наставлять питомцевъ своихъ съ любовью и ласкою, если учить ихъ станутъ больше разговорами и разсужденіями, нежели заставляя безпрерывно сидѣть надъ урокомъ въ принужденномъ и здоровью ихъ вредительномъ наклоненіи, то юношество окажетъ великіе во всемъ

успѣхи, что только отъ возраста его требовать можно. Отвергнемъ на часъ грозный и повелительный взглядъ и голосъ учителей и дядекъ, увидимъ съ удовольствіемъ, какъ дитя подражаетъ намъ поступками, разговорами и самымъ произношеніемъ. Паки подтверждаю: все зависитъ отъ удачнаго выбора начальствующихъ и учителей, одаренныхъ здравымъ разумомъ и благонравіемъ, а не заразившихся надутымъ видомъ и угрюмостью". Всѣ эти совѣты были, безъ сомнѣнія, не лишними въ то время, когда наши доморощенные педадоги старались всѣми силами доказать, *что корень ученія горекъ*, да и плоды-то не особенно сладки... По различію умственныхъ способностей Бецкій дѣлилъ сиротъ Восп. дома на три категоріи, и изъ нихъ только самые бойкіе мальчики приготовлялись въ Академію художествъ и въ Московскій университетъ, остальные же (наибольшее число) предназначались къ ремесленнымъ трудамъ разнаго рода. Всѣ науки должны были преподаваться на русскомъ языкѣ; этого желалъ Бецкій, приводилъ къ тому основательные резоны, и если намѣреніе его плохо осуществлялось, напр. въ Смольномъ, то виною былъ не онъ, а недостатокъ учителей изъ русскихъ, которымъ можно было бы поручить преподаваніе. Обученіе письму слѣдовало начинать уже тогда, когда дѣти пріобрѣтутъ навыкъ въ рисованіи: „писать и изображать цыфирь легко уже покажется имъ, какъ скоро свободно рисовать начнутъ". При этомъ учащіе должны показывать, какъ держать карандашъ и перо въ рукѣ, какъ бумагу и руки класть безъ принужденія, и въ какомъ положеніи слѣдуетъ быть тѣлу, чтобы насильственная и неловкая поза не разслабляла понапрасну ребенка и не повредила его здоровью. Въ дальнѣйшемъ обученіи Бецкій предписывалъ держаться правила Монтеня: что „истинному для юношества наставленію должно входить ушами, подобно какъ бы въ него вливалося, но потеряны будутъ и труды и время, если непрестанно читать и наизусть учить станутъ". Обязанность *директора наукъ* (котораго должно отличать отъ генералъ-директора, какъ главнаго начальника заведенія) состояла, между прочимъ, въ томъ, чтобы распредѣлять уроки въ кадетскомъ корпусѣ и „предписывать легчайшіе способы къ обученію". Практичность и наглядность преподаванія — вотъ главныя требованія отъ учителя.

Такимъ образомъ, иностраннымъ языкамъ требовалось обучать „паче употребленіемъ, нежели тверженіемъ грамматики“; ариѳметикѣ и геометріи — больше опытами на твердыхъ тѣлахъ, нежели чертежами. Не приступая еще къ географіи, слѣдовало дать понятіе дѣтямъ о движеніи небесныхъ тѣлъ посредствомъ прибора, изобрѣтеннаго Мушенброкомъ, въ которомъ отъ придѣланнаго поворота ясно видно движеніе планетъ около солнца. Географіи дѣти обучались на большомъ глобусѣ, а не по картамъ; въ то же время проходили они и исторію въ сокращенномъ очеркѣ, примѣняясь къ географическимъ описаніямъ (Рузсужд. о установл. кадетск. корп., ч. 2, гл. II). Преподаваніе Закона Божія также подчинялось общему правилу — не обременять память дѣтей безполезнымъ заучиваньемъ, но содѣйствовать, по возможности, ихъ нравственному развитію, возбуждая въ нихъ добрыя и человѣческія чувства. Если учитель увидитъ, что одинъ или два ученика особенно успѣваютъ въ его предметѣ, то онъ долженъ поручать имъ обученіе товарищей; отчего между ними появится соревнованіе, а учитель „увидитъ съ удовольствіемъ и въ другихъ ученикахъ успѣхи, и себѣ облегченіе получитъ“. Чтобы возбудить это соревнованіе въ еще большей степени, въ послѣднихъ двухъ возрастахъ кадетскаго корпуса раздавались, послѣ экзамена, достойнѣйшимъ ученикамъ золотыя и серебряныя медали различной величины. Мы видѣли уже, что цѣль нравственная (сообщеніе человѣколюбивыхъ понятій) совпадаетъ, при обученіи Закону Божію, съ цѣлью дидактической (знаніе священной исторіи и догматовъ Церкви); но такое совпаденіе является случайнымъ и одинокимъ въ системѣ Бецкаго: оно допускается только потому, что здѣсь уже слишкомъ очевидна связь между фактомъ и нравственнымъ выводомъ, тогда какъ въ другихъ учебныхъ предметахъ связь эта требуетъ проницательнаго изслѣдованія и не бросается такъ рѣзко въ глаза. Столько же случайно должности *учителя* и *воспитателя,* раздѣленныя такъ, что одинъ можетъ совсѣмъ обойтись безъ помощи другого, — сближаются между собою въ одномъ пунктѣ устава. Основаніемъ къ сближенію служитъ *добрый примѣръ* — мотивъ, которому придается такое рѣшительное значеніе въ нравственномъ воспитаніи. „Вкусъ къ ученію, — говорится въ Физич. примѣчаніяхъ, — могутъ дѣти

получать скорѣе отъ добраго примѣра и отъ обхожденія съ благоразумными людьми, нежели отъ руководства учителей, развратно живущихъ. Часто случается, что дѣти сверхъ чаянія *сами собой* пріобрѣтаютъ знанія только оттого, что видятъ и слышатъ, а что сами дѣлаютъ, о томъ размышляютъ и у другихъ спрашиваютъ“. То-есть, по мнѣнію Бецкаго, естественное любопытство, развиваясь постепенно въ ребенкѣ, само побудитъ его обратиться его къ учителю за разъясненіемъ возникающихъ вопросовъ; важно только, чтобы учитель не оттолкнулъ его отъ себя своимъ грубымъ и непривѣтливымъ обхожденіемъ. О развитіи этой естественной любознательности должны были заботиться и воспитатели, которые стоятъ ближе другихъ къ дѣтямъ и имѣютъ больше возможности привлечь къ себѣ ихъ любовь и довѣріе. „Дѣти, — гласитъ Генер. планъ Восп. дома, — какъ новые путешественники въ мірѣ, когда только насиліемъ не угнетаются, отъ природы и подражанія, обыкновенно любопытствуютъ знать все, что видятъ и слышатъ. Польза требуетъ, чтобы воспитатели отвѣтствовали на всѣ ихъ вопросы; но важность состоитъ, чтобы въ семъ случаѣ наставляли благоразумно, основательно и съ ясностью, дѣтскому понятію приличною. Можно во время гулянья приводить ихъ къ различнымъ предметамъ, дабы чрезъ то умножать въ нихъ любопытство“ (ч. III, гл. IX). Всѣ эти совѣты и замѣчанія не лишены основательности; но такъ какъ ученіе занимало послѣднее мѣсто въ Генеральномъ планѣ Восп. дома, а директору корпуса предписывалось наблюдать, чтобы „прилежаніе къ наукамъ было умѣренное“, то легко сообразить, что эта часть не могла особенно процвѣтать въ заведеніяхъ Бецкаго. Правило „учить играючи“ весьма полезно для перваго возраста, когда воспитателю приходится поддерживать и осторожно развивать зарождающуюся любознательность ребенка; но съ теченіемъ времени въ это дѣло долженъ необходимо привзойти новый элементъ — самостоятельнаго труда, безъ котораго ни одна наука не можетъ быть усвоена вполнѣ прочно и сознательно. Для этого труда не было мѣста въ дидактической теоріи Бецкаго, и дурные результаты такого взгляда скоро обнаружились. Небрежности и упущенія стали замѣтны въ преподаваніи; къ 1784 г. они усилились уже до такой степени, что, напр., въ кадетскомъ

корпусѣ, ни въ одномъ возрастѣ, не проходился вполнѣ учебный курсъ, назначенный по уставу. Комиссія училищъ, занимавшаяся въ это время пересмотромъ и исправленіемъ учебныхъ программъ, нашла, что въ первомъ возрастѣ „по причинѣ слабости понятія дѣтей“ были выпущены Законъ Божій и нѣмецкій языкъ; въ второмъ возрастѣ — географія, исторія, геометрія и славянскій языкъ; въ третьемъ возрастѣ не преподавалась военная и гражданская архитектура „по незнанію ариѳметики и геометріи“, а бухгалтерія — по незнанію ариѳметики. Такимъ образомъ, цѣпляясь одинъ за другой, откладывались учебные предметы до послѣдняго возраста, а тамъ или проходились кое-какъ, или совсѣмъ упускались изъ виду. То же самое найдено было, годомъ раньше, и въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ; только стараніями Янковича де Миріево учебная часть въ обоихъ заведеніяхъ была приведена въ нѣкоторый порядокъ. Впрочемъ, когда случились эти большія неисправности, Бецкій былъ уже дряхлъ и потерялъ свою прежнюю энергію; вскорѣ послѣ того (а именно въ 1786 г.) онъ и совсѣмъ оставилъ Шляхетный кадетскій корпусъ. Все сказанное здѣсь о воспитаніи Бецкій примѣнялъ, съ нѣкоторымъ различіемъ, какъ къ мужскому, такъ и къ женскому полу — и въ этомъ заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ его реформы. Положимъ, что воспитанницы Смольнагоне выносили оттуда ни особенныхъ познаній, ни блистательнаго развитія; но ими началось въ Россіи женское образованіе, противъ котораго всего дольше и усерднѣе воевали защитники доброй старины. Петръ Великій нарушилъ гаремное заключеніе женщинъ и выпустилъ на волю бѣдныхъ затворницъ, „умывавшихъ свои лица слезами“, по выраженію Котошихина. Сбросивъ сарафаны и душегрѣйки, русскія дамы и дѣвицы стали появляться въ ассамблеяхъ, къ ужасу своихъ благовѣрныхъ мужей и родителей, весьма непріятно озадаченныхъ и менуэтами и кубками „большого орла“. Но участіе женщинъ въ нашихъ общественныхъ собраніяхъ ограничивалось долгое время одними танцами и нарядами: образованіе, самое элементарное, считалось для нихъ положительно лишнимъ. „Меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ“, лаконически говорили старики и старушки. Бецкій первый понялъ, что вліяніе женщинъ на общество можетъ быть настолько сильно,

что объ немъ стоитъ позаботиться и направить его болѣе полезнымъ и разсудительнымъ образомъ. „Сей нѣжный полъ (говорится въ извѣстіяхъ Восп. дома отъ 1779 г.), обладающій сердцами, имѣя сильное вліяніе на нравы обществъ, можетъ своею добродѣтелью способствовать къ исправленію оныхъ или, въ противномъ случаѣ, ослабляя души, преклонять къ пороку. Сіе доказано быть можетъ цѣлыми народами, торжествовавшими во славѣ многія столѣтія. Когда мужественныя спартанки, отпуская своихъ ближнихъ сражаться за отечество, говорили имъ, чтобы они со щитомъ или на щитѣ возвращалися, тогда спартанцы были непобѣдимы; и едва ли не съ добродѣтелью римлянокъ окончилось геройство римлянъ, обладавшихъ міромъ“. *Пятковскій.*

Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ.

„Il est constant que la mauvaise éducation des femmes fait plus de mal que celle des hommes, puisque les desordres des hommes viennent souvent et de la mauvaise éducation qu'ils ont reçu de leurs mères et des passions que d'autres femmes leur ont inspiré dans un âge plus avancé.“ (L'éducation des filles — par M. Salignac de la Mothe Fénélon, édition 1719, p. Z).

Мысль о женскихъ закрытыхъ заведеніяхъ возникла, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, въ католическихъ странахъ, въ которыхъ, съ давнихъ поръ, родители отдавали своихъ дочерей, въ юномъ возрастѣ, на воспитаніе въ католическіе монастыри; въ средніе вѣка это являлось безспорно великимъ благодѣяніемъ. Гораздо позже уже, при Людовикѣ XIV, извѣстная и всемогущая Ментеномъ, желая исторгнуть женщину, въ нѣжномъ ея возрастѣ, изъ среды общества, развращенность котораго доходила до чрезвычайности, по свидѣтельству множества лицъ, оставившихъ свои записки объ эпохѣ великаго короля, возымѣла весьма полезное для того времени намѣреніе учредить для дѣвицъ *особое закрытое* воспитательное заведеніе, въ которомъ непорочная юность, отрѣшенная отъ общества, могла быть предохранена отъ всеобщаго развращенія нравовъ и получить вмѣстѣ съ тѣмъ

соотвѣтствующее воспитаніе и образованіе. Съ этою цѣлью г-жа Ментенонъ въ 1686 г. основала пріобрѣвшее громкую извѣстность женское учебное заведеніе въ Сенъ-Сирѣ, (носившее названіе *la maison royale de Saint Cyr)*, въ которое поступали только дѣвицы благороднаго происхожденія, въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ, и оставались до 20 лѣтъ, пользуясь совершенно безвозмезднымъ содержаніемъ. Правительницею этого заведенія была сама Ментенонъ; начальницею же онаго нѣкто Бринонъ; затѣмъ была ея помощница, казначейша, классныя надзирательницы, учительницы, экономка, секретарь, привратникъ. Воспитываемыя дѣвицы раздѣлялись на возрасты, которые отличались по цвѣту платьевъ (коричневыя, зеленыя, желтыя, голубыя); въ каждомъ возрастѣ было 5 или 6 отдѣленій. Вставали въ 6 часовъ, слушали обѣдню до 8 часовъ, занимались до 12 часовъ; обѣдали и отдыхали до 2-хъ; снова занимались до 6 часовъ и ложились спать въ 9 часовъ. Изъ заведенія дѣвицъ не выпускали; исключеніе изъ этого правила допускалось только въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ; родители могли ихъ навѣщать въ самомъ Сенъ-Сирѣ въ извѣстные дни. Всѣ занятія были направлены къ тому, чтобы развить въ дѣвицахъ вкусъ ко всему благородному, прекрасному, изящному; ихъ знакомили съ отечественными писателями, учили писать изысканнымъ слогомъ, пріучали бесѣдовать между собою о возвышенныхъ предметахъ.

При этомъ обращалось большое вниманіе на обхожденіе, изысканность въ костюмѣ, на свѣтскій лоскъ, манеры и т. д. Г-жа Ментенонъ, въ свое время посѣщавшая блестящіе салоны въ отеляхъ д'Альберъ и Ришелье, стремилась тонъ салоновъ сообщить устроенному ею Сенъ-Сиру и вмѣстѣ съ тѣмъ старалась внушить дѣвицамъ любовь къ труду, кротость, безкорыстіе, привѣтливость, состраданіе къ бѣднымъ и т. д. и всячески искоренять въ нихъ надменность, вѣтренность, тщеславіе и лѣность. Желая доставить дѣвицамъ полное знаніе французскаго языка (ихъ отечественнаго), г-жа Ментенонъ часто въ бесѣдахъ съ ними приводила стихи, заставляли дѣвицъ декламировать лучшія сцены изъ трагедій Расина и постепенно дошла до того, что дѣвицы стали играть цѣлыя трагедіи, при чемъ нерѣдко присутствовалъ и самъ король Людовикъ XIV, находившій особенное удовольствіе посѣщать Сенъ-Сиръ.

Это, въ свою очередь, развивало въ дѣвицахъ немалое самомнѣніе, тщеславіе, страсть къ свѣтскимъ удовольствіемъ, а также остроумный насмѣшливый тонъ разговора (bel esprit), изысканное фразерство и т. д. Ментенонъ замѣтила это и рѣшилась сдѣлать перемѣну. Въ 1694 году Сенъ-Сиръ (или, какъ его звали также Institut des dames St. Louis) послѣ блестящаго періода обратился съ монастырь Августинокъ, вопреки желанію короля. Воспитательницы должны были давать монашескіе обѣты и сдѣлаться полными монахинями. Сценическія представленія прекратились; заботливость о внѣшнемъ лоскѣ, литературѣ, живой бесѣдѣ, остроуміи, изяществѣ салоновъ — была покинута; дѣвицамъ стали внушать быть воздержанными въ чтеніи и всегда предпочитать ему рукодѣліе и занятія по хозяйству.

Главнымъ наслажденіемъ воспитанницъ Сенъ-Сира явилась теперь музыка и изящное рукодѣліе.

Ментенонъ стала заботиться о томъ, чтобы воспитанницы были бы не только хорошими христіанками, но чтобы онѣ были въ состояніи удовлетворять главному своему назначенію, жить въ свѣтѣ — т.-е. были бы способны исполнять всѣ предстоящія имъ въ жизни обязанности, не только въ семьѣ, но и въ обществѣ.

Ментенонъ въ бесѣдахъ со своими воспитанницами не стѣснялась указывать имъ мрачныя стороны жизни, затрогивала самые щекотливые вопросы, ничего отъ нихъ не скрывала и старалась всячески вызвать въ нихъ чувство чести и собственнаго достоинства. Душою этого преобразованнаго Сенъ-Сира была по-прежнему г-жа Ментенонъ, не въ силу своего положенія близкой особы къ королю, но потому, что она являлась идеальною наставницею по призванію. Этимъ объясняется съ одной стороны успѣхъ и громкая извѣстность Сенъ-Сира во Франціи, а съ другой и неудача попытокъ ему подражать, сдѣланныхъ въ XVIII столѣтіи въ разныхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ вводились мертвыя буквы устава, составленнаго Ментенонъ, но безъ той живительной, педагогической души, которою она была сама проникнута, и которую всецѣло посвятила основанному ею заведенію. Извѣстность Сенъ-Сира также побуждала къ его посѣщенію всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся иностранцевъ, перебывавшихъ въ Парижѣ въ XVIII столѣтіи.

Извѣстно, что и Петръ Великій, находясь въ 1717 году въ столицѣ Франціи, посѣтилъ Сенъ-Сиръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и Бецкой, находясь долгое время въ Парижѣ, въ числѣ различныхъ его достопримѣчательностей осматривалъ это учебное заведеніе, которое было также извѣстно и Екатеринѣ II, когда она была еще великой княгиней, какъ можно заключить изъ слѣдующей ея замѣтки: „учрежденіе Сенъ-Сира: лучшимъ и болѣе удобнымъ средствомъ подражать ему съ пользою было бы вызвать наставницу классовъ, а домъ и деньги легко сыщутся; чтобы невѣжды не кричали противъ французской монахини и ея ереси, надобно подъ видомъ частнаго воспитанія дать ей въ началѣ образовать одну или двухъ сиротъ, которыя потомъ сдѣлаются сами воспитательницами уже въ учрежденіи. Такимъ образомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ можно было бы обойтись безъ француженокъ“.

По вступленіи своемъ на престолъ Императрица Екатерина II, поставивъ общею цѣлью своихъ преобразованій гражданское благоденствіе подданныхъ, стремилась путемъ воспитанія сдѣлать каждаго хорошимъ человѣкомъ и полезнымъ гражданиномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Теплова, исправить сердца и нравы народа своего чрезъ воспитаніе, которое почитается источникомъ всего въ свѣтѣ человѣческаго благополучія. „Съ этою цѣлью Ея Величество соизволила повелѣть *намъ*, пишетъ Тепловъ, чтобы *мы* представили на Высочайшее благоусмотрѣніе планъ для учрежденія во всѣхъ губерніяхъ и знатнѣйшихъ провинціяхъ всего государства такихъ пансіонныхъ домовъ, въ которыхъ бы *обоего* пола дѣти по приличію обучаемы были при строгомъ воспитаніи, благонравіи и т. д. Тепловъ не указываетъ, кого должно разумѣть подъ словами *мы* и *намъ*, но уже одни эти слова даютъ основаніе заключить, что Императрица, интересуясь общеобразовательными заведеніями для дѣтей обоего пола, поручала не одному Теплову, но и другимъ лицамъ представить ей предположенія по этому вопросу.

Къ числу же таковыхъ лицъ съ наибольшею основательностію можно причислить: *Бецкаго*, какъ представившаго въ началѣ 1764 года уставъ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ въ Петербургѣ, и *Голицына*, посланника въ Вѣнѣ, какъ видно изъ слѣдующаго.

Генералъ-поручикъ и полномочный министръ нашъ въ Вѣнѣ, Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1763 года получилъ слѣдующій Высочайшій указъ:

„Держась непремѣнно взятаго нами однажды правила, чтобъ способствовать всѣми силами благополучію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, намѣрены Мы въ пользу дворянства сдѣлать новое учрежденіе, какъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, такъ и для *пристанища* бѣднымъ дворянскимъ вдовамъ, собственнаго пропитанія не имѣющимъ. Въ семъ намѣреніи, зная, что во многихъ мѣстахъ есть подобныя сему учрежденія, повелѣваемъ Мы вамъ употребить стараніе, дабы поскорѣе достать подробныя описанія всѣмъ или лучшимъ въ земляхъ ея Императорскаго Величества Императрицы королевы находящимся женскимъ штифтамъ или домамъ, дабы оныя здѣсь нѣкоторымъ образомъ въ примѣръ и за основаніе по выбору служить могли. Мы ожидаемъ немедленно вашего отвѣта и пребываемъ Императорскою Нашею милостію благосклонны“.

Дано въ С.-Петербургѣ, ноября 1-го дня 1763 года. По Ея Императорскаго Величества указу подписалъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

Князь Д. М. Голицынъ старался, какъ онъ доносилъ, о скорѣйшемъ исполненіи предписаннаго повелѣнія, но по причинѣ многихъ справокъ и различныхъ обстоятельствъ, о которыхъ надлежало освѣдомляться относительно находящихся въ здѣшнемъ городѣ (Вѣнѣ), также въ Пресбургѣ и Прагѣ, — женскихъ монастыряхъ, почитаемыхъ за лучшія предъ прочими, могъ только 19/24 декабря 1763 г. послать всеподданнѣйшее представленіе съ четырьмя приложеніями, которыя были получены 2 января 1764 года въ Петербургѣ и переданы, для поднесенія Ея Императорскому Величеству, его превосходительству Н. Ив. Панину 3-го января, какъ видно изъ сдѣланной отмѣтки. Въ этихъ приложеніяхъ, князь Голицынъ на французскомъ языкѣ излагалъ подробно устройство слѣдующихъ женскихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ въ австрійской имперіи:

1) Монастырь Визитаціи въ Вѣнѣ (Couvent de la Visitation de Vienne) основанъ въ 1717 г. императрицею Амаліею, супругой Іосифа. Желая улучшить это заведеніе, нынѣ царствующая императрица (Марія-Терезія) выписала изъ Парижа

и Нанси особъ женскаго пола для обученія исторіи, географіи и французскаго языка. Монахини надзираютъ за воспитываемыми дѣвицами исключительно дворянскаго происхожденія, которыя поступаютъ 7—10 лѣтъ, остаются до 18 лѣтъ, не отлучаясь все время изъ стѣнъ монастыря. Плата за воспитаніе, 300 гульденовъ въ годъ, вносится впередъ по полугодно.

2) женскій монастырь Богоматери въ Пресбургѣ (couvent des dames de la Congrégation dé Notre Dame à Presbourg) основанъ въ 1747 году, въ который дѣвицы поступали съ 4-лѣтняго возраста и оставались до 22 лѣтъ, съ платою въ годъ по 200 гульденовъ. 3) монастырь въ Прагѣ основанъ въ 1753 году для дѣвицъ высшаго дворянства (онъ назывался le chapitre des chanoinesses seculières à Prague sur *le Ratschin*, т.-е. въ Градчинѣ — части города Праги).

При этомъ князь Голицынъ доносилъ, что дѣвицы знатныхъ фамилій рѣдко отдаются въ монастыри, но воспитываются дома у родителей; дворянство же второго класса по *единому недостатку* почти всегда отдаетъ своихъ дочерей въ женскій монастырь для воспитанія, которое, пишетъ князь Голицынъ, разсуждая вообще, можно назвать *незавиднымъ* и, *мнится* мнѣ, не столь достаточное какъ во Франціи. Сіе доказывается тѣмъ что по нѣкоторомъ времени родители, отбирая дѣтей своихъ изъ монастырей, принимаютъ для нихъ еще въ домы свои разныхъ учителей. Для бѣдныхъ дворянскихъ вдовъ не имѣется особливаго въ пользу „ихъ учрежденія, а многіе изъ нихъ получаютъ отъ двора пенсію и живутъ по монастырямъ“.

Не много позже 20/31 декабря 1763 года князь Голицынъ представилъ Ея Величеству при рапортѣ подробное описаніе женскаго монастыря въ Сенъ-Пельтенѣ, при которомъ существовало воспитательное общество для благородныхъ дѣвицъ подъ названіемъ *l'établissement des dames anglaises de St.-Hippolyte ou St.-Pelten*. Число воспитываемыхъ было очень ограничено, не болѣе 40; поступали въ возрастѣ 4—5 лѣтъ, оставались до 20; платили 165 гульденовъ въ годъ; за обученіе музыкѣ, танцамъ, рисованію платили особо. Лѣтомъ дѣвицы гуляли въ саду; зимой же для развлеченія играли французскія трагедіи и другія соотвѣтствующія ихъ возрасту и полу пьесы. Эти представленія были общедо-

ступны, съ цѣлью развитія смѣлости въ дѣвицахъ и большаго навыка во французскомъ языкѣ (pour les enhardir et les mieux former dans la langue française).

Можно не безъ основанія предположить, что не *одному* только нашему представителю въ Вѣнѣ было предписано доставить подробныя описанія женскихъ штифтовъ, находящихся въ различныхъ государствахъ и что наши представители при другихъ иностранныхъ дворахъ, вѣроятно, также доставили такія же описанія какъ князь Голицынъ, которыя и могли послужить немаловажнымъ матеріаломъ Бецкому, при составленіи имъ устава воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, учрежденнаго въ Петербургѣ въ 1764 году.

Этотъ уставъ, сочиненный генералъ-поручикомъ Бецкимъ, какъ пишутъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ представленіи разсматривавшіе оный по Высочайшему повелѣнію князь Шаховской, Панинъ, Минихъ, Сергѣй Гагаринъ, графъ Григорій Орловъ и князь А. Голицынъ, былъ Высочайше утвержденъ Императрицею 2 мая 1764 года.

Онъ въ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ принимаются только лица женскаго пола, дворянскаго происхожденія отъ 5 и не старше 6 лѣтъ, здороваго сложенія, представившія доказательства о своемъ дворянскомъ происхожденіи, а также о привитіи оспы, при чемъ менѣе достаточнымъ отдается предпочтеніе предъ достаточными. Родители обязаны дать подписку, что по собственному желанію отдаютъ ребенка и препоручаютъ его Обществу совершенно до 18-лѣтняго возраста, такъ что до достиженія этихъ лѣтъ не будутъ требовать его обратно ни подъ какимъ видомъ. Принятыя получаютъ одежду и все содержаніе отъ воспитательнаго Общества. По штату полагалось 200 дѣвицъ, такъ что въ первый пріемъ надлежало принять всего 50 дѣвицъ. Возрастовъ (классовъ) полагалось четыре; они отличались цвѣтомъ носимаго платья, именно: въ возрастѣ отъ 6 до 9 лѣтъ — коричневаго цвѣта платья: отъ 9—12 лѣтъ голубого; отъ 12—15 сѣрыя и отъ 15 до 18 лѣтъ — бѣлыя.

Главное Управленіе всѣмъ Обществомъ ввѣрялось четыремъ попечителямъ изъ знатныхъ особъ (сенаторовъ и другихъ именитыхъ чиновъ), которыя должность свою отправляютъ поперемѣнно, изъ одной *чести* и *любви* къ ближнему, за-

сѣдая въ Собраніи какъ для совѣта и свидѣтельства дворянства молодыхъ дѣвицъ, такъ и для экономіи.

Начальница имѣетъ всю власть въ распоряженіяхъ всего дома и надъ всѣми въ должностяхъ при ономъ находящимися; паче всего старается содержать предписанный въ Уставѣ порядокъ; должность эта яко важнѣйшая требуетъ великаго попеченія о томъ, чтобъ быть ей всѣми въ Обществѣ любимой и почитаемой. Она должна подавать примѣръ отличной добродѣтели, превосходнѣйшаго достоинства и всѣхъ тѣхъ качествъ, какихъ ея чинъ и важная должность требуютъ. Отъ воли ея зависитъ распредѣлять при домѣ всѣ должности, касающіяся до воспитанія, обученія и содержанія; можетъ нерадивыхъ увольнять.

Благоразуміе и искусство въ поступкахъ она должна соединять съ кротостію и непринужденною веселостію; ей предоставляется промышлять о всемъ томъ, что по собственному ея изобрѣтенію за лучшее и полезнѣйшее для порядка, успѣха, благосостоянія, а наипаче для воспитанія дѣвицъ признано будетъ, которыя, яко драгоцѣнный для нея, для государства и отечества залогъ, ввѣрены благоразумному ея попеченію.

Правительница есть вторая особа по госпожѣ начальницѣ; помощница въ великихъ трудахъ и упражненіяхъ первой, она должна наблюдать за надзирательницами, учительницами, слѣдить, съ какимъ успѣхомъ дѣвицы воспитываются и обучаются; имѣть крайнее раченіе о чистотѣ и учтивости, показывая въ томъ первый примѣръ. Въ ея же вѣдѣніи все, что до экономіи и расходовъ Общества принадлежитъ; она должна болѣе примѣромъ, благонравіемъ и поведеніемъ возбудить въ подчиненныхъ похвальное соревнованіе. Умѣренность, кротость и благоразуміе долженствуютъ быть главными качествами ея; она обязана отвращать все, что помѣшательство, неудобство или какую-либо остановку въ воспитаніи и обученіи дѣвицъ произвести можетъ.

Въ каждомъ классѣ полагается по одной *надзирательницѣ*; онѣ должны прилежно смотрѣть за своимъ классомъ, поправлять съ кротостію, помогать учительницамъ и въ случаѣ ихъ болѣзни замѣщать ихъ собою на время. Онѣ, преимущественно, должны смотрѣть, чтобы благопристойность, во всемъ надлежащій порядокъ, успѣхи, чистота и учтивость наблю-

даемы были въ высшей степени; пріучая къ тому дѣвицъ въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ, привычку эту не покинутъ до глубокой старости. Надзирательницы заботятся о платьѣ и бѣльѣ, доносятъ о всемъ правительницѣ; должны быть попеременно при столѣ и наблюдать, какъ ведутъ себя дѣвицы, съ благородною и приличною осанкою и опрятно ли кушаютъ. Должны сами подавать похвальные примѣры дѣвицамъ. Замѣчанія дѣлать не по страсти или по другой причинѣ, но въ образѣ и намѣреніи матернемъ. Собственныхъ огорченій дѣвицамъ не показывать; напрасно или не по винѣ употребленная строгость совершенно опровергаетъ порядокъ добраго воспитанія. Онѣ должны наблюдать, чтобы въ *употребляемыхъ строгостяхъ* поступаемо было съ умѣренностію и единственно по мѣрѣ той причины, какую подала къ тому дѣвица своимъ проступкомъ, да и тогда съ крайнимъ благоразуміемъ опредѣлять оное по важности преступленія.

Кромѣ означенныхъ лицъ въ обществѣ состояли *учительницы* и *мастера*, которые должны воспитывать дѣвицъ въ силу Генеральнаго Учрежденія 10 пункта, и при всякомъ случаѣ въ мысли дѣвицъ вперять благонравіе и вкоренять оное въ ихъ нѣжное сердце. Они должны смотрѣть, чтобъ не привыкли излишне важничать, а потомъ унылый видъ являть. Паче наставлять ихъ въ основаніи благоразумія, добронравія, благопристойности, благородной и не принужденной учтивости, и всѣхъ добродѣтелей. Равнымъ образомъ должны обучать *иностраннымъ* языкамъ говорить и писать, особливо же приваживать ихъ къ правильному читанію и вперять въ нихъ охоту къ чтенію книгъ. Для содержанія впредь въ добромъ порядкѣ домашней экономіи учить дѣвицъ ариѳметикѣ, разнымъ домашнимъ рукодѣліямъ, „яко шить, вязать, дабы со временемъ сами другимъ въ потребныхъ случаяхъ показывать въ состояніи были“.

Не отлучаться отъ дѣвицъ отъ самаго утра — пока спать пойдутъ; излишними понятіями незрѣлый еще умъ ихъ не отягощать; не поступать суровымъ и непріятнымъ образомъ съ тѣми, кои не такъ понимаютъ преподаваемыя имъ наставленія. Праздность — источникъ всѣхъ пороковъ; наблюдать за успѣхами, прилежаніемъ и лѣнью каждой и принимать мѣры для возбужденія въ нихъ вящшей къ обученію ревности похвалами ихъ успѣховъ или какимъ-нибудь на-

гражденіемъ. *Когда будутъ языки* знать, то вести съ ними разговоры, объяснять мысли съ *пристойною вольностію*, что самое послужитъ имъ способомъ къ исправленію разсудка ихъ.

Возбуждать охоту къ чтенію; для сего завести библіотеку съ разсудительнымъ выборомъ книгъ; учить наизусть краткой исторіи; пріучать къ крайней *опрятности* и *учтивости*; разсматривать природныя склонности и охоту, вести о томъ исправную записку и докладывать начальницѣ. Сами учительницы должны вести себя благопристойно и поступать съ учтивостью.

О мастерахъ — ничего не говорится нигдѣ; но изъ штата видно, что мастера были: рисовальный и музыки вокальной и инструментальной, танцъ-мейстеры и, кромѣ того, учителя русскаго и иностранныхъ языковъ, исторіи, географіи.

Обращаясь къ воспитанію вообще, уставъ предписываетъ, что *первое* надлежитъ имѣть попеченіе о вѣрѣ, дабы заблаговременно посѣять и вкоренить въ сердцахъ *благоговѣніе*, т.-е. безмолвное почитаніе христіанскаго благочестія и свѣтскихъ добродѣтелей, кои суть: повиновеніе начальствующимъ, взаимная учтивость, кротость, воздержаніе, равенственное въ благонравіи поведеніе, чистое, къ добру склонное и праводушное сердце, а напослѣдокъ благороднымъ особамъ приличная скромность и великодушіе, однимъ словомъ, удаленіе отъ всего того, что гордостію и самолюбіемъ назваться можетъ. Сіе краткое многихъ важныхъ качествъ наименованіе, добрымъ оныхъ употребленіемъ и сліяніемъ должно произвести совершенное молодыхъ дѣвицъ воспитаніе. Кромѣ того, предписывалось *соблюдать* молитву, ходить въ церковь, стоять съ благоговѣніемъ, учить по лѣтамъ и толковать Законъ Божій, а также обучать россійскому и иностраннымъ языкамъ, дабы исправно читать, писать и говорить умѣли, ариѳметикѣ, географіи, исторіи, стихотворству и отчасти геральдикѣ и архитектурѣ; въ художествахъ — рисованію, миніатюрѣ; танцованію; музыкѣ — вокальной и инструментальной; шитью всякаго рода, вязанію и плетенію шелковому, нитяному, шерстяному и бумажному. Къ сему присовокупить надлежитъ всѣ части экономіи. Сверхъ того по двѣ дѣвицы 3-го возраста по очереди должны присматриваться на поварняхъ ко всѣмъ работамъ, какія въ нихъ отправляются, т.-е. чтобъ могли знать всѣ подробности, до домашней экономіи относя-

щіяся, сочинять счеты дневнымъ расходамъ; чулки и прочіе уборы имѣть собственной работы, также платье на себя шить изъ даваемой матеріи; представлять между собою нѣкоторыя драматическія сочиненія нарочно, для ихъ употребленія составленныя.

Дѣвицы 4-го возраста повторяютъ ученіе почти одною практикою и, вмѣстѣ съ дѣвицами третьяго возраста, ежедневно по двѣ присматриваются къ домашнимъ обрядамъ; въ семъ возрастѣ имѣютъ онѣ опредѣляться къ тому понедѣльно. Послѣдній изъ четырехъ возрастовъ дѣвицъ долженъ почитаться *первымъ*, поелику онѣ въ разсужденіи мыслей, честнаго поведенія и благонравія почти уже все то пріобрѣли, что отъ добраго воспитанія зависитъ; почему первыхъ трехъ возрастовъ дѣвицы должны брать съ нихъ примѣры высокаго совершенства, которое они должны наипаче содержать всегда въ твердой памяти. Чрезъ доброе поведеніе и поступки при вступленіи въ свѣтъ онѣ учинятся отличными въ обществѣ; благоразумными же въ семъ возрастѣ размышленіями, воспитаніемъ подкрѣпляемыми, получатъ для переду какъ въ наукахъ, такъ и честномъ обхожденіи руководства. Онѣ должны быть и начальствомъ справедливо предпочтены и получать особливыя награжденія, какъ опредѣлитъ Ея Величество. А чтобъ придать дѣвицамъ надлежащую и приличную смѣлость въ обхожденіи, необходимо установить въ семъ обществѣ: по *праздничнымъ* или *воскреснымъ* днямъ *собранія* для пріѣзжихъ изъ города дамъ и кавалеровъ и другихъ почтительныхъ людей, съ дозволенія г-жи начальницы. Одно собраніе — для концерта дѣвицъ; другое — для какой ни есть драматической или пасторальной игры, ими же представляемой, а третье — для обыкновенныхъ собраній. При всѣхъ ихъ дѣвицы двухъ послѣднихъ классовъ хозяйствуютъ и стараются показать всѣмъ надлежащее удовольствіе, будучи украшеніемъ и пріятностію оныхъ, дабы чрезъ то навыкнуть могли къ непринужденному и учтивому поведенію, какое честной природѣ и доброму воспитанію особливо приличествуетъ, т.-е. не имѣть застѣнчивости и во всякомъ случаѣ о всемъ постоянно и благородно изъясняться.

Для каждаго класса полагается особый столъ; учительница присутствуетъ, указываетъ пріемы, какъ при столѣ порядочно и чисто кушать, какъ сидѣть и разговаривать.

Отъ воли и благоразумія начальства зависитъ, пребывать ли дѣвицамъ въ молчаніи или позволить нѣкоторымъ вступать между собою въ разговоръ о какой-нибудь пристойной матеріи. Надблюдать, чтобы послѣ кушанья руки мыли, а особливо ротъ полоскали; должно всевозможное стараніе прилагать о чистотѣ и опрятности дѣвицъ. Излишняя нѣга должна быть изгнана изъ общества; приготовляемая пища и всякое кушанье должны быть здоровое и въ количествѣ достаточномъ. Одежда для будни камлотная, а по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ шелковая. Дѣвицы должны прогуливаться въ садахъ, свѣжемъ воздухѣ; не менѣе нужны имъ всякія невинныя забавы.

Коль скоро дѣвица принята, то во все время пребыванія ея въ Обществѣ родители свободны отъ всякаго о ней попеченія. Посѣщать ихъ можно только въ назначенные дни съ позволенія Начальницы, въ ея присутствіи или другихъ.

„За хожденіемъ за болящими опредѣляются изъ тутошнихъ „старицъ также особливыя женщины“. Кромѣ этого въ уставѣ подробно говорится о докторѣ, лѣкарѣ, употребленіи мыльни (т.-е. бани), о температурѣ въ комнатахъ и т. д. О количествѣ ежегодно отпускаемой суммы на содержаніе всего заведенія въ генеральномъ штатѣ не упоминается.

Утвердивъ этотъ уставъ, обнародованный 5 мая 1764 г., Императрица въ то же время назначила членами *совѣта* или попечителями: графа Н. И. Панина, И. И Бецкаго, князя Петра Трубецкаго и Сергѣя Козьмина, а также княгиню Анну-Сергѣевну Долгорукову, которая была сдѣлана и начальницею новаго учебнаго заведенія. Правительницею была назначена тогда же вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софъя Ивановна Делафонъ, бывшая, какъ утверждали, нѣкогда воспитанницею Сенъ-Сира. Почти одновременно было распубликовано о первомъ пріемѣ воспитанницъ, на первый разъ числомъ 50, и назначено открытіе новаго учрежденія на 28 іюня—день восшествія на престолъ Императрицы, къ которому и были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія. Однако открытіе въ назначенный день не состоялось. Ея Величество еще 20 іюня отправилась въ небольшую поѣздку по Лифляндіи, откуда вернулась 20 іюля и только 4 августа 1764 года присутствовала при тор-

жествахъ освященія храма Св. Екатерины и помѣщенія для созданнаго ею перваго женскаго учебнаго заведенія въ имперіи, въ которое около этого же времени было доставлено только 11 дѣвицъ, вмѣсто предназначенныхъ 50. — Подробное описаніе этого открытія помѣщено въ прибавленіи къ № 70 „Петербургскихъ Вѣдомостей“ 31 августа 1764 года.

Гдѣ же находилось помѣщеніе Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ?

На правомъ берегу Невы, прямо противъ прежняго города Ніеншанца, стоялъ въ началѣ минувшаго XVIII столѣтія *смольный дворъ*, въ которомъ лежала смола про весь корабельный флотъ. Впослѣдствіи этотъ дворъ перемѣщенъ и на его мѣсто построенъ Петромъ Великимъ въ 1720 г. дворецъ для Елизаветы Петровны, въ которомъ она прогуливаться изволила, а иногда желая быть въ одиночествѣ, не малое пребываніе имѣла. Вступивъ на престолъ, Елизавета возымѣла мысль въ 1744 г. обратить (дворецъ) въ пріютъ на 20 человѣкъ для бѣдныхъ сиротъ дѣвицъ, т.-е. въ монастырь, и 30 октября 1748 г. былъ заложенъ и храмъ Воскресенія Господня, который сооружалъ извѣстный Растрели. Обитель скоро наполнилась монахинями, далеко свыше опредѣленнаго числа, а потому уже Императрица Екатерина II, „пекущаяся о пользѣ „Россійскаго народа и на верхъ блаженства оный возводящая“ въ 1764 г. повелѣла составить новый штатъ монастырю и вмѣстѣ съ тѣмъ учредить при монастырѣ, въ особливомъ, отдѣльномъ строеніи, училище для воспитанія молодыхъ дѣвицъ благороднаго происхожденія. Строеніе имѣло видъ четырехугольника въ два жила (этажа), коихъ каждая сторона содержитъ около 50 комнатъ, соединенныхъ внутри галлереями. Въ верхнемъ этажѣ живутъ благородныя дѣвицы съ ихъ настоятельницами, учительницами; въ нижнемъ — служительницы собственно ихъ и общія для дома.

Императрица Екатерина писала митрополиту новгородскому Димитрію Сѣченову озаботиться выборомъ для этого монастыря игуменьи и монахинь, а Сѣченовъ 28 апрѣля 1764 г. сообщилъ Синоду, что надо, чтобъ монахини были изъ дворянокъ, честнаго и добраго житья и обхожденія благороднаго и опрятнаго, такъ какъ онѣ должны будутъ за больными дворянскими дѣтьми ходить. Согласно этому

послѣдовалъ указъ Синоду о введеніи въ монастырь 12 - 16 старухъ и посланъ былъ синодальный регистраторъ Николай Чернявскій для выбора надлежащихъ монахинь въ Московскую и Смоленскую губернію; онѣ однако были выбраны преимущественно въ Смоленской губерніи или, какъ говорили тогда, изъ смолянокъ (откуда быть можетъ и самое прозвище дѣвицъ, воспитывавшихся во вновь учрежденномъ заведеніи). Монахини прибыли въ Петербургъ 25—27 іюня 1764 г. Императрица, предпринимая основаніе небывалаго въ Россіи учрежденія, при заботливости развить просвѣщеніе и въ то же время поднять нравственное чувство между дочерьми русскаго дворянства, подъ руководствомъ удаливши-хся отъ свѣта монахинь, желала, какъ видно сдѣлать новое учрежденіе, такъ сказать, популярнымъ и освятить его какъ бы соучастіемъ не только Синода, но и настоятеля съ инокинями. Однако мысль сдѣлать *русскихъ* монахинь образовательницами дворянскихъ дочерей, надзирательницами за ихъ благочестивымъ воспитаніемъ и смотрительницами во время ихъ болѣзней, не увѣнчалась успѣхомъ. (Устроить женскую обитель по католическому образцу не соотвѣтствовало даже духу православной Церкви; иная совсѣмъ дѣятельность указана русскимъ монастырямъ по заповѣди Спасителя, по ученію Апостоловъ и примѣрами великихъ отцовъ Церкви. Монастырь есть живое выраженіе крѣпкой вѣры въ міръ духовный и потребности самоотверженія, составляющее отличительную черту русскаго народнаго характера. Слить монастырь съ учебнымъ заведеніемъ едва ли возможно; одно существуетъ только для потребностей міра и съ помощью его дѣятелей, — другое же можетъ существовать, хотя и при содѣйствіи мірскихъ дѣятелей, но при полномъ отчужденіи отъ мірской суеты).

Монахини тяготились возложенными на нихъ новыми обязанностями; поэтому ихъ постоянно мѣняли, набирали новыхъ и, наконецъ, волею Императрицы монастырь былъ упраздненъ. Очень небольшое число монахинь остались доживать свой вѣкъ въ нѣкоторыхъ кельяхъ; всѣ же зданія монастыря обращены въ помѣщенія для института.

Прежде нежели говорить о дальнѣйшей дѣятельности Бецкаго въ отношеніи учрежденія, получившаго основаніе вслѣдствіе поданнаго имъ проекта, остановимся немного на

вопросахъ: 1) чѣмъ являлся составленный имъ проектъ, т.-е. было ли это нѣчто самобытное или только подражаніе, иначе сколокъ съ давно уже существовавшаго въ Парижѣ учебнаго заведенія въ Сенъ-Сирѣ, — и 2) какъ отнеслось современное Бецкому общество къ этому совершенно новому въ государствѣ учрежденію.

Въ отношеніи перваго вопроса въ нашей литературѣ было уже высказано графомъ Д. А. Толстымъ, что Смольный монастырь имѣетъ съ Сенъ-Сиромъ то только сходство, что оба учебныя заведенія составляютъ интернатъ для дочерей потомственныхъ дворянокъ; что въ обоихъ принимаются малолѣтнія дѣвочки; что онѣ раздѣляются на четыре возраста и каждому изъ нихъ присвоено платье особаго цвѣта. Затѣмъ оба учебныя заведенія ничего общаго между собою не представляютъ болѣе. Этотъ же взглядъ высказываетъ и госпожа Лихачева въ своемъ почтенномъ трудѣ „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“. С.-Пб. 1890 стран. 135 и слѣд., добавляя, что оба заведенія носятъ печать личностей, основавшихъ ихъ, что, замѣтимъ мы, говоритъ иными словами и графъ Толстой. Но съ этимъ взглядомъ почтенныхъ авторовъ едва ли можно согласиться. Болѣе близкое сравненіе уставовъ Смольнаго монастыря и Сенъ-Сира приводитъ скорѣе къ заключенію, что первый изъ нихъ является сколкомъ со второго. Такъ для наглядности приведемъ нѣсколько примѣровъ, изложивъ въ ихъ формѣ сравнительной таблицы.

I. Управленіе учебнымъ заведеніемъ ввѣрялось:

По уставу Сенъ-Сира.	*По уставу воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ.*
Начальница — общее управленіе.	*Начальница* — яко важнѣйшей особѣ.
Главной классной надзирательницѣ, которая завѣдывала преподаваніемъ, пищею, платьемъ, приданымъ и была прямою начальницею дѣвицъ или *управительницею*.	Тѣмъ же являлась *правительница*.

Сенъ-Сиръ.	*Восп. общ. благ. дѣвицъ.*
Въ каждомъ классѣ была учительница, занимавшаяся воспитаніемъ дѣвицъ и наблюдавшая за ихъ поведеніемъ.	*Надзирательница*, въ каждомъ классѣ по одной.
Привратница.	*Привратникъ.*
Совѣтъ внѣшній изъ лицъ, назначаемыхъ королемъ, завѣдывавшій всѣмъ имуществомъ Сенъ-Сира, его доходами и расходами.	*Совѣтъ* изъ лицъ назначаемыхъ Императрицею, который также завѣдывалъ хозяйственною частью.

II. Положеніе воспитываемыхъ опредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Воспитанницы дѣлятся на 4 возраста, которые отличаются цвѣтомъ платья (красный, зеленый, желтый синій); въ каждомъ возрастѣ пребываютъ три года. Принимаютъ отъ семи лѣтъ.	*Также дѣлятся на четыре* возраста, которые отличаются цвѣтомъ платья (коричневый, голубой, сѣрый, бѣлый); въ каждомъ возрастѣ бываютъ три года; принимаютъ отъ шести лѣтъ.
Отпускаютъ воспитываемыхъ изъ Сенъ-Сира въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.	Изъ общ. благ. дѣвицъ вовсе не отпускаютъ воспитываемыхъ.
Родители могли ихъ навѣщать въ большіе праздники.	Точно также.
Въ Сенъ-Сирѣ старались развивать вкусъ къ изящному, прекрасному, благородному пріучали декламировать лучшія сцены изъ произведеній Корнеля, Расина.	*Преслѣдовалась* та же цѣль и въ этихъ видахъ воспитанницы разучивали образцовыя трагедіи и комедіи.
Воспитаніе дѣвицъ доброе и нравственное конечная цѣль Сенъ-Сира.	Ту же цѣль имѣли въ воспитательномъ обществѣ.

Выше приведенные примѣры указываютъ въ достаточной мѣрѣ, что уставъ Воспитательнаго Общества списанъ съ устава сочиненнаго г-жею Ментенонъ для Сенъ-Сира. Но извѣстно, что одно изученіе устава *печатнаго* не даетъ еще

точнаго понятія о томъ, въ какой мѣрѣ этотъ *уставъ* осуществляется людьми на самомъ дѣлѣ, въ жизни; такъ точно и сравненіе печатныхъ уставовъ двухъ заведеній однородныхъ не можетъ привести къ заключенію, что одно изъ нихъ на самомъ дѣлѣ является подражаніемъ или сколкомъ другого. Всякій уставъ, какъ и всякій законъ вообще, есть какъ бы костякъ, которому могутъ быть приданы самыя разнообразныя формы и фигуры мускулами, приводящими костякъ въ движеніе. Точно также всякій уставъ приводится въ исполненіе людьми, степень пониманія и добрая воля которыхъ и придаетъ уставу извѣстную, опредѣленную *форму*, нерѣдко совсѣмъ иную нежели та, которую предполагалъ достичь его составитель.

Въ уставѣ печатномъ излагаются одни отвлеченныя мысли, правила; но какъ они всѣ будутъ осуществлены практикою, на дѣлѣ, и въ какой мѣрѣ — это изъ *печатнаго устава* никогда усмотрѣть нельзя; потому, что это единственно зависитъ отъ тѣхъ лицъ, на которыхъ возлагается исполненіе устава и тѣмъ самымъ осуществленіе его на самомъ дѣлѣ. Поэтому, намѣреваясь ввести какое-либо учрежденіе, заимствованное изъ какой-либо другой страны, недостаточно только списать уставъ этого учрежденія, буквально его перевести и дать ему обязательную силу закона, чтобы получить и у себя дома на самомъ дѣлѣ такое же самое учрежденіе со всѣми его послѣдствіями. Для этого необходимо, чтобы исполнители новаго устава были во всемъ сходы съ исполнителями плѣнившаго насъ въ чужихъ земляхъ устава, да и кромѣ того, чтобы сама среда, для которой уставъ вводится, была бы по возможности однородна съ тою средою, изъ сферы которой заимствованъ уставъ. Безъ этихъ условій все будетъ выходить по извѣстной русской поговоркѣ: „Ѳедотъ, да не тотъ“.

Тоже самое испыталъ и уставъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Уставъ его очевидно заимствованъ съ устава Сенъ-Сирскаго училища; перевести его было не трудно, но перевезти съ береговъ Сены въ Смольный монастырь къ рѣкѣ Невѣ всю, такъ сказать, душу, оживлявшую уставъ Сенъ-Сира, т.-е. г-жу Ментенонъ, главную ея помощницу Бриньонъ и всѣхъ прочихъ ея сотрудниковъ, являлось дѣломъ совершенно невозможнымъ, немыслимымъ;

пришлось набрать другихъ лицъ, быть можетъ, и вполнѣ достойныхъ, но не проникнутыхъ стремленіями, мыслями и желаніями дѣятельницъ Сенъ-Сира, а потому и не удивительно, что результаты воспитанія въ Смольномъ монастырѣ, при сходствѣ его устава съ уставомъ Сенъ-Сира, оказались совсѣмъ иные. Причиною этого не уставъ — а его исполнители.

Обращаясь за тѣмъ къ разрѣшенію вопроса, какъ отнеслось современное Бецкому общество къ устроенному имъ совершенно новому въ государствѣ учрежденію, едва ли можно отвѣтить, что оно было встрѣчено обществомъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Общество, не сознавая еще всей важной необходимости *женскаго* образованія, отнеслось къ новому учрежденію холодно. Большинство считало достаточнымъ, если дѣвицу учитъ въ домѣ гувернантка, „мамзель“, которая въ то же время мыла кружева, шила чепчики хозяйкѣ дома и т. д., и, съ изумленіемъ смотря на учреждаемое заведеніе, не торопилось разставаться съ дѣтьми и съ самыхъ раннихъ лѣтъ везти ихъ въ Петербургъ издалека. Первый пріемъ воспитанницъ, начавшійся 28 іюня 1764 г., тянулся *цѣлый годъ*, и только 9 іюля 1765 г., съ пріемомъ княжны Щербатовой, составился полный комплектъ воспитанницъ (т.-е. 50 дѣвицъ) перваго пріема. Вслѣдствіе того же недостатка дѣтей, представляемыхъ родителями въ Воспитательное Общество, затянулся не мало и второй пріемъ въ 1767 году.

Дворянство, въ особенности изъ провинціи, не охотно отдавало своихъ дочерей. Свободныя платныя вакансіи Императрица стала замѣщать своими пансіонерками, за которыя сперва вносила установленную плату, но перечисляя ихъ въ число казенныхъ воспитанницъ, по мѣрѣ открытія таковыхъ вакансій. Понудительныхъ мѣръ къ поступленію въ учрежденное Воспитательное Общество не было принимаемо, но постепенно, само собою поступленіе въ Воспитательное Общество увеличивалось въ силу сознаваемой обществомъ потребности въ женскомъ образованіи съ одной стороны и въ безспорно удовлетворительномъ для того времени размѣрѣ самаго образованія — получаемаго въ Смольномъ — съ другой стороны; такъ что въ послѣдній годъ жизни Бецкаго (1795 годъ) вмѣсто положенныхъ по комплекту 200 воспитанницъ, въ Смольномъ монастырѣ насчи-

тывалось 318 на такъ называемой въ то время благородной его половинѣ и кромѣ того по значительному числу желающихъ изъ дворянъ помѣщать дочерей своихъ въ этотъ монастырь допущено было 50 воспитанницъ къ пріему „на мѣщанскую половину“; на которой одной насчитывалось 135 воспитанницъ, такъ что всего состояло 503 воспитанницы въ зданіи и при штатѣ, составленномъ только на 400 всего. — Это тоже влекло несоблюденіе правилъ устава, во многихъ отношеніяхъ слишкомъ очевидное для всѣхъ, чтобы о немъ распространяться.

Оказанное Е. И. В. материнское попеченіе „о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ самимъ дѣйствомъ начало свое взяло; августа 4-го послѣдовало торжественное открытіе воспитательнаго Общества, при чемъ было совершено богослуженіе митрополитомъ Новгородскимъ Дмитріемъ Сѣченовымъ, а 7-го числа состоялось первое засѣданіе совѣта для пріема представленныхъ къ воспитанію благородныхъ дѣвицъ, имена и фамиліи которыхъ были напечатаны въ прибавленіи къ „Пет. Вѣдомостямъ“. 23-го ноября императрица Екатерина II въ 10 часовъ утра посѣтила вновь учрежденное заведеніе, при чемъ ей поднесены были нѣкоторыя работы и рукодѣлья дѣвицъ, сколько отъ нихъ по краткости времени ихъ воспитанія ожидать было можно.

Въ чемъ же выразилась дальнѣйшая дѣятельность Бецкаго въ отношеніи Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ послѣ утвержденія устава этого Общества? Отвѣтъ на это должны были бы дать хранящіеся въ архивѣ этого учебнаго заведенія различныя дѣла и журналы. Но къ сожалѣнію они содержатъ въ себѣ весьма скудныя указанія о дѣятельности и участіи Бецкаго въ дальнѣйшей судьбѣ вызваннаго имъ къ жизни учрежденія. Причина этого отчасти понятна, если принять во вниманіе, что Бецкой *никогда* ни начальникомъ ни правителемъ Смольнаго монастыря не былъ; онъ былъ только однимъ изъ его попечителей (правда съ 1764 года и по самую кончину въ 1795 году) и въ силу этого членомъ совѣта, кругъ дѣятельности котораго былъ весьма незначителенъ по самому уставу. Совѣтъ завѣдывалъ, какъ мы выше сказали, исключительно дѣлами по хозяйственной части учрежденія, разсматривалъ также удостовѣренія о дворянскомъ происхожденіи дѣвицъ, посту-

павшихъ въ училище и входилъ въ разсмотрѣніе вопросовъ, которые начальница почему-либо считала необходимымъ представить на его разсмотрѣніе.

Учебной и воспитательной части Совѣтъ не касался; онѣ были предоставлены вполнѣ распоряженію начальницы, которая могла дѣлать измѣненія въ уставѣ, не выходя изъ точнаго его разумѣнія, какъ это видно изъ прилагаемаго указа 1764 г.

Тѣмъ не менѣе, однако, близость Бецкаго къ императрицѣ, расположеніемъ которой онъ несомнѣнно пользовался въ первые года ея царствованія, и то обстоятельство, что онъ представлялъ Екатеринѣ II за своею подписью доклады по различнымъ дѣламъ Воспитательнаго Общества и сообщалъ послѣднему высочайшія ея повелѣнія, а также велъ съ другими мѣстами и лицами переписку по дѣламъ того же Общества, придавали Бецкому выдающееся значеніе изъ среды остальныхъ членовъ Совѣта и доставляли ему возможность имѣть вліяніе на дальнѣйшую судьбу возникавшаго женскаго учебнаго заведенія.

Это вліяніе проявилось въ нижеслѣдующемъ. Выше уже упомянуто, что первоначально Воспитательное Общество помѣщалось въ зданіяхъ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря, которое не было еще совершенно окончено, какъ видно изъ многихъ дѣлъ особой конторы строенія Новодѣвичьяго монастыря, состоявшей съ 1762 года подъ главнымъ вѣдѣніемъ Бецкаго, онъ представлялъ неоднократно императрицѣ ходъ работъ по этой постройкѣ и объ отпускѣ суммъ, необходимыхъ для ея окончанія.

Расходы по постройкѣ вызывались отчасти и тѣмъ, что вскорѣ значительно расширилось самое воспитательное заведеніе учрежденіемъ особливаго училища для воспитанія малолѣтнихъ дѣвушекъ, по особому докладу Бецкаго Высочайше утвержденному 13-го января 1765 г. Въ состоявшемся по сему предмету указѣ читаемъ:

„Въ генеральномъ учрежденіи о воспитаніи — говорится въ докладѣ — повелѣно во всѣхъ губерніяхъ заводить воспитательныя училища. Такія и заведены для благородныхъ и мѣщанскихъ мальчиковъ. Но для пользы Общества не меньше требуется, чтобы *всякаго чина и женскій полъ* воспитанъ былъ въ добронравіи и въ приличныхъ состоянію

его знаніяхъ и рукодѣліяхъ; чего ради при оном̀ъ же Воскресенскомъ монастырѣ въ особомъ строеніи повелѣвалось учредить *училище* для малолѣтнихъ *дѣвушекъ* подъ управленіемъ той же г-жи начальницы и правительницы, которое должно снабдить равномѣрными распорядками, дабы благоустроеннымъ воспитаніемъ обоего пола юношества произвесть новое порожденіе, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли.

Первый пріемъ 60 дѣвушекъ, состояніемъ своимъ съ воспитываемыми при Акад. Худ. мальчиками одинакихъ, по примѣру оныхъ надлежало раздѣлить на 4 возраста; первый отъ 6—9 лѣтъ, второй отъ 9—12, третій отъ 12—15 лѣтъ и четвертый отъ 15—18 лѣтъ, при чемъ въ третьемъ возрастѣ употреблять ко всякимъ женскимъ рукодѣліямъ, работамъ, т.-е. пріучать шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю экономическую службу исправлять. Это же самое продолжать и въ четвертомъ возрастѣ.

Послѣ перваго пріема опредѣлять для каждой дѣвушки по 50 руб., класть въ банкъ для приращенія, и при выпускѣ раздѣлить въ приданое оставшимъ того пріема всѣмъ по равной части.

Всѣ выработанныя ими вещи въ бытность ихъ въ училищѣ продавать имъ въ пользу, записывать, что и кѣмъ сдѣлано, и при выпускѣ выдавать ей подлежащую часть. Родители тоже могутъ положить на дѣвушку деньги. Послѣ 12 лѣтъ пребыванія выпускаются изъ училища, но могутъ поступить на службу по *уговору* въ Общество благородныхъ дѣвицъ, и даже могутъ остаться еще на три года въ классахъ, но для отвращенія праздности получать изъ училища только покой, свѣчи и дрова. По прошествіи этихъ 3 лѣтъ, имѣющія 21 годъ, выпускаются, куда сами пожелаютъ, съ аттестатомъ, по которому пользуются всѣми преимуществами и вольностями, пожалованными по уставу Академіи Художествъ. Сообщимъ при этомъ, что первый пріемъ воспитанницъ въ это вновь открытое училище совершился очень скоро; въ четыре мѣсяца былъ принятъ весь комплектъ по преимуществу изъ дѣтей придворныхъ служителей, купцовъ, разносчиковъ, нижнихъ чиновъ гвардейскихъ полковъ и т. д.; но чрезъ три года, при второмъ пріемѣ, не могли набрать полнаго комплекта, несмотря на

всѣ старанія, и потому разрѣшено было принимать какого бы званія ни было, кромѣ крѣпостныхъ.

Въ этомъ новомъ училищѣ въ четырехъ возрастахъ полагалось имѣть всего 240 дѣвушекъ; изъ нихъ предполагалось подготовить способныхъ воспитанницъ къ занятію должностей учительскихъ въ обоихъ заведеніяхъ, такъ какъ, по понятіямъ того времени, считалось неудобнымъ и даже унизительнымъ, чтобы дѣти дворянъ принимали на себя скромное званіе наставницъ и воспитательницъ. Равнымъ образомъ изъ нихъ могли выходить и домашнія учительницы для обученія дѣтей на дому. Этимъ объясняется отчасти включеніе въ программу ихъ обученія многихъ предметовъ, не входившихъ въ программу обученія воспитанницъ Воспитательнаго дома (какъ напр. танцованіе, пѣніе, музыка и даже одинъ иностранный языкъ), хотя уставы обоихъ заведеній преслѣдовали главнымъ образомъ одинаковую цѣль, именно, ознакомивъ дѣвушекъ съ самыми элементарными знаніями, обучить ихъ, въ виду недостаточнаго состоянія ихъ родителей, главнѣйшимъ образомъ рукодѣліямъ и исполненію доступныхъ ихъ силамъ домашнихъ работъ всякаго рода. По окончаніи курса дѣвушки могли поступать, по желанію, на службу при Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.

Учрежденіе этого новаго учебнаго заведенія для мѣщанскихъ дѣвушекъ естественно сопряжено было съ расходами на помѣщеніе и полное содержаніе онаго, требовавшими, очевидно, не малыхъ суммъ на ихъ покрытіе. Объ отпускѣ этихъ суммъ, а равно о суммахъ вызываемыхъ устройствомъ удобнаго помѣщенія для Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, Бецкой неоднократно докладывалъ императрицѣ Екатеринѣ II, которая не оставляла его ходатайствъ безъ вниманія. Не перечисляя всѣхъ докладовъ этого рода, представленныхъ Бецкимъ императрицѣ, и въ настоящее время уже не содержащихъ въ себѣ что-либо особенно занимательное, я ограничился помѣщеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ приложеніи, какъ бы для примѣра.

Бецкой исходатайствовалъ у императрицѣ 2-го апрѣля 1771 г. правило, чтобы дѣвицамъ 3-го и 4-го классовъ при экзаменахъ въ награжденіе раздавать именемъ ея величества знаки изъ лентъ: для 3-го класса сѣраго цвѣта съ сере-

бромъ, а для 4-го бѣлыя съ золотомъ. Въ 1776 году 28-го апрѣля высочайше повелѣно изъ числа благородныхъ дѣвицъ перваго выхода, наиболѣе отличившихся, наградить знаками золотыми съ именемъ ея величества, яко зиждительницы сего Общества, о коей само собою и чрезъ подобныя преданія должна память пребывать вѣчно, которые носить первымъ двумъ дѣвицамъ съ *тремя*, двумъ вторымъ съ *двумя*, а двумъ третьимъ съ *одной* золотыми полосками. Правило это соблюдать на всѣ будущія времена.

Несмотря на всю недостаточность воспитанія и обученія въ Обществѣ какъ благородныхъ дѣвицъ, такъ и мѣщанскихъ дѣвушекъ, едва ли можно отрицать, что пребываніе означенныхъ лицъ въ стѣнахъ, такъ называемаго въ общежитіи, Смольнаго монастыря не сопровождалось благими для нихъ послѣдствіями. Проведя дѣтство и юность въ сферѣ началъ гуманности, а не брани, ругательства и побоевъ (что было почти повседневнымъ явленіемъ при общей грубости нравовъ въ нашемъ отечествѣ въ XVIII столѣтіи), дѣти должны были сами освоиться съ подобнаго рода обращеніемъ и, возвратясь обратно въ свою среду проникнутыми такими началами, въ свою очередь способствовать распространенію тѣхъ же началъ въ слѣдующихъ поколѣніяхъ.

Воспитаніе въ Смольномъ было выше того, которое получали лица женскаго пола въ частныхъ домахъ и пансіонахъ; лица, окончившія въ немъ свое воспитаніе, съ одной стороны являлись менѣе зараженными предразсудками и недостатками, нежели другія, а съ другой — болѣе развитыми и человѣчными. Продолжительное пребываніе въ закрытомъ заведеніи налагало особый отпечатокъ, по справедливому замѣчанію г-жи Лихачевой, на воспитанницъ, проявлявшихъ на первыхъ порахъ, конечно, незнакомство во многомъ, касавшемся дѣйствительной жизни. „Это породило не мало пустыхъ анекдотовъ, ничего не доказывающихъ, потому что изъ всякаго заведенія, какое бы тамъ ни было, могутъ выйти лица чѣмъ-либо и потомъ совершенно невольно дающія поводъ и основаніе къ какому-нибудь смѣшному о нихъ разсказу, который далеко не всегда можетъ относиться къ учрежденію, воспитавшему это лицо. *Майковъ.*

Педагогическія руководства Екатерины II.

Всматриваясь въ содержаніе всѣхъ руководствъ Екатерины II, мы замѣчаемъ въ нихъ два главныя явленія: 1) постепенность въ распредѣленіи матеріала, соразмѣряемую, хотя болѣе съ внѣшней стороны, съ постепенностью въ развитіи дѣтскихъ понятій и 2) рѣшительно преобладающій нравоучительный, назидательный характеръ.

Постепенность въ распредѣленіи матеріала замѣтна и по отношенію ко всѣмъ сочиненіямъ вообще, и по отношенію къ каждому изъ нихъ отдѣльно. Въ первомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, ихъ должно распредѣлить въ слѣдующемъ порядкѣ: *Сказки о царевичѣ Февеѣ и царевичѣ Хлорѣ*, *Выборныя россійскія пословицы*, *Гражданское начальное ученіе*, *Продолженіе начальнаго ученія* и *Записки первой части*. Такой порядокъ отличается отъ порядка, въ какомъ перечислены самою императрицею тѣ же сочиненія въ Инструкціи (стр. 255). Но съ перваго же взгляда можно замѣтить, что, при перечисленіи ихъ въ Инструкціи, императрица вовсе не имѣла въ виду послѣдовательности ихъ распредѣленія. Такъ, *Продолженіе начальнаго ученія*, которое, по самому своему названію, а по содержанію еще болѣе, должно непосредственно слѣдовать за *Гражданскимъ начальнымъ ученіемъ*, въ Инструкціи отдѣлено отъ послѣдняго пятью сочиненіями; то же должно сказать о „Запискахъ первой части“ по отношенію къ *Продолженію начальнаго ученія;* сказки о царевичѣ Февеѣ и о царевичѣ Хлорѣ, и по содержанію и по формѣ, очевидно, принадлежащія къ одному и тому же разряду, также отдѣлены одна отъ другой четырьмя сочиненіями. Императрица и не имѣла нужды въ этомъ заботиться о порядкѣ въ ихъ перечисленіи, потому что главный періодъ образовательнаго вліянія этихъ книгъ уже прошелъ, и ея воспитанники, какъ она сама выражается, „читали и перечитывали тѣ книжицы и правила тѣ же въ нихъ вселены и имъ свойственны и привычны“ (226). Въ Инструкціи она вмѣняетъ только въ обязанность приставникамъ, при удобныхъ случаяхъ, напоминать дѣтямъ заключающіяся въ этихъ книгахъ правила и ссылаться на нихъ, какъ было прежде, справедливо утверждая, что *тѣ начертанныя правила и*

впредь во многихъ случаяхъ годиться могутъ. Порядокъ же, предложенный нами, основанъ на существѣ содержанія и формѣ, въ какую оно облечено. Съ этой точки зрѣнія сказкамъ неотъемлемо принадлежитъ первое мѣсто по времени. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ и характеръ дѣтской природы и характеръ сказокъ. Излишне распространяться здѣсь объ общеизвѣстной наклонности дѣтей къ сказкамъ, особенно съ примѣсью чудеснаго, вслѣдствіе васьма сильнаго и понятнаго развитія воображенія. Такая наклонность дѣтей объясняется не только ихъ природою и существомъ содержанія сказокъ, но и формою послѣднихъ. Дѣйствительно, форма разсказа есть самая удобная и самая доступная для первоначальнаго дѣтскаго пониманія. Здѣсь вся работа дѣтскаго ума и воображенія состоитъ въ наблюденіи за нитью разсказа посредствомъ простого присоединенія послѣдующаго явленія къ предыдущему; здѣсь явленія слѣдуютъ одно за другимъ, смѣняютъ другъ друга и потому не требуютъ для своего усвоенія особенной силы вниманія и особеннаго напряженія умственныхъ способностей вообще. Форма описанія уже требуетъ болѣе усилія отъ дѣтскаго ума, потому что въ ней явленія сопоставляются между собою, и ребенку необходимо одновременно и совокупно представить ихъ въ своемъ воображеніи, чтобы усвоить себѣ данное изображеніе. Если бы императрица намѣренно и не назначила сказкамъ перваго мѣста, то уже самый интересъ дѣтей упрочилъ бы за ними это первенство, особенно если принять во вниманіе главное положеніе, принятое при ихъ обученіи: не допускать ни малѣйшаго принужденія и все представлять собственной ихъ охотѣ. Разсматривая же остальныя сочиненія, всякій легко убѣдится, что содержаніе ихъ расположено въ порядкѣ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, отъ краткихъ изреченій и разсказовъ, окружающихъ дѣтей, къ общимъ опредѣленіямъ; всякій, впрочемъ, въ то же время убѣдится, что это восхожденіе отъ легчайшаго къ труднѣйшему основано не столько на сущности сообщаемыхъ свѣдѣній, сколько на степени ихъ краткости, не столько на содержаніи ихъ, сколько на объемѣ.

Такъ, „Начальное гражданское ученіе“ состоитъ изъ краткихъ изреченій, вопросовъ и отвѣтовъ въ двѣ три строки, между тѣмъ какъ въ „Продолженіи начальнаго ученія“ встрѣ-

чаются разсказы и даже общія опредѣленія значительнаго объема; еще пространнѣе изложеніе въ Запискахъ, гдѣ уже и самое содержаніе свѣдѣній представляетъ отличный характеръ. Нельзя однако утверждать, чтобы то же начало господствовало въ распредѣленіи свѣдѣній и по отношенію къ самому существу послѣднихъ. Яснымъ доказательствомъ отсутствія такого начала въ послѣднемъ отношеніи служитъ то, что во всемъ „Начальномъ ученіи нѣтъ ни одного разсказа, и только восемь вопросовъ, относящихся къ общеполезнымъ свѣдѣніямъ: все остальное состоитъ изъ краткихъ изреченій исключительно нравственнаго содержанія. Понятно, что нравственныя изреченія, и притомъ облеченныя въ сжатую форму, съ одной стороны наименѣе доступны дѣтскому разумѣнію, съ другой — наименѣе способны возбуждать, привлекать и питать вниманіе дѣтей. Нравственное изреченіе, какъ нравственное положеніе, есть высшее отвлеченіе изъ множества отдѣльныхъ дѣйствій; изреченія же Платона, Аристотеля, Діогена, Ксенократа, Віаса, Анаксагора, Хрисиппа, приведенныя въ „Начальномъ ученіи“, заключаютъ въ себѣ сущность ихъ продолжительныхъ и глубокихъ умозрѣній. Можно ли предлагать подобныя свѣдѣнія дѣтямъ въ самую начальную пору ихъ умственнаго развитія, можно ли ожидать отъ дѣтей сознательнаго ихъ усвоенія и заключается ли въ нихъ хотя небольшая доля интереса для дѣтей? Отвѣтъ такъ ясенъ, что всякое разсужденіе оказывается излишнимъ. Ребенокъ, ограничивающій всю свою духовную дѣятельность созерцаніемъ и воспріятіемъ отдѣльныхъ чувственныхъ предметовъ, съ трудомъ отличающій одно отъ другого отдѣльныя дѣйствія, читая подобныя изреченія: „всякому младенцу предлежатъ два великіе пути: первый — справедливости, второй — любви къ ближнему; не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было“ и т. д., рѣшительно неспособенъ сознательно усвоить себѣ ни содержанія предлагаемыхъ изреченій, ни цѣли, для которой принуждаютъ ихъ читать, говорю — принуждаютъ, потому что нѣтъ никакой надежды, чтобы онъ самъ съ охотою принялся за ихъ чтеніе. А что сказать о слѣдующихъ изреченіяхъ, заимствованныхъ, большею частью, изъ Наказа: „всякъ, въ обществѣ живущій, подверженъ общественнымъ законамъ; все, что въ законѣ называется наказаніе, дѣйствительно не что иное есть, какъ

трудъ и болѣзнь; власть судейская состоитъ въ исполненіи законовъ“ и т. д. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что упомянутое выше начало не принято въ основаніе при распредѣленіи матеріала соотвѣтственно постепенному развитію умственныхъ способностей дѣтей, что это начало не было сознано императрицею во всей его высокой педагогической важности, а усвоена и понята только внѣшняя его сторона. Если справедливы эти соображенія, то, безъ сомнѣнія, будетъ справедливо и то, что пословицы, въ силу внѣшней стороны того же начала, должны занять первое мѣсто въ ряду всѣхъ нравственныхъ изреченій и положеній. Выражая также нравственное положеніе, облеченное въ сжатую и легкую форму, онѣ представляютъ и то преимущество для начальнаго чтенія, что созвучіе заключающееся въ большей ихъ части, весьма облегчаетъ ихъ усвоеніе и сохраненіе въ памяти. Въ пользу этой мысли говоритъ и то обстоятельство, что въ сочиненіи Базедова — Elementarwerk отдѣлъ нравоученія именно начинается пословицами (Lehren in Sprüchwörtern); мы уже говорили выше о несомнѣнномъ знакомствѣ императрицы съ этимъ сочиненіемъ. О преобладаніи нравоучительнаго характера пословицъ и гражданскаго начальнаго ученія можно заключить изъ сказаннаго нами. Тѣмъ же характеромъ отличаются сказки, „Продолженіе начальнаго ученія“ и „Записки первой части“.

Обѣ сказки — о царевичѣ Февеѣ и о царевичѣ Хлорѣ, по смыслу своего содержанія, направленію и характеру, весьма сходны между собою и отличаются, главнымъ образомъ, формою разсказа: первая въ простой, а вторая въ аллегорической формѣ изображаютъ идеалъ молодого царевича, тщательно воспитаннаго въ правилахъ добродѣтели и, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ и искушеніямъ, идущаго прямою дорогою къ указанной ему цѣли — той же добродѣтели. Господствующая идея ихъ одна: добродѣтель, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ въ дѣйствіяхъ человѣческихъ, должна составлять все содержаніе и всю цѣль жизни человѣка, она одна можетъ даровать истинное и полное счастье, а потому къ ней должны быть направлены и воспитаніе, и образованіе, какъ единственно надежныя средства для заготовленія упомянутаго содержанія жизни и для сообщенія достаточной силы къ достиженію упомянутой цѣли. Эта-то идея, которая

положена въ основаніе всѣхъ педагогическихъ сочиненій Екатерины II и которая сообщаетъ имъ нравственный характеръ. Но обѣ сказки, сближаясь по сущности самой идеи, различаются между собою по характеру и полнотѣ ея выраженія. Первая олицетворяетъ добродѣтель въ самомъ царевичѣ и представляетъ, такъ сказать, ея развѣтвленія на отдѣльныя нравственныя качества и дѣйствія; вторая представляетъ добродѣтель внѣ его, вдали, какъ отдаленную цѣль его стремленій, рисуетъ жилище добродѣтели и путь къ ней, усѣянный терніемъ и исполненный трудовъ, препятствій и искушеній,— и по этому пути ведетъ царевича къ цѣли. Первая изображаетъ царевича уже во владѣніи добродѣтелью и самое овладѣніе, какъ дѣйствіе, уже совершившееся; вторая изображаетъ самый процессъ овладѣнія добродѣтелью. Первая представляетъ осуществленіе добродѣтели подъ вліяніемъ непрерывнаго и заботливаго воспитанія и образованія; вторая изображаетъ ту же добродѣтель, пріобрѣтаемую въ самой жизни, въ борьбѣ духа съ внѣшними и внутренними препятствіями. Естественно, что въ послѣдней добродѣтель представляется прочнѣе, полнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ первой; самое содержаніе, по своей изобрѣтательности, и самая форма, по своей иносказательности, заключаетъ въ себѣ болѣе интереса, способнаго занять вниманіе дѣтей, если не возбудить ихъ нравственнаго чувства. Съ другой стороны также естественно, что первая сказка заключаетъ въ себѣ болѣе указаній на ходъ воспитанія и образованія, а слѣдовательно точнѣе и непосредственнѣе обнаруживаетъ воспитательныя убѣжденія императрицы. Приведемъ здѣсь существенныя черты этихъ двухъ идеаловъ воспитанія и образованія къ добродѣтели, потому что онѣ въ своей совокупности выражаютъ сущность педагогическаго взгляда императрицы и вмѣстѣ служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ статьѣ Инструкціи о добродѣтели.

Понятія свои о первоначальномъ воспитаніи Екатерина II ясно высказала въ сказкѣ о царевичѣ Февеѣ, а потому и не возвращалась къ тому же предмету въ другой сказкѣ. Дитя, по рожденіи, передано было на руки мамы, вдовы разумной, особенное достоинство которой состояло въ умѣньи открывать причину крика и плача. Царевича „не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда,

кормили же его порядочно и во́-время“ (I, 225). Спустя шесть недѣль, его клали каждый день по нѣскольку разъ на пестрый съ цвѣтными разводами коверъ, чтобы дать ему свободу движенія и упражненія рукъ и ногъ: „помаленьку повадился упираться ручками и ножками, и вскорѣ всталъ на ноги, ходилъ прежде года по стѣнкѣ, а потомъ по горницѣ“. Съ этого времени начинается намѣренное дѣйствіе на него, съ цѣлью развитія его духовныхъ способностей — и первымъ образовательнымъ средствомъ были игрушки, приспособленныя къ означенной цѣли: „онѣ давали ему спознаніе всего того, что его окружало въ свѣтѣ семъ, и его понятію дѣтскому сходственно было“. Плодомъ этого намѣреннаго дѣйствія было то, что царевичъ Февей, „*не умѣя еще говорить*, самъ себѣ дѣлалъ означеніе всего того, что хотѣлъ изъяснить, и даже до азбучныхъ словъ зналъ; когда у него спрашивали, гдѣ которая литера, то указывалъ“. Послѣдняя мысль могла бы показаться сказочною, если бы она не оправдывалась господствовавшими въ то время понятіями о первоначальномъ воспитаніи. Съ половины истекшаго столѣтія, когда началось сильное движеніе въ области педагогики, когда прежнія педагогическія убѣжденія и практика подверглись тщательному и строгому пересмотру, а вслѣдъ за тѣмъ и отрицанію, смѣнившее ихъ новое воззрѣніе, не ограничиваясь отрицаніемъ, озаботилось установленіемъ новаго, разумнаго порядка въ той же области, и естественно начало свое зданіе съ основанія, обратившись къ первоначальной порѣ дѣтскаго развитія. Первые опыты новыхъ стремленій, какъ и должно было ожидать, не были свободны отъ увлеченія и крайности. Воспитаніе самаго младенческаго возраста, предоставленное болѣе надежному надзору матерей и менѣе надежному наемному надзору, совершавшееся по преданію и богатое предразсудками, ложными пріемами и вредными вліяніями, обратило на себя слишкомъ усердное вниманіе педагоговъ. Плодомъ этого вниманія была подробная инструкція, положительно опредѣлявшая порядокъ, характеръ и цѣль для того и другого надзора,— инструкція, основанія которой составляли неумѣренныя требованія отъ духовной природы дѣтей, подчиненной въ эту пору процессу тѣлеснаго развитія. Обученіе, ложное по взгляду на его образовательное значеніе, а слѣдовательно,

по существу и порядку его дѣятельности, ложное по его суровой и жестокой дисциплинѣ, ложное по времени его начала, вызвало такое же усердіе, сопровождавшееся такими же послѣдствіями: прежняя дидактика, ограничивавшаяся сообщеніемъ положительныхъ знаній, безъ мысли о ихъ примѣненіи къ жизни, безъ мысли о ихъ образовательномъ значеніи, вслѣдствіе упомянутаго движенія, вдругъ устремилась въ обратную сторону — и формальная цѣль стала первою и послѣднею цѣлію обученія; не самыя познанія, а развитіе посредствомъ ихъ способностей, и преимущественно разсудка, стало первою и послѣднею заботою возрожденной къ новой жизни дидактики. Мрачная, вооруженная бичомъ и розгами дисциплина, отбросивъ свои атрибуты, ужасавшіе столько вѣковъ невинное дѣтство, вдругъ преобразилась въ игривую и веселую собесѣдницу дѣтей; игра стала исключительнымъ средствомъ для передачи и знаній и нравственныхъ убѣжденій. Начало обученія, въ наибольшей части случаевъ встрѣчавшее ребенка у порога школы, вдругъ передвинулось къ самому дню его рожденія: въ первые мѣсяцы своей жизни онъ долженъ былъ подвергнуться операціи пресловутаго возрительнаго обученія и, вмѣсто колыбельныхъ пѣсенъ, слушать произносимые предъ нимъ въ порядкѣ азбучные слоги. Вотъ въ какую пору развитія педагогики жила и дѣйствовала въ той же области императрица,— и мы уже неоднократно имѣли случай убѣдиться, что это новое направленіе не только не было ей чуждо, но что она усвоила изъ него все существенное, если не сказать — все лучшее. Послѣ этого, конечно, никому не покажется удивительнымъ, если приведенная выше мысль объ обученіи царевича Февея, не умѣвшаго еще говорить, найдетъ себѣ подтвержденіе въ сочиненіяхъ лучшихъ, представительныхъ педагоговъ того времени. „Въ началѣ жизни (когда ребенокъ еще не говоритъ), говоритъ Руссо, когда память и воображеніе еще не дѣйствуютъ, должно обращать его вниманіе на то, что дѣйствуетъ на его чувственные органы. Такъ какъ ощущенія составляютъ первый матеріалъ его познаній, то требуется представлять ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, приготовлять его память къ тому, чтобы она впослѣдствіи въ томъ же порядкѣ представила свои пріобрѣтенія уму“. Въ этомъ смыслѣ должно понимать одну изъ основныхъ мыслей Руссо, что *воспитаніе*

начинается съ самаго рожденія: прежде чѣмъ ребенокъ говоритъ, слышитъ, онъ уже обучается. Того же, и еще настоятельнѣе, требуетъ Базедовъ, составившій задолго до Песталоцци особое руководство для матерей, подъ заглавіемъ: „Methodenbuch“. Все, что ребенокъ (der Saügling) видитъ и слышитъ, говоритъ онъ, должно быть въ своемъ родѣ такъ пріятно, послѣдовательно и цѣлесообразно, какъ каждое семейство, по обстоятельствамъ, можетъ устроить. Сужденіе его, что это должно быть сдѣлано такъ, а не иначе, или что это справедливо или несправедливо, ранѣе развивается въ его мысляхъ, чѣмъ въ языкѣ... Часть дня должна быть назначена для дѣтей, даже не умѣющихъ говорить; она будетъ опредѣленнымъ временемъ (я назову его учебнымъ временемъ) для обращенія съ дѣтьми по плану; въ это время учебное обращеніе съ ними будетъ намѣреннымъ, главнымъ занятіемъ“. Вслѣдъ за тѣмъ Базедовъ излагаетъ и свой способъ учебнаго обращенія съ дѣтьми. Такъ же поступалъ и Вольке съ девятимѣсячною Эмиліею, дочерью Базедова, употребляя ежедневно полтора часа для воспитательныхъ упражненій.—„Я училъ ее по опредѣленному выбору и порядку, разнымъ предметамъ, показывая ихъ ей и ясно и раздѣльно“ и т. д. Увлеченіе знаменитаго Песталоцци въ томъ же отношеніи извѣстно.—По истеченіи трехъ лѣтъ, царевичу привили оспу, послѣ чего еще болѣе усилилась его любознательность: „самъ собою, безъ принужденія, выучился читать, писать и цифры“. Таковы убѣжденія императрицы о первоначальномъ воспитаніи, вполнѣ согласныя съ современными ей педагогическими убѣжденіями; только-что высказались послѣднія, какъ и были усвоены ею и примѣнены къ дѣлу.

Что касается до нравственнаго воспитанія, то оно въ сущности то же, какое императрица высказала въ Инструкціи Салтыкову. Вотъ идеалъ благовоспитаннаго царевича, предложенный въ примѣръ в. князьямъ. „Царевичъ имѣлъ доброе сердце, былъ жалостливъ, щедръ, послушливъ, благодаренъ, почтителенъ къ родителямъ и приставникамъ своимъ: онъ былъ учтивъ, привѣтливъ и съ доброхотствомъ ко всѣмъ людямъ, не спорливъ, не упрямъ, не боязливъ, повиновался всегда и вездѣ истинѣ и здравому разсудку, любилъ говорить и слушать правду, лжи же гнушался, даже и въ шутку

не употреблялъ“. Если мы присоединимъ сюда слова Рѣшемысла о томъ же царевичѣ, то будемъ имѣть довольно полное понятіе о томъ, что императрица почитала главнымъ содержаніемъ нравственнаго воспитанія: „наипаче Февей имѣетъ достохвальный даръ, говоритъ Рѣшемыслъ, разговаривая съ кѣмъ, вести рѣчь такъ, будто ищетъ онъ твоего благоволенія и не даетъ тебѣ малѣйшаго знака, чтобъ говорилъ съ тобою изъ одной милости; въ царевичѣ нѣтъ надменности, онъ любитъ ближняго какъ самого себя, и бывъ самъ человѣкъ, когда съ кѣмъ говоритъ, то помнитъ, что говоритъ съ человѣкомъ; всякъ же изъ насъ, говоря съ нимъ и впервые, чувствуетъ въ своей душѣ нѣкое ободреніе и довѣренность, кои Февей возбуждаетъ снисхожденіемъ и учтивостью, душѣ его природною“. Изъ отдѣльныхъ нравственныхъ положеній, высказываемыхъ императрицею въ обѣихъ сказкахъ, и изъ отдѣльныхъ нравственныхъ дѣйствій, приписываемыхъ обоимъ царевичамъ, мы приведемъ наиболѣе замѣчательныя: въ свѣтѣ нѣтъ совершеннаго счастья; разсудокъ долженъ господствовать надъ страстями; жизнь должна быть дѣятельная; трудъ преодолѣвается терпѣніемъ; истинная добродѣтель прямодушна, не изгибается, не ласкательствуетъ; истинная добродѣтель идетъ прямою дорогой и руководится честностью и правдою и т. д. Послѣднее положеніе составляетъ основную мысль всей сказки о царевичѣ Хлорѣ и развита съ большимъ искусствомъ, особенно примѣнительно къ дѣтскому возрасту. Вообще если простота разсказа, совершенно доступная самому слабому разумѣнію, и непосредственное, положительное нравоученіе, хотя и въ примѣрѣ, составляютъ отличительныя свойства первой сказки: то картинность, изобразительность, живописность съ одной стороны и иносказательность нравоученія съ другой — преимущественныя свойства второй. Изобразительность нерѣдко такъ жива, что предметы, такъ сказать, сами выступаютъ предъ глаза дѣтей и требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Такъ изображена жизнь, представляющая безчисленные пути каждому; лѣнивая и безпечная жизнь и, въ противоположность ей, полная дѣятельности и трудолюбія жизнь поселянъ. Естественно, что такая нравственная среда, въ которую поставлены императрицею ея образцы для подражанія, оба царевича, должна была проникать все ихъ существо.

И дѣйствительно, всѣ ихъ поступки — отраженіе совершеннѣйшей добродѣтели: оба они отличаются терпѣніемъ и твердостью во всѣхъ обстоятельствахъ, смиреніемъ, почтеніемъ къ старшимъ, повиновеніемъ, не искушающимися никакими соблазнами, безкорыстіемъ, человѣколюбіемъ и незлобіемъ, храбростью и неустрашимостью. Даже мысли императрицы касательно частныхъ явленій воспитанія, напр. ложнаго страха дѣтей, тѣ же, что и въ Инструкціи, — доказательство, что, еще задолго до составленія послѣдней, она усвоила опредѣленный взглядъ на ходъ воспитанія и оставалась вѣрною однажды составленнымъ педагогическимъ убѣжденіямъ. Такъ, царевича Хлора стращаютъ оборотить летучею мышью, коршуномъ, волкомъ, лягушкою, по „царевичъ небоязливъ былъ, посреди слезъ расхохотался такой нелѣпости“. Въ Инструкціи же читаемъ: „Приставники ни въ какомъ случаѣ да не оказываютъ пустыхъ опасеній и страха, какъ-то напримѣръ: отъ грома, молніи, вѣтра, дождя или иной чрезвычайности, и чтобъ повадили дѣтей не опасаться пауковъ, мышей, собачья воя, качки кареты или лодки; также чтобъ видѣли, какъ лошади лягаютъ, топаютъ ногами и ржутъ, и чтобъ ко всему подходили“. Наконецъ, въ одной изъ сказокъ нельзя не замѣтить намека на упомянутый нами выше недостатокъ общества того времени, именно на страсть къ путешествіямъ за границу, безъ опредѣленной цѣли, по одному подражанію. Царевичъ Февей, лѣтъ пятнадцати, „сталъ скучать тихою, спокойною и одинокою жизнью отцовскаго дома, желалъ чего самъ не зналъ, хотѣлъ видѣть пространный свѣтъ, что водится въ иной странѣ“. Рѣшемыслъ, по этому поводу, высказываетъ въ сущности ту же мысль о времени, пользѣ и цѣли путешествій, какую мы уже слышали изъ устъ Собрина въ комедіи: „Разстроенная семья“. „Надежда Государь, призови царевича и скажи, что, любя его молодость, отпустить не можешь въ чужіе люди, пока опытами не докажетъ, сколько послушенъ онъ тебѣ, въ душѣ имѣетъ твердости, въ несчастіи терпѣнія, въ счастіи умѣренности, что онъ непрерывно смѣлъ и щедръ, великодушенъ и кротокъ, да будетъ ему въ людяхъ честь и тебѣ хвала“. Царевичъ остался дома.

Изъ предложеннаго обзора сказокъ видно, что нравственныя наставленія составляютъ все ихъ содержаніе, а нраво-

ученіе — всю ихъ цѣль. Императрица и здѣсь осталась неизмѣнно вѣрною главному своему убѣжденію, положенному ею впослѣдствіи въ основаніи всей Инструкціи, что „кто отъ природы къ доброму и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ, и что надлежитъ приступить къ основанію добродѣтелей, полезныхъ душѣ отъ самаго младенчества". Нравоучительный характеръ до того господствуетъ въ сказкахъ, что заслоняетъ собою разсказъ, служащій только средствомъ, и тѣмъ самымъ ослабляетъ успѣхъ своего образовательнаго вліянія. Если императрица сознавала потребность облечь нравственныя правила въ форму сказокъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующую степени духовнаго развитія дѣтей, то въ то же время сознавала, разумѣется, и справедливость мысли, что неприкрытое, такъ сказать, нравоученіе не способно возбуждать интереса дѣтей, а слѣдовательно, и не способно съ успѣхомъ дѣйствовать на ихъ нравственность. Сказка должна заключать въ себѣ всѣ условія сказки, должна быть дѣйствительной сказкой, и по формѣ и по содержанію, а не по одному заглавію,— и тогда только она не замедлитъ обнаружить свое вліяніе на возбужденіе дѣтскаго вниманія.

Также господствующимъ является нравоучительный характеръ и въ Продолженіи начальнаго ученія, хотя послѣднее въ этомъ отношеніи значительно отличается отъ Гражданскаго начальнаго ученія, не только по объему статей, но отчасти и по формѣ самаго нравоученія. Отличіе, главнымъ образомъ, состоитъ въ разсказахъ, заимствованныхъ изъ древней исторіи, не находящихся въ начальномъ ученіи, и въ опредѣленіяхъ, также съ назидательною цѣлью, различныхъ свойствъ и качествъ человѣка. Сюда относятся: съ одной стороны извѣстный разсказъ о Кирѣ изъ Ксенофонтовой Киропедіи, разсказъ объ Александрѣ Македонскомъ, Юліи Кесарѣ, о лакедемонцахъ; съ другой стороны опредѣленія доброхотства, краснорѣчія, героя, остроумія, великодушія, бодрости духа. Все остальное — нравственныя положенія, изреченія того же содержанія великихъ мужей древности, общеполезныя свѣдѣнія — обще съ начальнымъ гражданскимъ ученіемъ. Относительно разсказовъ должно замѣтить, что выборъ ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенной цѣли, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они заимствованы изъ царственнаго круга. Здѣсь только

можно сказать то же, что было сказано выше, то есть что исключительное господство нравоученія въ разсказахъ, наполняющее собою все ихъ содержаніе, способно скорѣе ослабить, чѣмъ возбудить интересъ дѣтей: *μηδὲν ἄγαν* — должно быть девизомъ всѣхъ дѣтскихъ книгъ этого направленія. Можно ли разсчитывать на охоту дѣтей читать разсказы, гдѣ они въ каждой строкѣ должны читать наставленія: „ты долженъ учиться прилежно, потому что ученіе полезно; ты долженъ вести себя благопристойно“ и т. д., а слѣдовательно, можно ли разсчитывать и на образовательность такихъ разсказовъ? Самое однообразіе направленія крайне утомительно для вниманія, и одно можетъ поручиться въ томъ, что ребенокъ по доброй волѣ не станетъ почерпать изъ такой книги разсѣянныхъ для него въ изобиліи правилъ добродѣтели. Между тѣмъ не только разсказы, но вообще и все продолженіе начальнаго ученія страдаетъ вреднымъ недостаткомъ излишества нравоученія. Приведемъ для образца нѣсколько строкъ изъ разсказа объ Александрѣ Македонскомъ. „Труды онъ сносилъ съ терпѣніемъ; праздность роскошь и лишнія украшенія онъ презиралъ. — Александръ съ природы былъ уменъ; воспитаніе его сходствовало природнымъ его дарованіямъ; онъ основательно обучался разнымъ наукамъ. Учитель его былъ Аристотель-философъ. Отъ различныхъ упражненій Александръ пріобыкъ къ трудолюбію. Самыя его игры и забавы не иныя были, какъ тѣ, кои придаютъ тѣлу силу, проворство и здравіе; прочія забавы мало уважалъ. Началъ было учиться музыкѣ съ успѣхомъ, но когда отецъ его спросилъ: не стыдно ли ему столь искусно играть? уменьшилъ охоту въ такой наукѣ, *на которую много времени для полученія искусства теряется безъ пользы иной, окромъ забавы.* Александръ, любя науки и научась отъ младости, а наипаче какъ владѣть самимъ собою, по мнѣнію многихъ, трудолюбіемъ, краснорѣчіемъ, великодушіемъ, воздержаніемъ, остроуміемъ, бодростію духа и неустрашимостью пріобрѣлъ не менѣе успѣха, нежели силою и орудіемъ однѣми ожидать можно было“ и т. д. Здѣсь историческій разсказъ служитъ только канвою, которая по произволу украшается узорами нравоученія. Впрочемъ, въ этомъ недостаткѣ можно обвинять только общее направленіе въ то время относительно книгъ этого рода, между тѣмъ какъ важныя

достоинства разсказовъ: легкость, простота, ясность, живость и, наконецъ, подборъ мыслей, вполнѣ доступныхъ дѣтскому разумѣнію, неотъемлемо принадлежатъ императрицѣ.

Тѣми же достоинствами отличаются и опредѣленія, что́, по нашему мнѣнію, имѣетъ право на особенное вниманіе. Опредѣленіе есть самая трудная для дѣтскихъ понятій форма передачи какихъ-либо свѣдѣній: заключая въ себѣ объясненіе видового понятія чрезъ родовое, оно всегда ведетъ къ опредѣляемому неизвѣстному (видовому понятію) чрезъ неизвѣстное также родовое понятіе, тогда какъ, по общему закону, понятія развиваются путемъ отъ единичнаго, конкретнаго, къ общему и отвлеченному, слѣдовательно путемъ синтеза. А потому, если дѣтямъ неизвѣстно видовое понятіе, послѣднее едва ли когда можетъ быть объяснено при посредствѣ родового; въ ихъ сознаніи вовсе не уясняются понятія мухи, лошади, человѣка, когда говорятъ: муха есть насѣкомое, лошадь есть животное, человѣкъ есть существо разумное и т. д. Отсюда, между прочимъ, видно, какъ ложно и несоотвѣтственно естественному развитію понятій направленіе наибольшей части и наиболѣе употребительныхъ нашихъ руководствъ, начинающихся съ общихъ опредѣленій и развивающихъ ту или другую отрасль знаній путемъ строгаго анализа. И неужели такъ необходимо это обращеніе къ родовому понятію? Развѣ не легче достигнуть той же цѣли чрезъ перечисленіе и сопоставленіе частныхъ понятій и признаковъ, изъ болѣе или менѣе точной совокупности которыхъ слагается опредѣляемое понятіе? Согласны, что и этотъ путь трудень для дѣтей, что ихъ умственная способность еще слишкомъ слаба, чтобы держать въ одно и то же время въ памяти всѣ слагаемыя и сводить ихъ въ одну логическую сумму: все же этотъ путь естественнѣе, какъ требующій сложенія извѣстныхъ для открытія искомаго неизвѣстнаго, а не разложенія неизвѣстныхъ для той же цѣли. Вникая въ характеръ опредѣленій, находящихся въ „Продолженіи начальнаго ученія“, мы замѣчаемъ, что они проведены послѣднимъ путемъ, и только можно опасаться за полноту содержанія такихъ понятій, каковы: великодушіе, остроуміе, бодрость духа, герой, — содержанія, слагающагося изъ частныхъ ихъ проявленій. Вотъ для образца нѣсколько опредѣленій. „Что есть герой? Герой есть тотъ, котораго многочи-

сленныя дарованія естественныя суть совершеннѣе обыкновенныхъ людей, и который изъ всѣхъ оныхъ дарованій учинитъ употребленія столь же добрыя и полезныя, сколь дарованія его отличны суть. Таковые люди суть рѣдки; лучшій же изъ нихъ тотъ есть, котораго добродѣянія числомъ превосходятъ другихъ". „Что есть остроуміе? Кажется, остроуміе составлено изъ чистаго понятія настоящаго положенія вещи: изъ проницательнаго обнятія какъ начала, такъ и слѣдствій оной, потомъ изъ точнаго, краткаго и сильнаго изъясненія отъ того происходящихъ справедливыхъ мыслей, разсужденій или заключеній". „Что есть великодушіе? Великодушіе означивается дѣяніями при всякомъ маломъ или великомъ случаѣ; но таковыя дѣянія происходятъ отъ разныхъ качествъ, кои всѣ составляютъ великодушіе", — и вслѣдъ за тѣмъ на двухъ страницахъ перечисляются эти разныя качества. Легко можно себѣ представить, какъ трудно дѣтямъ изъ всѣхъ поименованныхъ проявленій великодушія составить ясное и раздѣльное понятіе о самомъ великодушіи, и, наоборотъ, какъ легко, съ опущеніемъ нѣсколькихъ членовъ, составить сбивчивое и даже неправильное понятіе. Мы уже не говоримъ о томъ, дѣйствительно ли изъ этихъ и только ли изъ этихъ явленій слагается великодушіе; не говоримъ также о томъ, что самая отвлеченность понятій вызывала иногда и выраженія, превышающія дѣтское разумѣніе, напр. „рвеніе чувствъ и наклонность ко всему тому, что носитъ на себѣ красивый образъ добродѣтели или величественный видъ совершенства". Замѣтна и неточность въ опредѣленіяхъ. Кто, напр., узнаетъ доброхотство въ слѣдующихъ словахъ: „оно веселитъ того, кто его оказываетъ, и того, кто его увидитъ или услышитъ; самая неблагодарность обращается доброхотству въ поощреніе"? Послѣднее опредѣленіе замѣчательно и потому, что изъ него можно извлечь заключеніе и о недостаткѣ углубленія въ предметъ опредѣленія: то же доброхотство вошло въ содержаніе понятія — *великодушіе*, но оно опредѣлено здѣсь иначе: Доброхотство неутомлено, ища случай вездѣ вмѣстить добро и пользу, и ежечасно, хотя само себя не жалѣетъ ради того, но другихъ оберегаетъ и предохраняетъ отъ вреда, гдѣ къ тому способъ найдетъ". Императрица сама понимала, что подобныя нравственно-отвлеченныя положенія не соотвѣтствуютъ понятіямъ дѣтей и

не способны возбуждать ихъ интересъ: это видно изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ она старалась, сколько было возможно, приблизить къ степени развитія дѣтей, представить ихъ въ болѣе наглядной формѣ посредствомъ сравненій, употребленій и олицетвореній.

Матеріалъ для дѣтскаго чтенія, заключающійся въ Запискахъ первой части, отличается особеннымъ характеромъ. Вникая въ содержаніе Записокъ, мы замѣчаемъ въ немъ два главныя направленія и двѣ главныя цѣли: первое направленіе, составляющее основу всего содержанія, есть учебное съ реальнымъ характеромъ, второе — нравоучительное; первая цѣль — сообщеніе воспитанникамъ положительныхъ знаній, расширеніе посредствомъ ихъ круга зрѣнія на міръ дѣйствительный вообще и на міръ русскій въ особенности; вторая цѣль состоитъ въ продолженіи укрѣпленія въ добродѣтели, въ возвышеніи нравственности. Послѣднее направленіе и послѣдняя цѣль занимаютъ здѣсь только второстепенное мѣсто, примыкаютъ къ первымъ, какъ приложеніе; ихъ присутствіе въ Запискахъ служитъ только новымъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, что императрица, проникнутая господствовавшимъ въ ея время направленіемъ не только въ педагогикѣ, но и въ литературѣ, не понимала даже возможности дѣтскаго чтенія безъ намѣреннаго возбужденія къ добродѣтели посредствомъ особыхъ статей въ тѣсномъ смыслѣ назидательнаго характера.

Положительныя свѣдѣнія, сообщаемыя воспитанникамъ, во-первыхъ, довольно разнообразны: географія и этнографія, исторія и языкъ, торговля и промышленность служили для нихъ источниками; географическія свѣдѣнія наполняютъ большую часть содержанія; во-вторыхъ, что́ составляетъ особенную, характеристическую черту Записокъ, эти свѣдѣнія имѣютъ главнымъ своимъ предметомъ русскую землю, русскій народъ, русскіе нравы и обычаи. Порядокъ, въ какомъ излагается содержаніе, состоитъ въ слѣдующемъ: сообщаются свѣдѣнія о какой-либо области, о городѣ, народѣ, и къ нимъ часто присоединяется разсказъ, вымышленное происшествіе, съ явною цѣлью поученія. Приведемъ примѣры. Подъ № 51 сообщаются свѣдѣнія объ Архангельскѣ: „городъ Архангельскъ построенъ на берегу рѣки Двины Бѣломорской. Сія рѣка течетъ въ Бѣлое море“, — и вслѣдъ за

тѣмъ разсказывается анекдотъ, напоминающій дѣтямъ объ умѣренности и воздержаніи въ пищѣ, о вредѣ отъ невоздержности, при чемъ указывается на необходимость строгаго наблюденія за качествомъ и количествомъ дѣтской пищи. „У города Архангельска случилась свадьба, на которую позвали гостей много, съ женами и съ дѣтьми. Гости пріѣхали, сѣли за столъ; отцы и матери сѣли съ женихомъ и съ невѣстою, а для дѣтей слуги накрыли столъ въ другой горницѣ, по тѣснотѣ покоя. Поставили дѣтямъ таковое же кушанье, какъ и за свадебнымъ столомъ было. Архангелогородскія мяса и рыбы жирны и отмѣннаго вкуса, наипаче же телятина и рябчики, изъ рыбъ треска, навага, сельди и иныя. Дѣти обрадовались, что оставлены безъ присмотра, на свою волю, почали кушать сколько было мочи, тарелку за тарелкой мѣняли; слуги то и дѣлали только, что раскладывали и перемѣняли тарелки; потомъ принесли имъ пирожное, за симъ кашу, молоко и конфеты; всякій набивалъ брюшко туго; послѣ стола разошлись гости по домамъ; тутъ во всякомъ почти домѣ поднялся крикъ отъ тѣхъ дѣтей, кои были на томъ пиру; иное дитя жаловалось брюшкомъ, иное головой, иное почувствовало жаръ, иное ознобъ, иное рѣзь въ животѣ, иное боль въ желудкѣ. Призвали лѣкарей, докторовъ, дали имъ лѣкарство. Тутъ въ иныхъ домахъ поднялся новый крикъ; нѣкоторыя не хотѣли принять лѣкарства, иныя принимали со слезами, а иныя не морщась, иныя изъ тѣхъ дѣтей выздоровѣли, иныя остались больны во весь вѣкъ, иныя очень долго, а иныя померли оттого, что неумѣренно кушали“ (III, 149—150). Подъ № 58 говорится, что на Онѣгѣ, текущей изъ озера Лача въ Бѣлое море, построенъ г. Онѣга — и затѣмъ помѣщенъ разсказъ, научающій дѣтей кротости въ обращеніи съ животными. „Туда (въ Онѣгу) пріѣхалъ на торговомъ суднѣ мѣщанинъ нѣмецкаго города Гамбурга, на судно хотѣлъ грузить хлѣбъ и лѣсъ. Спросили у него, какія вѣсти изъ-за моря? Сказалъ, что онъ отсталъ въ Сѣверномъ морѣ отъ своихъ товарищей города Гамбурга и города Бремена, кои ѣздятъ, такъ какъ и голландцы, на китовую и сельдяную ловлю въ Сѣверный океанъ, сошелъ съ судна, пошелъ на постоялый дворъ; тутъ нашелъ у одного, тамо живущаго англичанина, который строитъ корабли, маленькую дѣвочку. Дѣвочка на то время поймала муху

и, принеся муху къ нему, какъ диковину, сказала: посмотри какъ муха хороша! потомъ дѣвочка, не ожидая отвѣта, оборотясь къ своей нянѣ, молвила: я у мухи отыму крылья, чтобъ она не улетѣла, а послѣ кормить ее стану. Няня спросила: развѣ муха тебя укусила? Нѣтъ, сказала дѣвочка, муха не укусила. Няня опять спросила: для чего же ты мухѣ хочешь дѣлать вредъ? Отнять у мухи крылья, равную боль ей причинишь, какъ бы у тебя кто отнялъ руку или ногу; она кричать не можетъ, какъ ты, а животное и чувства имѣетъ; ты не должна дѣлать зло животному". Дѣло кончилось тѣмъ, что дѣвочка, наконецъ, муху отпустила, а гамбургскій мѣщанинъ „вынулъ изъ кармана записную книгу, записалъ сей разговоръ, и какъ возвратился домой, то дѣтямъ своимъ велѣлъ наизусть выучить, что няня говорила" (III, 151—152). Подъ № 64 разсказывается о самоѣдахъ, а подъ № 65 — вымышленное происшествіе, отнесенное, къ нимъ же и заключающее въ себѣ наставленіе, что не только не должно дѣлать вреда животнымъ, но и растеніямъ, что „всякій вредъ есть вредъ". Подъ № 80 сообщаются свѣдѣнія о Камчаткѣ, а подъ № 81 — разсказъ, научающій дѣтей быть внимательными и благотворительными къ нищимъ, но съ разборомъ, чтобы, подавая милостыню мнимымъ нищимъ, не отнимать тѣмъ милостыни у дѣйствительно нищихъ (161—162). Содержаніе нѣкоторыхъ нравоучительныхъ разсказовъ такъ важно и любопытно, такъ ясно высказываетъ нѣкоторыя педагогическія убѣжденія императрицы, что мы почитаемъ обязанностью остановиться на немъ. Послѣ свѣдѣній о Херсонѣ (№ 17), подъ № 18 передается разговоръ купца, пріѣхавшаго въ Херсонъ съ шестилѣтнимъ сыномъ. Императрица устами перваго высказываетъ свои понятія о внѣшнихъ достоинствахъ дѣтей, или, говоря языкомъ Записокъ, о томъ, какихъ дѣтей называютъ *хорошими*. „Хорошимъ называютъ того, у кого цвѣтъ лица здоровый, бѣлъ, румянъ, глаза живые, носъ ни великъ ни малъ, ротъ величины умѣренной, лобъ волосами не слишкомъ закрытъ, да и не безъ волосъ, ростъ не чрезвычайной высоты, да и не очень низокъ, станъ складенъ, чтобы ни въ которомъ членѣ безобразія не было, и непритворный видъ имѣлъ, не смотрѣлъ угрюмо или исподлобья, не улыбался безпрестанно, не кривлялся, былъ скроменъ и притомъ привѣтливъ". При этомъ дѣлается предо-

стереженіе отъ лести. Изъ Херсона купецъ отправился въ Кіевъ; изъ Кіева и иныхъ украинскихъ городовъ рогатый скотъ гоняютъ на продажу въ землю польскую. Затѣмъ передается разговоръ, происходившій въ столицѣ земли польской, въ Варшавѣ, между матерью и сыномъ (№ 23). „Мать. Почему ты любезенъ? — Дитя. Потому, что я уменъ иногда. — Мать. Это не довольно, что ты умень иногда, а иногда нѣтъ. — Дитя. Я отъ сего дня буду уменъ всегда. — Мать. Хорошо. Да что ты называешь быть умнымъ? — Дитя. Я все буду дѣлать хорошо. — Мать. Знать, ты думаешь, что это такъ очень легко? — Дитя. Не мудрено, лишь захочу, такъ и сдѣлается. — Мать. Какъ это будетъ? — Дитя. Я всегда буду дѣлать, что вы скажете“ (139—140). Мать заставляетъ сына писать; при чемъ показываетъ, какъ онъ долженъ держать себя, бумагу, перо; говоритъ, что должно имѣть терпѣніе, что на всякую науку приличное время надобно, что должно стараться только сегодня дѣлать лучше вчерашняго, а завтра лучше сегодняшняго, что всякій возрастъ имѣетъ свое понятіе и свой разсудокъ по своимъ лѣтамъ. „Понятіе и разсудокъ твоихъ лѣтъ въ томъ должны состоять, чтобы ты зналъ и чувствовалъ, что ты дитя, которое ничего не можетъ дѣлать безъ помощи другихъ людей... А послѣ, Богъ дастъ здоровья, вырастешь, и знанія твои умножатся, и будешь человѣкъ съ недостатками..., потому что совершенство человѣку не дано... единъ Богъ совершенъ“. Всмотритесь пристально въ смыслъ наставленій матери, и вы тотчасъ замѣтите, какъ слабо они соображены съ дѣтскими способностями, съ степенью дѣтскаго развитія, какъ трудно имъ достигнуть цѣли, и самое благородное желаніе, по ложности направленія, остается, и должно остаться только какъ pium desiderium. Мы нимало не сомнѣваемся, что подобный разговоръ, несмотря на простоту разговорнаго языка, мало способенъ возбудить и завлечь вниманіе дѣтей, а слѣдовательно и мало способенъ образовательно дѣйствовать на ихъ духовную сущность. Дѣти, при частомъ повтореніи этого разговора, могутъ усвоить его себѣ, пересказать, но это будетъ только, невинный обманъ съ ихъ стороны и самообольщеніе со стороны родителей или воспитателей; а между тѣмъ какой вредъ заключается въ этомъ невинномъ обманѣ и въ этомъ самообольщеніи! Съ одной стороны, разговоръ усвоенъ только съ его

внѣшней стороны, не понята сущность его содержанія, не восчувствованъ его смыслъ, не перенесенъ въ глубину духовной природы дѣтей и не слился съ остальнымъ ея содержаніемъ. Съ другой стороны, часто повторяющіяся подобныя нравоученія сообщаютъ ложный взглядъ на самую нравственность: послѣдняя будетъ представляться дѣтямъ въ формѣ отвлеченныхъ положеній, безъ жизненной сущности; ими усвоена будетъ только формальная, внѣшняя сторона нравственности. Не такими ли нравоученіями воспитываются люди съ краснорѣчивою нравственностью на словахъ и съ отвратительною безнравственностью въ дѣйствіяхъ, способные господствовать надъ житейскими интересами, но всегда во вредъ добру и правдѣ?... Изъ приведеннаго содержанія разговора видно, что понятія *любезности* и *ума* передаются матерью сыну, какъ понятія тождественныя, однозначащія, что не только можетъ произвести сбивчивость въ понятіяхъ но и сообщить ложный взглядъ на значеніе собственныхъ дѣйствій; не говоримъ объ умѣстности вопроса и о возможности даннаго ребенкомъ отвѣта. Далѣе: выраженіе — *быть умнымъ* приравнено выраженію — *все дѣлать хорошо.*

Какое понятіе объ умѣ могутъ извлечь дѣти изъ этого общаго, неопредѣленнаго выраженія? Послѣднее, въ дальнѣйшемъ развитіи мыслей разговора, признается однозначущимъ съ выраженіемъ: *дѣлать все, что скажетъ мать*, которое такъ же мало объясняетъ предыдущее, какъ это послѣднее — понятіе ума, и какъ умъ мало объясняетъ понятіе — любезность. Въ головѣ ребенка уже скопилось четыре опредѣленія, предметы которыхъ остались все-таки неопредѣленными, неизвѣстными. Въ выраженіи: „дѣлать все, что скажетъ мать“ заключается и другой важный недостатокъ: по его смыслу, только тѣ дѣйствія дѣтей могутъ почитаться похвальными, которыя совершаются по приказанію родителей. Не трудно замѣтить, что такая мораль подрываетъ нравственную самостоятельность дѣтей, сводя всю ихъ дѣятельность къ однимъ внѣшнимъ возбужденіямъ; она развиваетъ наклонность дѣйствовать единственно по непосредственнымъ указаніямъ, не даетъ работы волѣ дѣтей, поставляя ее въ непрерывную зависимость отъ чужой воли, а слѣдовательно, способна воспитать людей безхарактерныхъ, безъ того, что именно составляетъ нравственную личность человѣка. Въ послѣдующемъ развитіи разговора

эта, невѣрная въ педагогическомъ отношеніи, мысль сводится уже въ слѣдующее общее положеніе: „Понятіе и разсудокъ твоихъ лѣтъ въ томъ должны состоять, чтобъ ты зналъ и чувствовалъ, что ты дитя, которое ничего не можетъ дѣлать безъ помощи другихъ людей“. Признавая благоразумное руководство и управленіе дѣйствіями дѣтей необходимыми условіями первоначальнаго воспитанія, не угрожающими нравственной самостоятельности, мы однако не можемъ повѣрить, чтобы дитя, выслушавши приведенное выше общее положеніе, отвѣчало матери: „Я буду слушаться, благодарствую за поученіе“. Не вѣримъ и тому, чтобы оно могло понять хотя небольшую долю слѣдующей за тѣмъ мысли: „Когда оно вырастаетъ и когда знанія его умножаются, *то будетъ человѣкъ съ недостатками*“. Можно ли довести ребенка до сознательнаго убѣжденія въ томъ, что онъ, несмотря на всѣ старанія образовать свой умъ, жить добродѣтельно, никогда не будетъ свободенъ отъ недостатковъ, что ему остается только подчинять свою дѣятельность разсудку, а разсудокъ правдѣ, безъ надежды когда-либо достигнуть совершенства? Причина такой безнадежности, приводимая ниже, не только для него, но и для взрослаго не объясняетъ сущности самаго убѣжденія. Изъ предложеннаго разсмотрѣнія всего содержанія разговора видно, что оно составлено безъ здравыхъ педагогическихъ соображеній и безъ вниманія къ природѣ и степени развитія дѣтскихъ способностей. — Перечисляя страны, лежащія при Балтійскомъ морѣ, императрица останавливается на Курляндіи и подъ № 41 разсказываетъ вымышленное происшествіе нравоучительнаго содержанія, будто бы случившееся въ Митавѣ. Во время ярмарки, при стеченіи многочисленнаго народа, по городской площади проѣхалъ господинъ въ раззолоченной каретѣ, въ сопровожденіи гусаръ и конюховъ; народъ почтительно кланялся сидѣвшему въ каретѣ. По поводу этого происшествія между купцами зашла рѣчь о почтеніи и уваженіи къ людямъ, продолжавшаяся и послѣ между однимъ купцомъ и его малолѣтнимъ сыномъ. Отецъ объясняетъ сыну, что „есть разные роды почтенія, почитанія и уваженія къ людямъ, и что нѣтъ пріятнѣе для человѣка, какъ то почтеніе, почитаніе и уваженіе, которое человѣкъ получаетъ по доброму своему поведенію отъ знакомыхъ и незнакомыхъ ему людей“. Когда сынъ выразилъ сомнѣніе касательно возможности по-

чтенія къ людямъ неизвѣстнымъ, то отецъ, посредствомъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ жизни римскихъ императоровъ Тита и Домиціана, старается объяснить ему мысль, что молва о добрыхъ и дурныхъ дѣлахъ, распространяясь между людьми, возбуждаетъ къ первымъ почтеніе и уваженіе, а ко вторымъ отвращеніе и презрѣніе. Разсмотрѣніе смысла этого разсказа въ педагогическомъ отношеніи невольно вызываетъ слѣдующія замѣчанія. Во-первыхъ, доброе поведеніе, а слѣдовательно, нравственныя начала вообще, прикрѣпляются къ внѣшнему явленію; добро не имѣетъ внутренняго основанія, — основанія въ самомъ себѣ, а потому и не можетъ ручаться за свою нравственную и безотносительную чистоту. Это замѣчаніе вовсе не притягательно. Всякій разсказъ съ такимъ характеромъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ опасность возбудить въ дѣтяхъ мысль, что нравственныя дѣйствія вызываются и поддерживаются только внѣшними побужденіями, вознагражденіями и т. д., — мысль вредную, какъ по своему существу, такъ еще болѣе по своимъ послѣдствіямъ. Если наше замѣчаніе справедливо по отношенію къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ дѣтей въ первоначальномъ воспитаніи, то оно не можетъ быть несправедливымъ по отношенію ко всему ихъ поведенію, утвержденному на такомъ внѣшнемъ основаніи. Во-вторыхъ, такое основаніе добраго поведенія и такая цѣль его, состоящая въ пріобрѣтеніи почтенія и уваженія, при частыхъ внушеніяхъ, естественно и весьма сильно должны дѣйствовать на возбужденіе честолюбія, которое не замедлитъ развиться до размѣровъ вредныхъ и опасныхъ для всей послѣдующей жизни воспитанника. Въ-третьихъ, самое почтеніе и уваженіе въ этомъ разсказѣ выражаются только внѣшнимъ образомъ, во внѣшнихъ условныхъ дѣйствіяхъ, которыя такъ мало имѣютъ общаго съ своимъ нравственнымъ источникомъ. Изъ подобныхъ, часто повторяемыхъ примѣровъ, мало-по-малу можетъ развиться убѣжденіе, такъ часто встрѣчающееся въ жизни, что внѣшнее, условное выраженіе почтенія и дѣйствительное почтеніе — два дѣйствія отдѣльныя, которыя могутъ существовать независимо одно отъ другого, хотя и могутъ быть одновременными. Наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ того, что народъ почтительно посторонился передъ сидѣвшимъ въ раззолоченной каретѣ, не видно, чтобъ это дѣйствіе было непремѣннымъ слѣдствіемъ дѣйствительнаго почтенія, а не вызвано было

другими обстоятельствами — властью, саномъ и проч. Утверждая почтеніе къ послѣднимъ, воспитатель тѣмъ не менѣе обязанъ отличать его отъ того почтенія, которое основывается на чисто нравственныхъ побужденіяхъ. То, что римскій императоръ Титъ достоинъ истиннаго почтенія, еще не есть доказательство необходимости того же почтенія къ ѣхавшему по Митавской площади господину. Мы хотимъ только сказать, что самое происшествіе, по смыслу всего разсказа, не имѣетъ внутренней связи съ слѣдующимъ за тѣмъ его объясненіемъ, выводящимъ необходимость почтенія изъ добрыхъ дѣлъ, изъ добродѣтельной жизни, между тѣмъ какъ такая связь между причинами и дѣйствіями относительно явленій нравственнаго міра составляетъ существенную, безусловную потребность въ разсказахъ, назначенныхъ для дѣтскаго чтенія, если желаютъ упрочить за ними образовательное вліяніе. Упомянувъ о сырянахъ, ихъ мѣстѣ жительства и нравахъ (№ 70), императрица, подъ № 71, разсказываетъ объ одномъ господинѣ, проѣзжавшемъ *сквозь Сыренское жило*. Пока перепрягали лошадей, господинъ вышелъ за ворота и смотрѣлъ на игравшихъ на улицѣ дѣтей. Когда дѣти начали прятаться отъ накрапывавшаго дождя, онъ остановилъ ихъ, купилъ имъ морошки и орѣховъ, за что они назвали его добрымъ господиномъ. Вслѣдъ за тѣмъ зашла рѣчь о томъ, что такое добро, и господинъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣлилъ понятіе добро по отношенію къ дѣтямъ: „Вотъ какъ дѣти могутъ дѣлать добро: когда они умны, послушливы и терпѣливы, тогда они дѣлаютъ добро родителямъ и хожатымъ; когда же дѣти упрямы, не слушаются и нетерпѣливы, тогда дѣлаютъ дурно и опечаливаютъ родителей и хожатыхъ и умножаютъ имъ трудъ“. По поводу замѣчанія одного мальчика, что онъ плачетъ и упрямится потому, что его принуждаютъ иногда дѣлать то, чего ему не хочется, господинъ доказываетъ необходимость принужденія со стороны родителей и хожатыхъ, выполняющихъ тѣмъ свою должность. Наконецъ, замѣтивъ, что дѣти отказали въ милостынѣ нищему, онъ словами Евангелія напоминаетъ имъ о благотворительности, простился съ ними и отправился въ путь. Должно сказать, что весь этотъ разсказъ, какъ по соотвѣтственности дѣтскимъ понятіямъ своего содержанія, такъ и по формѣ изложенія, стоитъ выше предыдущихъ. Въ немъ императрица обнаружила важное и рѣдкое

умѣнье спускаться до уровня дѣтской природы, входить въ потребности дѣтей и удовлетворять этимъ потребностямъ сообразно съ степенью ихъ развитія; по этому разсказу можно также судить, чего можно бы было ожидать отъ ея педагогической производительности, если бы она не увлекалась господствовавшимъ въ ея время въ области воспитанія и обученія до крайности назидательнымъ направленіемъ, если бы она, усвоивъ себѣ важные результаты, добытые въ этой области, самостоятельно, своимъ свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ, рѣшилась установить образъ воспитательныхъ и дидактическихъ дѣйствій. Но такая самостоятельность обработки предполагаетъ и бо́льшее углубленіе въ предметъ и бо́льшую долю времени: ни то ни другое не можетъ быть предметомъ болѣе или менѣе настоятельнаго желанія педагога, обязаннаго глубокою признательностью императрицѣ и за тѣ ея труды, которые составляютъ драгоцѣнное достояніе его науки, не по одному своему внутреннему достоинству. Содержаніе приведеннаго разсказа заключаетъ въ себѣ три главныя правила: одно, касающееся тѣлеснаго воспитанія, другое — нравственнаго воспитанія вообще и третье — одного изъ явленій нравственнаго воспитанія. Смыслъ перваго совершенно согласенъ съ смысломъ многихъ наставленій того же содержанія, находящихся почти во всѣхъ педагогическихъ сочиненіяхъ Екатерины II и особенно въ Инструкціи. Какъ часть къ цѣлому, оно относится къ слѣдующей основной мысли: здоровое и крѣпкое тѣло, пріученное къ лишеніямъ и свободное отъ постороннихъ вліяній, составляетъ главную задачу и цѣль тѣлеснаго воспитанія. Правила касательно нравственнаго воспитанія вообще заключаются въ опредѣленіи добра или, точнѣе, — въ опредѣленіи того, какъ дѣти могутъ дѣлать добро. Изъ разговора о добрѣ становится очевиднымъ сознаніе императрицы, что для дѣтей это понятіе, въ его отвлеченномъ видѣ, рѣшительно недоступно, что они, занятыя отдѣльными предметами и явленіями и совокупленіемъ ихъ въ первоначальныя группы, неспособны къ разумѣнію высшихъ отвлеченій, и что по тому самому такія высшія отвлеченія они должны примкнуть къ знакомому имъ матеріалу, къ отдѣльнымъ предметамъ и явленіямъ, или къ низшимъ ихъ сочетаніямъ. И, конечно, если бы она постоянно руководствовалась этимъ сознаніемъ, то мы имѣли бы иное распредѣленіе всего представленнаго ею об-

разовательнаго матеріала и открыли бы въ послѣднемъ иной характеръ; мы не встрѣтили бы на первой страницѣ „начальнаго гражданскаго ученія“ слѣдующихъ общихъ положеній: „Человѣкъ имѣетъ природу, одаренную благомъ; сдѣлай добро, дабы дѣлать добро, а не ради того, чтобъ пріобрѣсти похвалу или благодарность; добрыя дѣла сами собою воздаянія приносятъ“ и т. д. Какую противоположность, по отношенію къ знанію дѣтской природы, представляетъ слѣдующій разговоръ! „Проѣзжій, услыша, что дѣти его добрымъ господиномъ называютъ, спросилъ: почему онъ имъ кажется добръ? *Потому*, сказали они, *что вы купили намъ морошки и орѣховъ*. А вы, продолжалъ онъ, добрые ли робята? Они *не знали, что отвѣтствовать*. Одинъ вызвался было, *что имъ морошки купить не на что, денегъ нѣтъ*“. Изъ сравненія подобныхъ мѣстъ можно извлечь заключеніе съ одной стороны о нѣкоторой неопредѣленности педагогическихъ убѣжденій императрицы, неопредѣленности, сквозь которую проглядываетъ иногда ясное разумѣніе основныхъ началъ первоначальнаго воспитанія, съ другой — объ осязательномъ, такъ сказать, вліяніи на нее господствовавшаго педагогическаго направленія. Въ дальнѣйшемъ развитіи того же опредѣленія добрыхъ дѣтей, намъ кажется, придается слишкомъ много значенія принужденію: „если бъ тебя во младости не принуждали дѣлать, что ты долженъ дѣлать, сказалъ проѣзжій, то бы твои родители или хожатые не выполнили своей должности“. Думаемъ, что можно принять за вѣрное воспитательное положеніе слѣдующую мысль: гдѣ слишкомъ развита система принужденія, гдѣ послѣднее принимаетъ характеръ обыкновенной воспитательной мѣры и, слѣдовательно, въ своемъ практическомъ примѣненіи распространяется на большую часть дѣйствій дѣтей, тамъ воспитаніе приняло уже ложное направленіе и, разумѣется, вредное, способное воспитать покорныхъ и безотвѣтныхъ дѣтей, но, въ постоянномъ подчиненіи своей воли внѣшнему принужденію, утратившихъ самостоятельность воли, не выработавшихъ характера. Вполнѣ сочувствуемъ слѣдующимъ словамъ императрицы: „должность родителей и воспитателей есть исправлять, указывать, учить, остерегать и показывать дѣткамъ, какъ имъ быть должно“; въ то же время утверждаемъ, что эта должность, но разумно выполняемая, можетъ, если не совсѣмъ обойтись безъ принудительныхъ мѣръ, то, по край-

ней мѣрѣ, сдѣлать ихъ нечувствительными, незамѣтными для дѣтей. Можно сказать наоборотъ: тамъ воспитаніе установлено прочно, на разумныхъ основаніяхъ и совершается правильно, гдѣ дѣти дѣйствуютъ въ начертанномъ для нихъ кругѣ, такъ, какъ будто бы они сами избрали его и добровольно вошли въ него, гдѣ каждое рѣшеніе, не выходя изъ того же круга, имъ кажется собственнымъ ихъ рѣшеніемъ; такое воспитаніе, въ которомъ руководство и управленіе дѣйствіями дѣтей не замѣчаются и не чувствуются послѣдними, безпрепятственно приготовляетъ самостоятельность воли и характера. А такое воспитаніе можетъ быть только тамъ, гдѣ интересы воспитателей совпадаютъ съ интересами дѣтей, гдѣ, слѣдовательно, существуетъ между тѣми и другими взаимное сочувствіе и полное довѣріе: въ силу сочувствія и довѣрія каждая мѣра воспитателя принимается дѣтьми охотно и безпрекословно, какъ будто бы она была плодомъ ихъ собственнаго рѣшенія. Находясь въ такой воспитательной средѣ, мальчикъ не сказалъ бы того, что заставляетъ его говорить императрица: „Если бъ меня не принуждали иногда дѣлать то, чего не хочется, то бы я не плакалъ и не упрямился“. Наконецъ, послѣднее обстоятельство въ разсматриваемомъ разсказѣ касается благотворительности, при чемъ императрица прекрасно объясняетъ дѣтямъ, что милостыня не состоитъ только въ деньгахъ и вещахъ, а и въ нравственной помощи бѣднымъ и страждущимъ: въ сожалѣніи о нихъ, въ утѣшеніи ихъ словами, въ утоленіи слезъ печальнаго, въ облегченіи страждущаго. Что касается до внѣшней формы разсказа, то она отличается такою простотою и ясностью, такъ соотвѣтствуетъ дѣтскому развитію, что не оставляетъ ничего болѣе желать и обнаруживаетъ въ авторѣ замѣчательный педагогическій тактъ и умѣнье входить въ кругъ дѣтскихъ понятій и выраженій.

Всѣ остальные разсказы записокъ, не заключая въ себѣ нравоучительнаго характера, сообщаютъ положительныя, такъ называемыя — реальныя свѣдѣнія, преимущественно изъ сибирской природы. Распредѣленіе свѣдѣній и связь между ними тѣ же, какія мы видѣли выше. Сказавши, что Якутскъ построенъ на р. Ленѣ, императрица говоритъ о соболяхъ, живущихъ по этой рѣкѣ и отличающихся особенною добротою; кстати упоминаетъ о лисицахъ и бѣлыхъ медвѣдахъ; описы-

вается ѣзда на собакахъ отъ Якутска до Камчатки, а потомъ описываются народы, обитающіе въ Камчаткѣ, при чемъ подробно описывается устройство камчадальскихъ юртъ и балагановъ; съ указаніемъ на Алеутскіе острова соединяется любопытный разсказъ о бобрахъ; съ указаніемъ на Беринговъ островъ соединяется разсказъ о морскихъ котахъ.

Соображая разсмотрѣнное нами содержаніе всѣхъ *книжицъ*, составленныхъ императрицею для своихъ внуковъ, и прилагая его къ приведеннымъ въ началѣ разсужденія о нихъ категоріямъ дѣтскихъ книгъ, можно заключить, что онѣ, главнымъ образомъ, и наибольшею своею частью относятся къ третьей категоріи, меньшею же частью — къ четвертой и пятой. Дѣйствительно, нравоученіе составляетъ существенную ихъ часть, основную ткань, проходящую съ неизмѣнно господствующимъ характеромъ чрезъ все ихъ содержаніе. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ „Начальномъ гражданскомъ ученіи“, его „Продолженіи“ и „Запискахъ“, напр. о числѣ дней въ недѣлѣ, мѣсяцевъ и дней въ году, о стихіяхъ, странахъ и частяхъ свѣта, о чувствахъ человѣка (I, 170—171), а равно свѣдѣнія, заимствованныя изъ географіи, всеобщей, русской и естественной исторіи, изъ области торговли и промышленности, самыя замѣчанія о славянскомъ, русскомъ (III, 142) и иностранныхъ (147, 148) языкахъ, принадлежа къ разряду общеполезныхъ свѣдѣній, сближаютъ означенныя книги съ четвертою категоріею; наконецъ, пословицы, составляя народное достояніе, сближаютъ ихъ съ мнѣніемъ Шульца о содержаніи дѣтскихъ книгъ. Не будемъ повторять здѣсь того, что сказано было прежде о пословицахъ и вообще о нравоучительномъ направленіи разсматриваемыхъ книгъ; сдѣлаемъ только два замѣчанія: одно — объ образовательномъ значеніи общеполезныхъ свѣдѣній и другое — объ общемъ составѣ книги для дѣтскаго чтенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что первыя, будучи предлагаемы съ объемомъ и содержаніемъ, соотвѣтственными дѣтскому развитію, представляютъ наиболѣе удобный, занимательный и естественный матеріалъ для дѣтскаго чтенія, котораго не можетъ замѣнить ни грамматическое, ни эстетическое, ни нравоучительное направленіе. Такъ какъ въ первую пору развитія дѣтей вся ихъ духовная дѣятельность поглощается воспріятіемъ предметовъ и явленій, съ цѣлью облегчить и направить совершаю-

щійся въ нихъ процессъ внѣшняго воспріятія. Съ другой стороны, такой матеріалъ имѣетъ и то преимущество, что не заключаетъ въ себѣ никакой отдаленной, высшей и недоступной дѣтскимъ понятіямъ цѣли, какъ то бываетъ во всякой дѣтской книгѣ съ другимъ направленіемъ: тамъ предлагается внѣшнему и внутреннему созерцанію дѣтей только самый предметъ, съ цѣлью обогащенія и уясненія ихъ свѣдѣній, къ чему они и сами стремятся, и почему самое изложеніе мало нуждается въ намѣренномъ примѣненіи къ дѣтскимъ понятіямъ; здѣсь все возбуждаетъ въ нихъ сомнѣніе и подозрѣніе, заставляетъ внимательно вглядываться въ смыслъ каждой статьи: и всегда замѣтно — искусственное приноровленіе къ дѣтскимъ понятіямъ самаго изложенія, и всегда замѣтно руководство и направленіе ихъ вниманія къ какой-либо высшей цѣли, и, наконецъ, самый характеръ содержанія, неспособный или мало способный возбуждать интересъ дѣтей и удовлетворять ихъ дѣйствительнымъ потребностямъ. Вотъ почему, какъ скоро указано было педагогами на общеполезныя свѣдѣнія, какъ на первоначальный образовательный матеріалъ, они привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе, а вслѣдъ за тѣмъ и вызвали усердное ихъ примѣненіе къ воспитательной практикѣ. Вотъ почему и самыя правительства германскія не замедлили особыми постановленіями утвердить эти свѣдѣнія, какъ дѣйствительный образовательный матеріалъ, и ввести ихъ въ кругъ общественнаго обученія.

Что же касается до общаго состава содержанія книги для дѣтскаго чтенія, то и самыя общеполезныя свѣдѣнія, какъ ни сближаются они по своему существу съ потребностями духовной природы дѣтей, какъ ни много заключаетъ въ себѣ разнообразія, уже по свойственному дѣтямъ стремленію къ послѣднему, не исключаютъ и другихъ свѣдѣній, которыя должны быть направлены на рождающіеся къ дѣятельности высшіе интересы духа, на возбужденіе и развитіе чувства религіознаго, нравственнаго и эстетическаго. Что эти интересы могутъ и должны быть развиваемы въ дѣтяхъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Нельзя сомнѣваться однако и въ томъ, что успѣхъ въ этомъ отношеніи предполагаетъ особенный педагогическій тактъ, особое умѣнье взяться за дѣло. Двѣ погрѣшности, неразлучныя со всѣми опытами педагоговъ, принимавшихся за это дѣло: несоотвѣтственность степени дѣтскаго развитія ма-

теріала по его содержанію и формѣ и неприкрытое или неудачно прикрытое нравоученіе достаточно доказываютъ, съ одной стороны, трудность дѣла, съ другой — необходимость упомянутаго такта и упомянутаго умѣнья. Тѣмъ не менѣе высшіе интересы духовной природы дѣтей, по своей преимущественной важности, требуютъ намѣреннаго образовательнаго на нихъ дѣйствія, а слѣдовательно, и особеннаго образовательнаго матеріала въ книгѣ для дѣтскаго чтенія, какъ въ одномъ изъ важныхъ педагогическихъ средствъ: рядомъ съ свѣдѣніями, назначенными для расширенія и уясненія взгляда дѣтей на внѣшній міръ, въ книгѣ для дѣтскаго чтенія необходимо должны быть свѣдѣнія, имѣющія цѣлью расширеніе и уясненіе ихъ взгляда на внутренній міръ, имѣющія цѣлью поддержать и возрастить начатки высшихъ, истинно-человѣческихъ нравственныхъ потребностей.

Если мы, при пособіи этихъ соображеній, снова посмотримъ на содержаніе дѣтскихъ книгъ, составленныхъ императрицею, то увидимъ, что она, дѣйствительно сознавала необходимость свѣдѣній, направленныхъ и на внѣшній и на внутренній міръ, хотя въ то же время не была свободна отъ двухъ, указанныхъ выше, погрѣшностей: ея пословицы и нравственныя положенія нерѣдко представляютъ матеріалъ, превышающій дѣтскія понятія, а открытое нравоученіе неспособно достаточно возбуждать и питать вниманіе дѣтей, а слѣдовательно, неспособно вполнѣ достигать своей цѣли.

Въ заключеніе мы почитаемъ необходимымъ указать еще на одинъ недостатокъ разсматриваемыхъ руководствъ, впрочемъ, болѣе или менѣе общій всѣмъ дѣтскимъ книгамъ съ нравоучительнымъ направленіемъ. „Сухость такихъ (нравоучительныхъ) разсказовъ, говоритъ Кириллъ, какіе мы въ большомъ количествѣ находимъ у Рохова, Гемпеля, Вильмзена и др., составляетъ ихъ наименьшій недостатокъ. Многіе изъ нихъ наводятъ дѣтей на противоположныя мысли. Изъ разсказа о пристрастившейся къ лакомству дѣвочкѣ, вышедшей изъ комнаты со ртомъ въ *молокѣ*, многія дѣти извлекутъ для себя полезное правило, что въ лакомствѣ вообще должно быть осторожнымъ или, по крайней мѣрѣ, отирать ротъ; разсказъ о жестокомъ мальчикѣ, нанизывающемъ жуковъ на нитку, прокалывающемъ лягушку и весьма искусно мучащемъ свою собаку, для многихъ грубыхъ дѣтей служитъ

только указаніемъ на мученіе животныхъ; многіе разсказы даже оскорбляютъ нравственное чувство и наводятъ дѣтей на такія понятія, отъ которыхъ скорѣе должно ихъ отдалять. Что должны думать дѣти, читая разсказъ Рохова о безчестномъ отцѣ, который, чтобы отнять часть материнскаго наслѣдства у своихъ дѣтей отъ перваго брака, закапываетъ въ полѣ эту часть и потомъ ложно присягаетъ въ томъ, что наслѣдство именно состоитъ только въ оставшемся имуществѣ? Должно ли внушать дѣтямъ, что бываютъ отцы, способные такъ поступать съ своими дѣтьми?“ Нельзя не признать совершенно справедливыми строгихъ упрековъ педагоговъ, направленныхъ противъ этого важнаго недостатка нравоучительныхъ дѣтскихъ книгъ. Дѣйствуя слабо на возбужденіе истинно-нравственнаго интереса дѣтей и, слѣдовательно, не достигая своей прямой цѣли, онѣ весьма легко обращаютъ ихъ вниманіе въ противоположную сторону и часто научаютъ именно тому, отъ чего желаютъ ихъ отвратить. Не будемъ здѣсь говорить объ отсутствіи всякаго достоинства наибольшей части дѣтскихъ книгъ, въ разноцвѣтныхъ переплетахъ красующихся въ магазинахъ, лавкахъ, и ярмарочныхъ балаганахъ: это незрѣлый, вредный плодъ — или денежной спекуляціи непризнанныхъ авторовъ, или невиданнаго невѣдѣнія даже того, что и для этихъ книгъ существуютъ свои условія, свои требованія, выполненіе которыхъ предполагаетъ, не только полное и высокое образованіе, но и особенное призваніе, что существуетъ наука, изучающая условія развитія природы дѣтей и обсуждающая средства ихъ удовлетворенія,—наука, одна изъ обязанностей которой — защищать отъ дерзости и невѣжества интересы дѣтскаго міра, неспособнаго къ самозащищенію. Достаточно сказать, что и тѣ дѣтскія книги, составленію которыхъ предшествовало продолжительное и усердное педагогическое приготовленіе, болѣе или менѣе несвободны отъ указаннаго недостатка, что, впрочемъ, легко понять, если сообразить все сказанное нами объ этомъ предметѣ. Несвободны отъ того же недостатка и разсматриваемыя руководства императрицы. Частое напоминаніе малолѣтнимъ дѣтямъ о различныхъ порокахъ, о которыхъ они не имѣютъ еще понятія, по тѣмъ же причинамъ можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы въ нравственномъ отношеніи. Сколько, напр., нравственно-образо-

вательнаго въ слѣд. мысли, находящейся въ „Гражданскомъ начальномъ ученіи“: „Множество злоупотребленій вкрадывается по-малу во все то, что идетъ чрезъ руки человѣческія“ (I, 174) и т. д. Въ приведенныхъ выше разсказахъ изъ записокъ первой части можно также видѣть нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ возможность обратнаго дѣйствія на дѣтей нравоученія. Сюда же можетъ быть отнесенъ разсказъ объ юношѣ, который „остался какъ родился, съ нравомъ угрюмымъ, упрямымъ, неснисходительнымъ“ (III, 130) и проч. Даже изъ этого выраженія дѣти могутъ извлечь убѣжденіе, что упрямство, жесткость — свойства врожденныя, за которыя они не могутъ быть обвиняемы; такое убѣжденіе не замедлитъ представить наказаніе явною несправедливостью; наказаніе же, придуманное богдыханомъ для своего сына, по своей странности, тотчасъ представится дѣтямъ или сказочнымъ, или возможнымъ развѣ въ Китаѣ, а потому вовсе не отличается прогибитивнымъ характеромъ. Приведемъ еще отрывокъ изъ разговора отца съ сыномъ: „Сынъ. Начто люди говорятъ, что я хорошъ?— Отецъ. Не случилось ли тебѣ самому хвалить чего по-пустому? Люди иногда хвалятъ по одной привычкѣ...— Сынъ. Начто они хвалятъ изъ одной привычки? — Отецъ. Думаютъ тѣмъ оказать учтивость; таковыя похвалы ничего не значатъ; и умныя дѣти на оныя примѣчанія не дѣлаютъ, но принимаютъ за пустыя, незначащія слова“ (III, 138). Если же и согласимся съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ хорошихъ дѣтей, а слѣдовательно, и съ тѣмъ, что сына хвалили по-пустому, и тогда слѣдующее объясненіе пустой хвалы окажется несостоятельнымъ или, по крайней мѣрѣ, неточнымъ. Понятно, что объясненіе пустой хвалы, лести, привычкою, неточно, заключаетъ въ себѣ много неопредѣленнаго, а потому должно возбудить и много новыхъ вопросовъ. Одинъ изъ такихъ вопросовъ сынъ тотчасъ и предлагаетъ, желая объяснить причину самой привычки, но получаетъ совершенно неопредѣленный отвѣтъ способный окончательно перепутать и затемнить все, что онъ узналъ и изъ прежнихъ отвѣтовъ. Еще большая сбивчивость въ понятіяхъ должна произойти въ томъ случаѣ, когда придается особенная важность учтивости, что мы дѣйствительно и видимъ въ Инструкціи. Легко себѣ представить, какъ, послѣ этихъ неопредѣленныхъ и сбивчивыхъ

объясненій, сынъ долженъ принять заключающее разговоръ нравоученіе.

Нужно ли говорить о степени самостоятельности руководствъ императрицы, о подражаніи другимъ произведеніямъ того же рода, о заимствованіи? Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. „Выборныя россійскія пословицы“ и „Записки“ первой части, не даютъ никакого права сомнѣваться въ совершенной самостоятельности своего содержанія: первыя всѣ взяты изъ богатаго запаса русскихъ пословицъ, а все содержаніе вторыхъ наполнено свѣдѣніями о нашемъ отечествѣ. Самыя сказки рѣшительно не заключаютъ въ себѣ ничего, чтобы могло навести на мысль о заимствованіи: такъ живо и наглядно передаютъ онѣ педагогическія убѣжденія императрицы. Остается говорить о Гражданскомъ начальномъ ученіи и его Продолженіи; но и о нихъ мы почитаемъ излишнимъ распространяться въ этомъ отношеніи. Заимствованіе можетъ быть двухъ родовъ: или по отношенію къ общему направленію и общему составу самаго содержанія, или по отношенію къ отдѣльнымъ частямъ и мыслямъ послѣдняго. О первомъ мы уже неоднократно упоминали; повторимъ и теперь, что строго-нравоучительное ихъ направленіе есть плодъ господствовавшаго въ то время въ Германіи направленія всѣхъ книгъ дѣтскаго чтенія,—направленія, начатаго Роховымъ (род. 8 окт. 1734 ум., 16 мая 1805), вызвавшаго длинный рядъ подражателей. Kinderfreund Рохова, напечатанный въ Берлинѣ во 100.000 экземплярахъ, былъ неоднократно перепечатываемъ и послѣ, и доселѣ находится въ обращеніи. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что императрица, такъ живо сочувствовавшая успѣхамъ воспитанія и обученія, была совершенно знакома съ книгою Рохова, пользовавшеюся въ то время громкою и всеобщею извѣстностью, а равно и съ подражаніями этой книгѣ. То же направленіе ясно высказалось и въ сочиненіи Базедова — Elementarwerk. Извѣстно, какое участіе принимала императрица во всѣхъ педагогическихъ предпріятіяхъ Базедова вообще и въ упомянутомъ его сочиненіи въ особенности; извѣстно, что это сочиненіе было переведено и на русскій языкъ; извѣстно, наконецъ, и то, что оно, не только по своему направленію, но и по общему составу своего содержанія, не осталось безъ вліянія на сочиненіе того же рода императрицы: мы видѣли, что послѣднія,

какъ и сочиненія Базедова, начинаютъ свое содержаніе пословицами, за которыми слѣдуютъ увеличивающіяся въ объемѣ нравственныя положенія, общія опредѣленія и разсказы. — Что же касается до заимствованія отдѣльныхъ мыслей, то подробное указаніе ихъ, во-первыхъ, едва ли возможно, а во-вторыхъ — излишне. Наибольшая часть Гражданскаго начальнаго ученія и его Продолженіе состоятъ изъ общихъ нравственныхъ положеній, опредѣленій и историческихъ разсказовъ, которые могли быть такъ же высказаны самостоятельно, какъ и заимствованы. Можно ли съ увѣренностью признать заимствованными положенія, въ родѣ слѣдующихъ: „Всякое дитя родится неученымъ; долгъ родителей есть дать дѣтямъ ученіе; человѣкъ имѣетъ природу, одаренную благомъ; сдѣлавъ ближнему пользу, самъ себѣ сдѣлаешь пользу“ и т. д., если бы и нашли ихъ въ современныхъ императрицѣ книгахъ для дѣтскаго чтенія? Такое указаніе излишне, потому что книги этого рода не только не чуждаются заимствованій, но и предполагаютъ ихъ; здѣсь главное достоинство и заслуга состоятъ въ выборѣ содержанія, соотвѣтствующаго дѣтскому развитію, и въ его распредѣленіи, что и должно служить основаніемъ при оцѣнкѣ ихъ педагогическаго значенія. Мы могли бы разсказы о Кирѣ и Александрѣ Македонскомъ сопоставить съ разсказами изъ Ксенофонтовой Киропедіи, К. Курція; разныя общеполезныя свѣдѣнія — съ тѣми же свѣдѣніями у Базедова и другихъ; нѣкоторыя общія нравственныя положенія оказались бы также заимствованными; но всѣ эти сравненія и сближенія не повели бы къ основательнымъ и важнымъ выводамъ. *Лавровскій.*

„О время“ и „Именины госпожи Ворчалкиной“ Екатерины II.

Екатерина не принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, въ сочиненіяхъ коихъ можно искать законовъ искусства, оригинальности формъ или правилъ языка. Если бъ изслѣдованіе наше касалось этихъ вопросовъ, то намъ пришлось бы сказать очень немного. Но мы постараемся пріурочивать литературную дѣятельность Екатерины къ ея дѣятельности политической, мы попытаемся уловить, какъ отражались различныя

перипетіи ея тревожнаго царствованія въ ея внутреннемъ мірѣ; мы будемъ искать ея въ драматическихъ сочиненіяхъ соотвѣтствій или противорѣчій ея офиціальнымъ провозглашеніямъ; мы будемъ стараться изучать ея воззрѣнія на то общество, во главѣ котораго она стояла тридцать четыре года, которымъ она призвана была руководить; наконецъ, мы станемъ искать въ ея сочиненіяхъ матеріала для изученія нравственнаго состоянія этого общества. Поставивъ передъ собою такую задачу, мы придемъ къ довольно любопытнымъ заключеніямъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы придемъ къ выводамъ даже и неожиданно богатымъ. Въ самомъ дѣлѣ, государь находится вообще въ положеніи невыгодномъ, для того, чтобы дѣлать наблюденія въ своей землѣ; въ его присутствіи рѣдко кто высказывается; рѣдко даже кто остается самимъ собою. Государь говоритъ, прочіе слушаютъ, а если и говорятъ, то, слѣдя болѣе за его, нежели за собственною мыслію. Притомъ сфера возможныхъ для государя наблюденій ограничивается немногими, говоря относительно, лицами, людьми извѣстнаго класса; внѣ этого избраннаго круга государь лишенъ возможности дѣлать наблюденія надъ отдѣльными человѣческими единицами, надъ ихъ домашнею жизнію, надъ ихъ индивидуальными чертами. И тѣмъ не менѣе мы увидимъ въ нѣкоторыхъ комедіяхъ Екатерины весьма оригинальные, мѣткіе и живые эскизы провинціальныхъ нравовъ людей средняго общества. Мы увидимъ, что ей не незнакомы были глухіе переулки старой Москвы и даже бытъ, взаимныя отношенія и оригинальности людей проживавшихъ въ этихъ переулкахъ, которыя она, казалось бы, могла видѣть лишь издали, мелькомъ. Эта черта весьма замѣчательная, доказывающая, что Екатерина обладала большою природною наблюдательностью и большимъ природнымъ даромъ улавливать характеристическія черты людей, даромъ, которой, можетъ быть, развился бы въ ней до замѣчательныхъ размѣровъ, если бъ она занималась болѣе литературой, чѣмъ управленіемъ.

Одинъ изъ типовъ, которые наиболѣе удались Екатеринѣ, есть типъ старой ханжи, полной причудъ и суевѣрій. Такой типъ находится въ комедіи „О время!“ Пусть читатель представитъ себѣ одинъ изъ переулковъ старинной Москвы, — Москвы, какою она была „до французовъ“, — и въ немъ

большой деревянный, значительно осунувшійся домъ, стоящій, среди обширнаго, но грязнаго двора, съ обширнымъ же, но запущеннымъ садомъ, съ бревенчатыми людскими и конюшнями, погнувшимися на бокъ отъ времени и небреженія хозяина, съ большими потускнѣвшими окнами. Въ этомъ обширномъ, но осунувшемся домѣ, съ задичалымъ садомъ, въ этой помѣщичьей усадьбѣ среди столицы, живутъ старуха Ханжахина, богатая, но скупая богомолка, съ внучкой своей Христиной, къ которой нѣкто Непустовъ присватываетъ своего молодого пріятеля. Непустовъ пріѣзжаетъ однимъ утромъ, чтобы потолковать объ этомъ дѣлѣ, но Мавра, горничная Ханжахиной, — условленный типъ субретокъ, мало имѣющій сходства съ дѣйствительностію, — объявляетъ ему, что барыня „на молитвѣ“. „Наша госпожа, говоритъ эта бойкая персона, либо молится, либо поучаетъ домочадцевъ: о постѣ и воздержаніи твердитъ она весьма часто всѣмъ своимъ людямъ, а особливо при раздачѣ мѣсячины или указного“. Но молитва, наконецъ, совершена, и старуха выходитъ: „Въ платьѣ и головномъ уборѣ ея, по словамъ субретки, замѣчается совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ“. Ханжахина не прочь бы отдать внучку свою за Молокососова, — такова фамилія жениха, — да жаль разстаться съ приданымъ, и вотъ начинаются отговорки: До того-ли нынче? Люди не даютъ покоя!... Вотъ какой нынче былъ случай: я обѣщалась, говоритъ Ханжахина, чтобы до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ предъ образомъ, которымъ покойная моя бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ сынъ (лакей) и стоитъ, какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю: поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться“; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: „поди ты, сатана, вонъ“, а онъ ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете, что̀ въ этой бумажкѣ написано? О, несмысленная тварь! О, демонское наважденіе! Онъ осмѣлился просить позволенія жениться. Мнѣ, дескать, тридцать ужъ лѣтъ; мать де моя умерла, обшить, обмыть некому, — и для того жениться!...“ Нечего дѣлать, заключаетъ старуха, велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ.

Непустовъ старается возвратить разговоръ на предметъ, для котораго онъ пріѣхалъ, а старуха продолжаетъ свое. „Надлежало бы, говорить она, правительству-то сдѣлать такое учрежденіе, чтобъ оно, вмѣсто насъ, людей-то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало... Да полно, нынче ничего не смотрятъ“. Между тѣмъ входятъ одна за другой ежедневныя собесѣдницы Ханжахиной; первая является ея сестра — Вѣстникова.

Вѣстн. „Здравствуй, сестрица, матушка. Я безъ души къ тебѣ скакала. Знаешь ли ты, какую чудную сложили свадьбу? По всему городу сказываютъ (да и къ знатнымъ боярамъ дошло), что будто ты за Молокососова внучку свою выдаешь! Статочное ли это дѣло? Выдать дѣвку за такого несноснаго дурака! Да еще и нашей фамиліи дѣвку!... Я его... вотъ этакого (указываетъ) знала; онъ и тогда и глупъ, и спесивъ былъ. Однажды пріѣхала я... я... къ матери его, хотѣла ей эту милость сдѣлать... Онъ тогда былъ лѣтъ десяти; вошла въ горницу... вѣдь мы таки не подлыя... поклонилась я всѣмъ, а онъ стоя, въ углу, играетъ мячикомъ, а на меня и не глядитъ; да и во весь вечеръ, подумай, матка... во весь вечеръ ко мнѣ и не подошелъ, какъ будто я уродъ какой? Съ того времени я терпѣть его не могу. Такая жъ и нянюшка у него была! Да и матушка изрядная! Не у кого, правду сказать, и поучиться-то было. Няня была дѣвища высокая, худощавая, косая, глупая; а мать, ты сама помнишь, дурища была непомѣрная.

„Кстати, — вдругъ перебиваетъ себя Вѣстникова, — знаешь ли, сестрица, какой сейчасъ былъ со мной случай? Не успѣла я еще со двора съѣхать, какъ кучеръ мой зашатавшись, упалъ съ козелъ. Я думала... не здѣсь будь сказано (онѣ отплевываются, подергиваютъ себя за ухо и обдуваются)“... Оказалось, что кучеръ пьянъ. „Я кликнула людей, говоритъ Вѣстникова, и велѣла его сѣчь, а на его мѣсто посадила другого; но тотъ плохо справлялся съ лошадьми, ѣхалъ какъ сумасбродный, лошади падали, два раза свалилось колесо“... „Да полно, въ томъ кучеръ не виноватъ: полиція ничего не смотритъ!“

Обѣ сестрицы начинаютъ охать; все де худо, отовсюду недобрыя вѣсти. Письмо изъ Петербурга пришло, говоритъ Вѣстникова, пишутъ, что „вода тамъ прибыла такъ высоко,

что весь городъ потопила и люди насилу себѣ мѣсто на кровляхъ находили".

— „Какъ же, сударыня, замѣчаетъ Непустовъ, развѣ водой почта оттуда отправлена?"

Но это замѣчаніе не принимается въ резонъ: „вы де ничему не вѣрите!"

— „Пишутъ, продолжаетъ Вѣстникова, если бы вы знали какія у насъ къ масляницѣ готовятъ крутыя горы, то вы бы удивились и испужались!..." „Замѣчаете, какой обинякъ? Я разумѣю, что оно значитъ: крутенька то гора затѣвается!"

Поучительная бесѣда сестрицъ прерывается докладомъ, что пріѣхала г-жа Чудихина, но не рѣшается переступить порогъ, потому что услышала сверчка и проситъ своихъ пріятельницъ выйти къ ней. Онѣ уходятъ. Между тѣмъ является самъ женихъ. Онъ объясняетъ, что ему нравится Христина, но что опасается, не дура ли она круглая: „Я говорилъ съ нею, она ни слова не отвѣчаетъ; заговорилъ просто о посторонникъ вещахъ — и тутъ не лучше!" Сватъ успокоиваетъ его: „Это слѣдствіе дурного воспитанія или, правильнѣе, отсутствіе всякаго воспитанія". „Христина, говоритъ онъ, ничему не учена и грамотѣ украдкой у меня училась, для того, что бабушка ея всегда боялась, чтобъ она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ. Она до двадцати лѣтъ и платья-то не знала, а бѣгала для легкости въ одной сорочкѣ; когда же пріѣзжали посторонніе къ намъ, то прятали ее въ спальнѣ за печкой". И точно, Христина сама признается Маврѣ, что при Молокососовѣ чувствовала себя дура-дурой. „Но, говоритъ она, ты вѣдь знаешь, что я съ мужчинами, кромѣ Фалалѣя, бабушкина дурака, ни съ кѣмъ не говорила".

Между тѣмъ Молокососовъ успѣлъ возстановить противъ себя всѣхъ трехъ пріятельницъ, громко разсмѣявшись, когда Ханжахина разсказывала, что за годъ предъ кончиной ея мужа пѣтухъ снесъ яйцо. Но разбитная Мавра совѣтуетъ ему не отчаиваться, а расположить съ тебѣ Вѣстникову, которая любитъ очень подарки. Молодой человѣкъ принимаетъ этотъ совѣтъ и начинаетъ ухаживать за старухой. Вотъ отрывокъ изъ сцены между Вѣстниковой, Молокососовымъ и Непустовымъ:

Молок. „Я помню, сударыня, что милость ваша и къ матери моей была велика; если бъ я могъ ласкаться, чтобы вы...

Вѣстн. Да, мы таки дружненько живали. Да ты, батько мой, спесивымъ казался; а я таки весь родъ-отъ вашъ знаю.

Непуст. Вы ошибаетесь, сударыня, онъ право не спесивъ; его видъ таковъ, А къ тому еще онъ и молодъ.

Вѣстн. И подлинно еще молодъ; я ребенкомъ его знала, а и я не выстарокъ... Ха, ха!... (Молокососову:) Батюшка твой не таковъ былъ: онъ, помилуй Богъ, какъ меня любилъ! Бывало какъ привяжется, такъ изъ дому выжить нельзя; ночь всю насквозь, до разсвѣта, сиживали вмѣстѣ; иногда и одинъ на одинъ, а скучно не бывало; а гулянья-то у насъ и подъ Марьиной рощей и въ подмосковныхъ; тамъ-то пляски-то, игранья, пѣнья-то!... Ужъ куда покойникъ-отъ какой охотникъ былъ до пѣсенъ, а пуще всего любливалъ мой голосъ: да я изрядненько и пѣвала. Куда какіе веселья у насъ бывали! Нынче таки ничего не видно, какъ будто нѣтъ молодыхъ. Они, право, такъ не веселятся, какъ бывало мы забавлялись. Только нынче и слышно: комедіи, да оперы, да наряды; а мы-то бывало какъ съ постели, такъ и поскакали, и на головѣ, право, оправить некогда было. Зимою-то въ саняхъ, бывало, ночь напролетъ прокатаешься: всю Москву-таки съ конца до конца изъѣздишь; того и смотри что попадешь въ полицію; да что намъ до того, бывало? Хотя бы и случилось переночевать тамъ, вѣдь все знакомые, всѣ друзья! Не сказавъ никому и выпустятъ! Нынѣ такія ли времена? Кажется люди-то всѣ перемѣнились: кромѣ охъ да охъ! ничего не услышишь: (Увидя на пальцѣ Молокососова перстень.) А, мой свѣтъ, да это еще отцовскій на тебѣ перстенекъ-отъ. Тотъ, право, самый; онъ, покойникъ, бывало, шучивалъ, что на поминъ души своей его мнѣ оставитъ. Я знаю этотъ перстень.

Непуст. И я слыхалъ, что онъ съ вами въ короткой дружбѣ былъ.

Вѣстн. Камешекъ-то не величекъ, да чистехонекъ.

(Мавра мигаетъ Молокососову, чтобъ онъ подарилъ перстень Вѣстниковой.)

Вѣстн. Право, свѣтъ мой, чистехонекъ!

Молок. Позвольте, сударыня, чтобъ я слова родителя своего сдержалъ, и примите отъ меня этотъ перстень въ знакъ моего почтенія.

Вѣстн. И... батька мой... вѣдь я не для того говорила (не отдавая)... Никакъ, мой свѣтъ; на что такъ убытчиться.

Молок. Пожалуйте, сударыня, сдѣлайте мнѣ это одолженіе; я должностью почитаю себя исполнять обѣщанія родительскія и радоваться стану исполняя столь пріятное обѣщаніе".

Послѣ этого Вѣстникова тотчасъ же становится адвокатомъ молодого человѣка предъ сестрой. Къ несчастью, ей перечитъ Чудихина; но скоро представляется случай припугнуть эту глупую и суевѣрную старуху. Вотъ какъ это происходитъ.

(Чудихина бѣжитъ, а за ней Христина.)

Чудих. „Ахъ! погибла я! Умереть мнѣ, умереть!... Ахъ! Ужъ умираю, чуть жива... чуть дышу... нѣтъ больше мочи...

(Кидается у кулисъ на кресло.)

Христина. Что вамъ это сдѣлалось?

Чудих. Проклятая Мавра меня уморила своими разсказами. Подумай, пожалуй, свѣтъ мой: я сижу, да гадаю въ карты, и въ то самое время, какъ у меня винновой-отъ король съ крестовою кралей предо мной лежали, и я тому порадовалась, а она и сказала, что я на томъ мѣстѣ сижу... ахъ, тошно мнѣ... на томъ будто мѣстѣ, на которомъ человѣкъ, назадъ тому тридцать лѣтъ, умеръ. . . . . Я вѣдь испорчена, душа моя; злые люди меня смолоду попортили: всего боюсь! Да какъ и не бояться!? Вотъ гдѣ (указываетъ на животъ) у меня порча-то сидитъ и нынѣ...

Христ. Такъ вы животомъ недомогаете?

Чудих. У меня, свѣтъ мой, въ животѣ щука; смолоду впустила ее туда мнѣ, сонной, мачеха моя; она была колдунья и меня не любила; а въ спину засадила мнѣ собаку, и когда онѣ тамъ ссорятся, такъ я чувствую... таки точнехонько слышу какъ щука хвостомъ хлестнетъ по собакѣ, а собака отгрызается и ворчитъ. Ужасть, какая у меня тогда боль сдѣлается! Ахъ, охъ!... Боюсь... умру... Вѣрно умру!...

(Христина, увидѣвъ, что у Чудихиной на концѣ шейнаго платка два маленькіе узелка завязаны.)

Христ. Что̀ это за узелки, матушка, у васъ завязаны?

Чудих. И... душа моя, ничего... Въ одномъ четверговая соль, а въ другомъ росной ладанъ отъ уроковъ.

(Въ это время вынимаетъ платокъ изъ кармана и съ нимъ выпадаютъ два корешка, крестъ-на-крестъ волосами перевязанные.)

Хри́ст. (поднявъ). А это что̀ такое?

Чуд. А это корешки, свѣтъ мой, на которыхъ нашептано.

Я ихъ ношу всегда, чтобъ и меня таки любили.

Входитъ Ханжахина съ сестрой. Потрясенная страхомъ неминуемой смерти, Чудихина снова начинаетъ охать, а Вѣстникова спѣшитъ объяснить ей, что это напущеніе за ея грѣхи.

Вѣстн. Ништо тебѣ! Для чего ты отговариваешь сестрицу выдать внучку за Молокососова? Вотъ Богъ тебя за то и наказалъ.

Чудих. Я грѣшна! Что мнѣ дѣлать? Люблю разбивать свадьбы, признаюсь, что для меня ничего нѣтъ пріятнѣй, какъ видѣть въ сватаньи разладъ. Вѣдаю, что это дурно, да удержаться не могу; какъ-таки не промолвить словца, а молвится всегда худое. Я ужъ и отцу духовному не одинъ разъ въ этомъ каялась. Всѣхъ амурщиковъ я съ природы ненавижу, и гдѣ только услышу про любовь, такъ тутъ врагъ меня и всунетъ.

Вѣстн. Ну, такъ я тебя утѣшу: вѣдь у Пр...ковой разошелся ладъ съ Краткобродомъ. Мужъ свѣдалъ и, сказываютъ, жену-то прибилъ и бросилъ, а никто не знаетъ, какой дьяволъ ему на ухо шепнулъ . . . . . Какъ бы ему догадаться? Не вѣдаю.

Чудих. А я такъ вѣдаю, да и не дешево мнѣ стало это знать.

Вѣстн. Скажи, пожалуй какъ?

Чудих. Я согрѣшила, окаянная: научила своего дворецкаго, чтобъ онъ подкупилъ ихъ людей. Онъ это сдѣлалъ; а люди все и проболтали. Высказали, гдѣ у нихъ съѣзды, какъ и долго ли они видятся. А послѣ я сама посылала за ними своего человѣка верхомъ, подсматривать, и знала всегда о ихъ свиданіи. Потомъ удалось мнѣ и письма ихъ получить въ свои руки, да какъ мнѣ до нихъ нужды нѣтъ, такъ я чрезъ третьи руки приказала ихъ вмѣсто жены отдать мужу . . . . . А право, мой свѣтъ, сто рублей мнѣ это стало, и жаль денегъ-то, да радуюсь, что̀ удалось. Боялись же они меня очень!“

Вѣстниковой удается, наконецъ, спровадить Чудихину и тогда она начинаетъ обрабатывать свою сестру. „Молокососовъ и богатъ и пригожъ, говоритъ она, а Христина родилась въ волосикахъ и въ сорочкѣ, и родясь три раза прокричала. Кормилица тебѣ будетъ на старости...“ Ханжахина

начинаетъ умиляться. „Изъ пятнадцати человѣкъ дѣтей, вздыхаетъ она, никого не осталось. Правду сказать, было у меня и шестнадцатое дитя, да то не кормилецъ: какъ шестнадцатымъ-то я была брюхата, такъ злые люди выкрали ребенка и вложили камешекъ, и я помню, съ какимъ великимъ болемъ (sic!) его родила, и теперь ношу его у себя за пазухой: каковъ ли ни на есть, да лишь мнѣ какъ настоящее дитя“. Дѣло оканчивается разумѣется тѣмъ, что старуха благословляетъ молодыхъ людей, но не даетъ всего, давно обѣщаннаго приданаго, противъ чего, однако, никто не протестуетъ.

Таково содержаніе одной изъ лучшихъ комедій Екатерины. Критикъ настоящаго времени замѣтитъ, что въ ней вообще мало драматическаго движенія, что дѣйствующія лица слишкомъ много говорятъ, что въ видѣ разсказовъ сообщается читателю много такого, что можно было бы изобразить въ драматической формѣ; что, кромѣ трехъ старухъ, всѣ прочія лица лишены оригинальности, что даже и эти три старухи суть какъ бы вывѣски качествъ, обозначенныхъ ихъ фамиліями. Но нашъ критикъ долженъ будетъ поставить часть этихъ несовершенствъ на счетъ эстетическихъ понятій XVIII вѣка, а съ другой стороны, онъ все-таки долженъ будетъ отдать справедливость наблюдательности автора и искусству, съ коимъ онъ усвоилъ языкъ старыхъ московскихъ кумушекъ.

Но гдѣ могла встрѣчать Екатерина женщинъ подобнаго сорта? Новѣйшія изслѣдованія бытовой стороны нашей исторіи XVIII вѣка убѣждаютъ, что даже при дворѣ, особенно при дворѣ Екатерины, наблюдатель могъ подмѣтить много чертъ, замѣченныхъ нами въ трехъ помянутыхъ старухахъ. Во всякомъ случаѣ Ханжахина, Вѣстникова и Чудихина должны были напоминать современникамъ Екатерины цѣлую категорію обывательницъ Плющихи или прихода Георгія на Вспольѣ. Вотъ почему извѣстный Новиковъ, послѣ представленія разсказанной мною комедіи, говоритъ въ своемъ „Живописцѣ“, обращаясь къ ея автору: „Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такою благородною смѣлостью напали на пороки въ Россіи господствовавшіе“. Вѣроятно Новикову было извѣстно имя автора комедіи „О Время!“ когда онъ писалъ эти строки, но тѣмъ болѣе интереса заключается въ тѣхъ его словахъ,

въ которыхъ говорится о вліяніи Екатерининой сатиры на общество. „Истребите, говоритъ Новиковъ, изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лицо; порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣиваемаго себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только единой веромъ вашимъ угнетаются, а превосходительство, удрученное пороками, хотя въ первый разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными“.

Реальность есть самая выдающаяся сторона драматическаго таланта Екатерины, когда она давала ему волю. Можно жалѣть только, что она не вполнѣ отдавалась свойственному ей чувству правды и нерѣдко слѣдовала рутинѣ, изображая людей какъ бы по установленнымъ образцамъ. Зато нѣкоторыя черты въ ея комедіяхъ буквально вырваны изъ дѣйствительности. Можно держать пари, что слѣдующее письмо одного стараго собачника къ сыну своему не сочинено, а цѣликомъ напечатано съ какого-нибудь подлинника, написаннаго рукой болѣе привычною держать свору и арапникъ, чѣмъ перо.

„Другъ мой, Иванъ Филатьевичъ, здравствуй, буди надъ тобою наше родительское благословеніе. О себѣ доношу, что въ суетахъ моихъ еще живъ, только старая моя болѣзнь животомъ весьма расходилась и никакой уже давно пользы нѣтъ; другой мѣсяцъ не встаю съ постели; къ тому жъ, мой другъ, хлопотъ полонъ ротъ. Хлѣбъ дешевъ; травы хотя и хороши были прошлое лѣто, да подмокли; солома плоха. Пріѣзжай, мой другъ, самъ, да привези съ собой Антипку и сѣрую суку; вѣдь не знаешь бѣды: щенята ея всѣ подохли; я чуть съ ума отъ этого не сошелъ: такая сдѣлалась причина! До болѣзни своей, пока она меня не свалила, таскался я на полѣ: хорошо-таки повеселили... Пріѣзжай, мой другъ, поскорѣе, а впрочемъ остаюсь... отецъ вашъ Филатей Гремухинъ“.

Замѣчательно, что всего менѣе художественной правды (если не считать разныхъ Добросердовыхъ, Правдиныхъ, лицъ завѣдомо безцвѣтныхъ) встрѣчается въ слугахъ и служанкахъ, изображаемыхъ Екатериной. Изображая ихъ, она никакъ не могла отдѣлаться отъ типа Криспеновъ и Фаншоновъ, од-

нако и въ этихъ, вообще не удающихся ей, типахъ, читатель нерѣдко встрѣчаетъ черты, несомнѣнно заимствованныя изъ дѣйствительности. Такія черты, можно встрѣтить въ дворецкомъ Парамонѣ Исаевичѣ, въ комедіи „Недоразумѣнія“, въ третьемъ явленіи 1-го акта „Именинъ Ворчалкиной“, въ первой сценѣ комедіи „Разстроенная семья“ и мн. др. Слѣдуетъ удивляться, что женщина, имѣвшая по своему положенію такъ мало случаевъ встрѣчаться съ людьми низшихъ классовъ, могла подмѣтить хоть нѣкоторыя черты русскихъ дворецкихъ, лакеевъ и служанокъ. Въ комедіи „Г-жа Вѣстникова“ мы встрѣчаемся съ весьма живымъ экземпляромъ торговки-вѣстовщицы. Терентьевна есть личность быстро, но очень удачно очерченная въ разговорѣ съ горничной Вѣстниковой и съ нею самой.

Къ числу удачныхъ типовъ, изображенныхъ Екатериной въ ея первыхъ комедіяхъ, слѣдуетъ отнести щеголей и щеголихъ ея времени. Въ лицѣ внучки г-жи Ханжахиной мы видѣли дѣвушку, можетъ быть, и не менѣе другихъ одаренную отъ природы, но запуганную и доведенную до тупости стариннымъ воспитаніемъ; въ лицѣ Олимпіады Ворчалкиной Екатерина изобразила русскую précieuse ridicule и сохранила для потомства оригинальный жаргонъ модницъ и модниковъ ея времени, — жаргонъ, надъ которымъ издѣвается и Новиковъ въ своемъ „Живописцѣ“. Пьеса начинается слѣдующимъ разговоромъ Олимпіады съ ея горничной;

Олимпіада. „Отцѣпись ты отъ меня!

Прасковья. Да что̀ вы сегодня такъ невеселы?

Олимп. Я не выспалась.

Праск. А кто вамъ мѣшалъ спать?... Вы все-таки опоздали съ матушкой къ обѣднѣ ѣхать, а она сегодня именинница.

Олимп. Что̀ жъ дѣлать, что опоздала; это мое несчастье, я встала на разсвѣтѣ и ужасть какъ спѣшила.

Праск. Знать у васъ солнце всходитъ позже, нежели у простыхъ людей“...

Щеголиху безпокоитъ: не мало ли она нарумянена, не слишкомъ ли низка возведенная изъ волосъ ея башня; потомъ она объявляетъ, что меньшая сестра ея, Христина, глазѣетъ на Тарлыкина. „Я знаю, говоритъ она, что у нихъ великое маханье (любезности); только мнѣ кажется, что

онъ въ „болванчики (мужья) ей не годится“... Вслѣдствіе нѣкоторыхъ сердечныхъ огорченій Христинѣ сдѣлалось дурно; вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ щеголиха Олимпіада: „Она не славно помахала и посадила себѣ въ голову вздоръ, а матушка не нашла въ томъ своего счета (n'a pas trouvé son compte) и заблагоразсудила повернуть сестрицыно желаніе вверхъ дномъ. Отъ того родилась у нея ипохондрія; она плачетъ, глаза ввалились, и ужасть какъ она страшна. Ахъ, да какъ смѣшны Спесовъ и другіе, которые даютъ себѣ воздуха (se donnent des airs)... A propos, гдѣ Фирлюфюшковъ?“

Этотъ Фирлюфюшковъ есть парижскій петиметръ, пересаженный на русскую почву, или молодой изнѣженный Фальстафъ, Фальстафъ конца XVIII вѣка, который нюхаетъ eau de luce, на ночь натираетъ лицо французскою помадой и не можетъ безъ смѣху видѣть, что на служанкѣ въ домѣ Ворчалкиной, несмотря на зимнее время, надѣто краузе: „Ah! diable! ха, ха, ха, ха! Въ нынѣшній saison на тебѣ батавія!... да еще не батавія, а самый легкій круазе!... ха, ха, ха, ха! Уморишь, радость!...“ Фирлюфюшковъ, какъ его англійскій прототипъ, дѣлаетъ долги, не платитъ ихъ и фанфаронитъ этимъ. Но ему иногда за то и достается: одинъ изъ его кредиторовъ, наскучивъ ждать и выведенный изъ терпѣнія его надменными манерами, переломилъ палку объ его бока, къ великому, конечно, удовольствію райка 1772 года. Разумѣется, какъ только эта сцена кончилась и несговорчивый кредиторъ удалился, нашъ щеголь началъ снова пѣтушиться, увидѣвъ сбѣжавшихся на его крикъ людей: „c'est une petite rencontre, говоритъ онъ: это ничего не значитъ“. Тѣмъ болѣе онъ пѣтушится предъ Олимпіадой; вотъ сцена между нимъ, ею и другимъ ея обожателемъ:

Олимп. „Ахъ! радость! куда какъ ты несносенъ! Гдѣ такъ изволилъ по сю пору шататься?

Фирл. Ah, ma princesse! bonjour. Я ѣздилъ гулять, взять немного воздуха. Вы знаете, что я умру, если долго въ одномъ мѣстѣ останусь. Я ничего не люблю, что uniforme; одна только красота наша навсегда поселилась въ мою голову. Oui, votre beauté est enracinée dans mon coeur.

Олимп. Ха, ха, ха! куда какъ ты славенъ!... (Грему-

хину). Мнѣ кажется онъ и впрямь вздумалъ меня любить! ха, ха, ха! какія чудеса! безпримѣрно!

Грем. Какія чудеса, сударыня? Не мудрено васъ полюбить: вы достойны любви.

Олимп. Не мудрено! а мнѣ кажется мудрено. Да вамъ съ чего это немудренымъ представляется?

Грем. Это само по себѣ разумѣется: съ того, что вы прекрасны, что вы пріятны, что вы...

Фирл. (ухвативъ Гремухина за руку) Permettez, madame, представить вамъ mon rival. Мнѣ такъ сдается, что онъ въ васъ по уши влюбленъ.

Олимп. Ха, ха, ха! Нельзя статься! Вы оба ужасть какъ неславны.

Фирл. Оба! Вы шутите! vous badines madame; нельзя статься чтобъ я безприкладно не былъ славенъ для васъ. Я двѣ недѣли — deux semaines entières — всякій день ѣзжу сюда, и вамъ дѣлаю мой cour: будто я неславенъ? Я еще отъ роду ни въ одномъ домѣ такъ долго не бывалъ.

Олимп. Легкое ли дѣло! велика мнѣ до тебя нужда... Скучно! Гдѣ Геркуловъ и Спесовъ! Ужъ куда какъ они несносны! Воля ихъ, какъ заболтаются, такъ мочи нѣтъ. Я въ такой теперь дистракціи, что отъ скуки чего-нибудь поѣла бы (къ Антипу). Послушай, мой дружокъ, скажи моей дѣвушкѣ, чтобъ она мнѣ чего-нибудь принесла. A propos... ха, ха, ха! Знаете ли вы, что Геркуловъ на мнѣ вздумалъ жениться. Ахъ, какъ онъ неваженъ!... Чтобъ я пошла за него! Ужъ подлинно! Безпримѣрно бъ это было, чтобъ я пошла за такого дурака! Онъ весь свѣтъ передѣлать хочетъ, ха, ха, ха! Какая пустошь въ голову его вселилась! C'est un fou!

(Входитъ Геркуловъ, кредиторъ Фирлюфюшкова.)

Олимп. А, здравствуй, душа моя, неважный! Куда какъ мнѣ давеча досадилъ! Я не знаю какъ я жива, такъ я на тебя сердита, ужасть, ужасть!

Герк. За что такой гнѣвъ сударыня?

Олимп. За что? Это я знаю, но никогда не забуду! Уморишь! Ужъ подлинно, радость, уморишь! (Фирлюфюшкову, который, съ тѣхъ поръ какъ Геркуловъ вошелъ, въ великую пришелъ трусость). Скажи ему, что я терпѣть не могу".

Если къ вышеприведенному присоеденить нѣсколько чертъ барства, который мы замѣчаемъ въ Спесовѣ („Именины Ворчалкиной“), то намъ ничего не останется прибавить къ галлереѣ портретовъ, заключающихся въ „Ярославскихъ“ комедіяхъ Екатерины. Но не зависимо отъ того, въ этихъ комедіяхъ есть много чертъ, рисующихъ тогдашнее общество. Такъ, напримѣръ, Екатерина очень вѣрно подмѣтила въ немъ легковѣріе, свойственное мало просвѣщенному обществу, относительно всякой новости, тѣмъ болѣе тревожной, раздражительной, особенно если она мало-мальски политическая. Мы уже видѣли образчикъ такого легковѣрія въ разговорѣ Ханжахиной съ ея сестрой и встрѣчаемъ его во многихъ другихъ сочиненіяхъ Екатерины, подлежащихъ нынѣ нашему разсмотрѣнію. Вотъ, напримѣръ, сцена изъ комедіи „Именины г-жи Ворчалкиной“.

Ворчал. „А какой, батька мой, это споръ и какія у васъ дѣла?

Гремухинъ. Эти господа (указывая на Спекова и Дремова) хотятъ увѣрить, будто праведный носится слухъ, что скоро выйдетъ запрещеніе жениться, и такое будто запрещеніе на цѣлыя десять лѣтъ. Какъ тому статься, чтобъ въ десять лѣтъ никто не женился?

Ворч. Ахъ, какое это неустройство будетъ? что развѣ ужъ родъ человѣческій перевесть хотятъ? Охъ, охъ! потерпитъ ли этому Богъ?

Дрем. Вранье! несбыточный вздоръ! глупости и нестаточныя бредни!

Ворч. Такъ, батька мой, такъ! Вы не вѣрите ничему. Вы станете обо всемъ спорить!

Дрем. По крайней мѣрѣ объ этомъ; этотъ слухъ дуракъ какой-нибудь выдумалъ.

Геркуловъ. Нѣтъ, сударь, не дуракъ, а всѣ, всѣ говорятъ.

Спесовъ. И я слышалъ!

Некопейковъ. И я отъ нихъ слышалъ,

Ворч. Вотъ, какъ не вѣришь! всѣ говорятъ! Ой, ой, ой! какія времена! какія нынѣ чудеса дѣлаются!“

Точно такую же готовность вѣрить безъ критики всему тревожному мы находимъ въ г-жѣ Вѣстниковой. „Не слыхала ли какихъ вѣстей? спрашиваетъ она у названной уже нами торговки Терентьевны, которая съ товаромъ и сплетнями ежедневно рыскаетъ по городу.

Терент. „Какъ не слыхать, матушка! По городу-то шатаешься, такъ наслышишься всего. У насъ полонъ ушатъ всегда вѣстей. Вотъ-таки сказываютъ, что у большихъ бояръ какія-то затѣи есть.

Вѣстн. Да отъ кого ты это слышала?

Терент. Отъ кого? отъ человѣка, правда, незнакомаго; онъ пьяный проврался, лежа на улицѣ, а племянникъ кума кумы моей на ту пору шелъ, и слышалъ, да имъ сказалъ, а они мнѣ. Сказываютъ, что пьяный, какъ протрезвился, такъ сталъ запираться, говоря, что онъ не знаетъ, спьяна ли это ему пригрезилось, или отъ кого пьяный слышалъ. Только это не спроста.

Вѣстн. И сомнѣнья нѣтъ: сколько людей это говорили, какъ въ этомъ сомнѣваться. Охти мнѣ! Какія-то у насъ затѣи! Свѣтушка, свѣтушка, что-то изъ этого будетъ?“

Нельзя не обратить вниманія на эти намеки „о затѣяхъ большихъ бояръ“, и вообще на таинственныя и тревожныя вѣсти политическаго свойства, которыми угрожаютъ другъ другу дѣйствующія лица комедіи Екатерины. Какъ слова, вложенныя въ уста Терентьевны, какъ и извѣстіе о „крутыхъ горкахъ“ вылились изъ подъ пера Екатерины въ 1772 г., когда умы были возбуждены войной, чумой и пугачевщиной. Черта, подмѣченная Екатериной, должна быть, слѣдовательно, признана очень вѣрною, очень реальною. Ее слѣдуетъ кромѣ того признать и очень глубокою, ибо эта готовность принять на вѣру тревожные слухи политическаго свойства, — слухи, которые съ такою жадностью ловили въ Петербургѣ и Москвѣ иностранные дипломаты и мемористы, эта черта характеризуетъ русское общество въ продолженіе цѣлаго XVIII вѣка и не вполнѣ истребилась еще понынѣ. Можно пожалѣть только, что Екатерина не дала еще большаго развитія этому глубоко вѣрному мотиву въ нашей исторіи. Зато она коснулась другого, не менѣе вѣрнаго и характеристическаго: готовности русскаго человѣка все относить къ правительству, все ставить ему на счетъ — какъ хорошее, такъ и дурное. Мы видѣли, что Ханжахина желала бы, чтобы правительство снабжало приданымъ дворовыхъ людей, а сестра этой дамы — чтобы полиція наблюдала за исправностью ея экипажей. Всего требовать отъ правительства, все представить правительству съ тѣмъ,

чтобы самимъ сидѣть сложа руки, — и разумѣется не имѣть никакого значенія, — есть черта, уже отмѣченная исторіей и лишь въ самое недавнее время начавшая терять свою актуальность, черта, естественнымъ дополненіемъ какой является нѣкоторое фрондерство, охота похулить не свое, не своими руками совершаемое дѣло. „И, батюшка, говоритъ въ одномъ мѣстѣ г-жа Ворчалкина, свѣтъ нынче таковъ! Всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? Кому запретить? И сами тѣ, кому бы не допускать-то надобно было, хохочутъ изо всей мочи, когда руганье другимъ слышатъ!“ Въ другомъ мѣстѣ та же самая Ворчалкина, по поводу одной слишкомъ явной сплетни, говоритъ: „Довольно уже, мой свѣтъ, видѣли мы всякой всячины, такъ и этому дивиться нечего: все статься можетъ: Вишь ты, каковъ нынѣ свѣтъ-отъ развратенъ: подкидышковъ... что ужъ больше этого?... подкидышковъ подбираютъ да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ будто за благородными: такъ можно ли ужъ въ чемъ сомнѣваться?“ *Щебальскій.*

Внѣшняя и внутренняя политика Екатерины II.

Мы не будемъ останавливаться на томъ общемъ соображеніи, что дѣятельность императрицы Екатерины II обнимаетъ собою болѣе трети столѣтія и настолько богата историческимъ содержаніемъ, что уже самая количественная его сложность затрудняетъ дѣло его оцѣнки и систематическаго изученія. Это — общая причина, выступающая съ одинаковою силою при изслѣдованіи каждаго крупнаго историческаго факта или процесса: синтезъ изслѣдователя не охватываетъ эпохи во всей совокупности ея явленій, а господствуетъ лишь надъ отдѣльными группами ихъ, и только долгія усилія въ одномъ направленіи идущихъ умовъ приводятъ насъ къ желанному успѣху — правильному пониманію изучаемаго сложнаго факта. Для такъ называемой „эпохи преобразованій“ Петра Великаго уже наступила, напримѣръ, пора правильнаго объясненія, несмотря на всю сложность преобразовательнаго движенія XVII—XVIII вв. На такой же ученый успѣхъ должны мы надѣяться и въ отношеніи Екатерининскаго царствованія, сколь ни великъ историческій матеріалъ, къ нему

относящійся. Однако, если мы достигнемъ здѣсь точнаго знанія, оно врядъ ли представитъ намъ дѣятельность „просвѣщенной“ императрицы принципіально цѣльною и согласованною во всѣхъ ея частяхъ. Вотъ почему мы рѣшаемся высказать мнѣніе, что разнорѣчія во взглядахъ на дѣятельность императрицы Екатерины зависятъ не отъ однихъ лишь субъективно взятыхъ точекъ зрѣнія, но и отъ обстоятельствъ, данныхъ самою дѣятельностью императрицы. Какія же это обстоятельства? Для того, чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ прежде всего усвоить ту безспорную мысль, что вся дѣятельность императрицы Екатерины была въ сущности направлена на борьбу съ окружающею политическою дѣйствительностью. Менѣе всего желала императрица мириться съ тѣмъ положеніемъ вещей, которое она застала, вступая во власть; менѣе всего была способна жить день за день, покорно слѣдуя за случайностями текущей жизни. Превосходя образованіемъ почти весь Петербургскій дворъ, принадлежа по уму къ избраннѣйшимъ его людямъ, твердо вѣря и громко говоря, что „на этомъ свѣтѣ препятствія созданы для того, чтобы достойные люди ихъ уничтожали и тѣмъ умножили свою репутацію“, — молодая государыня страстно желала „умножить свою репутацію“, взять въ свои руки политическое положеніе и господствовать надъ нимъ. Свѣтлая вѣра въ неограниченную мощь человѣческаго разсудка, вѣра, свойственная тому вѣку вообще, придавала бодрости въ борьбѣ и указывала цѣль борьбы — дать счастье милліонамъ людей согласно съ велѣніями просвѣщеннаго разума. Сильный умъ, давно привыкшій къ критикѣ окружающей жизни, легко отыскивалъ слабыя ея стороны; тактъ и житейское чутье указывали безошибочно на лучшихъ помощниковъ и сотрудниковъ. Торжество надъ препятствіями казалось легко. Но прошли года и стало ясно, что побѣда одержана не по всей линіи боя и что кое-гдѣ пришлось уступить поле битвы, кое-гдѣ — даже капитулировать. Тамъ, гдѣ императрица могла поймать прочную историческую традицію и дѣйствовала въ духѣ вѣковыхъ національныхъ стремленій, ее ждалъ блистательный успѣхъ. Тамъ, гдѣ сила ума и знанія покорила себѣ невѣжественную косность, правительство императрицы выступало въ привлекательной роли просвѣщенной и благодѣтельной власти. Зато въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда императрица рѣшалась итти противъ нѣкоторыхъ господствовавшихъ тогда въ русскомъ обществѣ теченій, потокъ общественной жизни несъ ее не въ ту сторону, куда она сама хотѣла плыть, и далеко уносилъ отъ нея даже близкихъ ей помощниковъ, не желавшихъ, какъ она, бороться съ силою влекущаго потока. Уступая этой могучей силѣ, Екатерина однако никогда не мирилась съ неудачей и вмѣсто сломаннаго въ борьбѣ оружія искала новаго.

Никто не будетъ спорить, что наибольшимъ блескомъ отличалась внѣшняя политика Екатерининскаго царствованія. Въ самомъ дѣлѣ, при императрицѣ Екатеринѣ II, Россія пріобрѣла всю Литву, Курляндію, Крымъ и Кубань — громадныя пространства земли, обладаніе которыми поставило Россію на берегахъ Чернаго моря, возвратило Руси ея западныя области, взятыя когда-то Литвою, и, наконецъ, навсегда избавило насъ отъ возмутительныхъ татарскихъ набѣговъ. Если бы во дни этихъ пріобрѣтеній могли возстать изъ гробовъ старые московскіе люди, всѣ помыслы которыхъ въ XVI и XVIII вѣкахъ устремлены были на ляховъ, Литву и татаръ, они въ побѣдахъ Екатерины II увидали бы торжество завѣтныхъ русскихъ мечтаній, завершеніе того великаго дѣла, за которое они ложились костьми на западныхъ и южныхъ рубежахъ Московскаго государства. Съ самаго XIII вѣка, когда русская народность сразу подверглась натиску татаръ, литвы, нѣмцевъ и шведовъ, вопросъ народной обороны становится на первомъ мѣстѣ въ народной жизни и княжеской политикѣ. Сначала вопросъ этотъ заключался въ томъ, чтобы возвратить себѣ политическую независимость, отнятую татарами. Затѣмъ, когда это было достигнуто и татары изъ господъ стали трусливыми хищниками, приходившими къ намъ за данью, а по волчьи — за воровскимъ полономъ, тогда вопросъ измѣнился: заботились о томъ, чтобы достигнуть безопасной границы на югѣ, отъ татаръ, вернуть въ составъ государства русскія волости, взятыя Литвою и Польшею, и Новгородскій берегъ Финскаго залива, отнятый шведами. Столѣтія прошли раньше, чѣмъ вопросъ о прямомъ сохраненіи гибнувшей народности естественно перешелъ въ вопросъ о достиженіи для этой спасенной и окрѣпшей народности правильныхъ и естественныхъ границъ. Столѣтія прошли раньше, чѣмъ смиренное наставленіе Московскаго

князя Симеона братьямъ жить въ мирѣ, „чтобы не перестала память родителей нашихъ наша свѣча бы не угасла“ народной жизни, — смѣнилось горделивымъ заявленіемъ великаго князя Ивана III, что вся русская земля (и та, которою онъ еще не завладѣлъ) „отъ нашимъ прародителей изъ старины наша вотчина“. И опять столѣтія прошли раньше, чѣмъ разгромъ Швеціи при Петрѣ Великомъ доказалъ Европѣ, что у „Московита“ выросла грозная сила и что Москва, рѣшая свои вѣковыя задачи, можетъ осуществить, вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Балтійскаго побережья, и другія свои притязанія на Литву и Черноморье. Петръ Великій былъ прямымъ ученикомъ и продолжателемъ дореформенныхъ дипломатовъ Московской Руси, которые вели русскую политику по старымъ завѣтамъ и по старымъ же завѣтамъ въ маститой старости мѣняли дьячій кафтанъ на монашескую рясу. Но эти старые завѣты были забыты, когда со смертью Петра у русскаго кормила стали случайные люди и вовсе чуждые Россіи фавориты, которые, вмѣсто монашескаго сана, за дипломатическую покладливость принимали титулъ графа отъ германскаго императора. Одинъ только изъ такихъ графовъ канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ помнилъ Петровскіе завѣты, хотя и осложнялъ ихъ собственными заботами о поддержаніи въ Европѣ политическаго равновѣсія, о которомъ такъ мало заботился самъ Петръ. Тѣмъ не менѣе именно Бестужевъ былъ первымъ политическимъ наставникомъ Екатерины II, и именно черезъ него Екатерина могла войти въ разумѣніе насущныхъ дѣлъ русской политики. И вотъ вѣковая старина оживаетъ въ дѣлахъ Екатерины. Черезъ головы своихъ близорукихъ предшественниковъ Екатерина оглядывается назадъ на Петра Великаго, справляется о томъ, какъ онъ поступилъ въ томъ или иномъ случаѣ, и соображаетъ, какъ онъ поступилъ бы, если бы былъ на ея мѣстѣ. Недаромъ она похваляется, что носитъ табакерку съ портретомъ Петра Великаго, чтобы всегда о немъ помнить: въ шутливой формѣ сказывается серіозная мысль, дѣлающая большую честь политическому чутью императрицы. Рѣшая польскій и турецко-татарскій вопросы, Екатерина чувствовала себя прямою продолжительницею Петра, а за нимъ и всей старорусской традиціи, и мы обязаны признать за ней эту высокую честь. Въ исторіи нашего національнаго объединенія

Екатерина была такимъ же народнымъ бойцомъ, какъ и „добрый страдалецъ за землю русскую“, Екатерининскій солдатъ, полагавшій душу свою на поляхъ Литвы и Польши, на Карпатскихъ нагорьяхъ и въ Дунайскихъ камышахъ. Они привели къ концу — каждый по своему — то вѣковое дѣло, которое одинаково лежало на сердцѣ и большихъ и малыхъ людей московской эпохи, и разрѣшили, наконецъ, ту задачу, надъ которою трудились лучшіе московскіе умы до самаго Петра Великаго включительно.

Итакъ, въ политикѣ внѣшней Екатерина сумѣла и смогла стать на высоту строго историческаго пониманія предстоявшихъ ей дѣлъ, и блестящій успѣхъ былъ здѣсь наградою, заслуженною и взятой прямо съ боя.

Сложнѣе и труднѣе для оцѣнки характеръ внутренней государственной дѣятельности императрицы. Русское общественное устройство терпѣло существенныя измѣненія въ ту пору, когда Екатерина вступала въ дѣла. Рушился окончательно тотъ старо-московскій порядокъ, по которому всякое лицо и всякая личная собственность разсматривались какъ орудіе правительственной дѣятельности, употребляемое для служенія государственному интересу. Въ Московской Руси не было ни личной свободы ни сословнаго права; были вмѣсто нихъ только личныя привилегіи и временныя льготы. Все общество было построено на началахъ государственной крѣпости: каждый былъ прикрѣпленъ къ какой-либо государственной повинности, а по этой повинности былъ прикрѣпленъ къ тому мѣсту, гдѣ жилъ, и къ тому обществу, съ которымъ былъ связанъ круговою порукою въ отправленіи службъ или платежей. Въ этомъ государственно-крѣпостномъ порядкѣ была извѣстная своеобразная справедливость; она выражалась во всеобщемъ равенствѣ предъ государствомъ, равенствѣ безправія. И Петръ Великій не только не измѣнилъ этому старому началу, но еще и подчеркнулъ его, самого себя называя неизмѣнно слугою государства. Служилые люди всѣхъ чиновъ были слиты при Петрѣ Великомъ въ одинъ классъ „шляхетство“, и поставлены въ тяжелый служебный режимъ. Всѣ уклонившіеся отъ государственной тяготы и частно-зависимые люди (такъ называемые гулящіе люди и холопы) были введены въ непосредственныя отношенія къ государству и прикрѣплены къ государственнымъ

повинностямъ. Государственная опека при Петрѣ Великомъ стала систематичнѣе, бдительнѣе и тяжелѣе. Тѣмъ съ большею силою сказалась реакція противъ Петровскихъ порядковъ, когда послѣ смерти Петра Великаго „шляхетство“ получило возможность вмѣшиваться въ борьбу придворныхъ лицъ и партій въ знаменитую печальной памяти эпоху временщиковъ. Быстрая и частая смѣна правительствъ и правителей, вызываемаемая отсутствіемъ въ династіи правоспособныхъ представителей власти, совершалось иногда въ формѣ прямыхъ переворотовъ. Вполнѣ доказано, что эти перевороты производились гвардейскими полками, имѣвшими однородный, именно дворянскій, составъ и дѣйствовавшими за все „благородное россійское шляхетство“ въ интересахъ цѣлаго сословія. Именно такимъ шляхетскимъ движеніемъ была поставлена на престолъ и императрица Екатерина. Естественно, что шляхетское вліяніе на политическія дѣла должно было обратиться въ пользу самаго шляхетскаго сословія. Императрица Анна облегчила шляхетскую службу, обратила помѣстныя земли, дотолѣ признаваемыя государственными, въ наслѣдственную собственность дворянъ ихъ владѣльцевъ и вообще расширила права дворянъ въ ихъ недвижимыхъ имуществахъ. При Елизаветѣ дворянство превратилось уже въ замкнутое привилегированное сословіе и громко мечтало объ освобожденіи своемъ отъ обязательной службы государству. Императоръ Петръ III, слышавшій эти мечтанія, осуществилъ ихъ въ манифестѣ 18 февраля 1762 года. Императрицѣ Екатеринѣ осталось подтвердить вольность раскрѣпощеннаго дворянства, и тогда во имя справедливости раскрѣпостить и прочія сословія, или если этого нельзя было сдѣлать, то вернуть государство къ Петровскихъ формамъ и отнять у дворянства преждевременно усвоенную свободу. Такъ ставился вопросъ для Екатерины; что выберетъ она? послѣдуетъ ли Петру? продолжитъ ли дворянскую политику своихъ ближайшихъ предшественниковъ?

Вернуть государство къ Петровскимъ формамъ было невозможно, если бы Екатерина этого и желала: давать права и льготы болѣе легко, чѣмъ отнимать ихъ, да къ тому же отнимать сословія, которое 20 лѣтъ уже стояло у власти и трона. Врядъ ли, впрочемъ, Екатерина и желала итти противъ правъ и льготъ: по ея собственнымъ словамъ, она по-

ставила себѣ цѣлью „понравится націи“; „съ республиканскою душою и добрымъ сердцемъ“, „она старалась доставить своимъ подданнымъ счастіе, свободу и собственность“. Могла ли государыня, такъ судившая о самой себѣ, усвоить себѣ политику порабощенія и реакціи? Разумѣется, нѣтъ. Напротивъ, широкіе освободительные планы витали въ умѣ государыни, воспитанной на либеральнѣйшихъ идеяхъ вѣка. Не только сохраненія шляхетской вольности хотѣла она, но она искреннѣйшимъ образомъ мечтала и о вольности крестьянской. И время было подумать о судьбѣ тѣхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которыхъ, подъ общимъ названіемъ „помѣщичьихъ подданныхъ“, административная практика отдавала въ полное распоряженіе землевладѣльца, а законъ опредѣлялъ какъ сословіе государственныхъ плательщиковъ. Всѣ знали — отъ крестьянской избы до дворца, — что крестьянскій трудъ былъ данъ помѣщику за то, что помѣщикъ служилъ конемъ и мечомъ государству, и всѣ чувствовали, что разъ помѣщикъ получилъ право отвязать мечъ и снять доспѣхи, то и крестьянинъ могъ съ одинаковымъ правомъ оставить помѣщичью соху и съ барской запашки перейти на свою. Но въ то же самое время выходило такъ, что правительство могло обходиться безъ шляхетской службы, а шляхетство не могло устроить своего хозяйства безъ принудительнаго крестьянскаго труда, и никто не умѣлъ въ то время удовлетворительно разрѣшить эту хозяйственную задачу. Съ одинаковою роковою неизбѣжностью тяготѣли надъ сознаніемъ Екатерины двѣ непримиримыя идеи: ея собственная идея — о необходимости освобожденія помѣщичьихъ подданныхъ, и шляхетская идея — о необходимости удержать на шляхетскихъ земляхъ даровую рабочую силу, какъ незамѣнимое основаніе хозяйства. Отъ своей идеи Екатерина не отказывалась никогда — до послѣдняго 10-лѣтія своей жизни. Даже и тогда, когда ей приходилось официально держаться иныхъ точекъ зрѣнія, она оставалась въ душѣ вѣрною себѣ и мучительно раздражалась отъ противорѣчія, въ которое попадала и изъ котораго ей не по силамъ было выйти. Обыкновенно осмотрительная въ выборѣ своихъ выраженій, она однако не сдерживалась въ отзывахъ о людяхъ съ крѣпостническимъ направленіемъ и даже давала имъ названіемъ „скотинъ“. Но тѣмъ не менѣе сила вещей была

сильнѣе единичной воли, и отъ благороднаго протеста противъ рабства Екатерина склонялась къ его признанію и регламентаціи съ тѣмъ, чтобы при первой возможности снова воспрянуть для протеста и освободительныхъ мечтаній. Вотъ почему отношеніе Екатерининскаго правительства къ крестьянскому дѣлу исполнено такихъ рѣзкихъ противорѣчій, отражающихъ на себѣ борьбу стремленій самой императрицы съ вожделѣніями господствовавшаго тогда въ общественной жизни шляхетства. Вотъ почему мы видимъ, какъ Екатерина выводитъ изъ частной зависимости такъ называемыхъ „экономическихъ“ крестьянъ, принадлежавшихъ церковнымъ владѣльцамъ, и запрещаетъ вступать въ крестьянскую зависимость свободнымъ и вольноотпущеннымъ людямъ, но въ то же время закрѣпощаетъ малороссійскихъ крестьянъ; какъ она запрещаетъ крестьянамъ жаловаться на своего владѣльца, но въ то же время не соглашается называть крестьянина рабомъ, упорно утверждая, что „между крѣпостнымъ и невольникомъ разность“ и что смѣшеніе крестьянской и рабской зависимости есть „великое злоупотребленіе“, какъ она по грамотѣ дворянству 1785 года признаетъ крестьянъ одною изъ статей хозяйственнаго инвентаря въ недвижимомъ дворянскомъ имуществѣ, и въ то же время составляетъ проектъ освобожденія крестьянъ, родившихся послѣ грамоты 1785 года. Полная противоположность и непримиримость всѣхъ этихъ дѣйствій и взлядовъ указываетъ на коренной разладъ въ правительственной средѣ, и при томъ разладъ, длящійся цѣлую четверть вѣка — знакъ, по которому мы можемъ представить себѣ, съ какимъ упорнымъ постоянствомъ императрица держалась своихъ идей, несмотря на рѣшительное несогласіе съ ними прочихъ правительственныхъ силъ. Въ этомъ разладѣ дѣйствій и словъ видятъ иногда двуличіе Екатерины, усвоившей якобы крѣпостническую политику вмѣстѣ съ привычкою щеголять либеральными рѣчами. Будемъ осторожнѣе и признаемъ за Екатериною искреннее желаніе бороться съ господствовавшимъ теченіемъ, желаніе безуспѣшное, но не безполезное. Заслугою Екатерины была уже та рѣшимость, съ какою она отдала на общественный судъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, рѣшимость, какую не всегда находимъ и въ первой половинѣ XIX вѣка.

Можно ручаться, что крестьянское дѣло было больнымъ

мѣстомъ для Екатерины, чувствовавшей въ этомъ дѣлѣ свое безсиліе не только справиться съ крѣпостническими тенденціями общества, но и просто представить себѣ тотъ порядокъ общественной жизни, который явился бы результатомъ освобожденія крестьянскаго труда. Сразу перейти къ этому порядку было для нея страшно, что она и выражала въ „Наказѣ“ словами 260-й статьи: „не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“. И этотъ страхъ раздѣляли съ императрицею и другіе очень умные и знающіе люди ея времени, напримѣръ Болтинъ, рекомендовавшій осторожность и постепенность въ этомъ великомъ дѣлѣ, противникомъ котораго онъ отнюдь не былъ. Если бы Екатерина и надѣялась легко сломить враждебное эмансипаціи шляхетство и сокрушить крѣпостной порядокъ, то этимъ самымъ, по ея представленію, попадала она еще въ большую трудность справиться съ общественнымъ хаосомъ и образовать новый общественный строй изъ элементовъ, предугадать которые она не могла. По своей знаменитой Комиссіи, 1767 года могла она судить, какъ трудно, даже невозможно распоряжаться умонастроеніемъ и работою общественныхъ силъ. Такого рода мысли и опасенія, конечно, еще больше лишали Екатерину бодрости и увѣренности, чѣмъ прямая оппозиція крѣпостниковъ.

Зато тамъ, грѣ путь былъ ясенъ и гдѣ не было противодѣйствій, правительство Екатерины дѣйствовало съ величайшимъ блескомъ. Новыя формы мѣстнаго управленія съ большимъ искусствомъ были сотканы изъ элементомъ бюрократическихъ и сословно-земскихъ, въ вопросахъ финансовыхъ правительство держалось освободительной политики; народное образованіе вызывало систематическія заботы правительства и разсматривалось какъ важнѣйшая потребность населенія; въ заботахъ о вновь пріобрѣтенныхъ на югѣ земляхъ, о такъ называемой Новороссіи сказалась очень большая чуткость и дальновидность, какъ будто бы уже тогда прозрѣвали всѣ силу и быстроту экономическаго роста русскаго юга, разцвѣтающаго на нашихъ глазахъ. И во всемъ, что ни дѣлало Екатерининское правительство, оно выступало какъ просвѣщенная сила, не просто умудренная политическимъ опытомъ, но способная возвышаться по принципіальной постановки вопроса и знакомая съ тео-

ретическими успѣхами современнаго ей знанія. Помѣщенная исторіею между Петромъ III и Павломъ I. Екатерина неизмѣримо лучше ихъ обоихъ оказалась подготовленною къ государственной дѣятельности, къ которой оба они готовились и на которую она, казалось, вовсе не могла и расчитывать.

Такъ двоится наше впечатлѣніе отъ внутренней дѣятельности императрицы Екатерины II. Въ основномъ вопросѣ тогдашней русской общественной жизни — въ устройствѣ отношеній между землевладѣльческимъ и земледѣльческимъ классами — императрица была увлечена по тому направленію, по которому увлекались событіями и всѣ ея предшественники, въ сторону укрѣпленія и нарощенія шляхетскихъ правъ. Но подчиняясь дворянскому режиму, сочувствуя и содѣйствуя организаціи дворянства въ видѣ привилегированнаго сословія, Екатерина давала подобную же организацію и городскому населенію, мечтала о соотвѣтствующемъ подъемѣ правъ и крестьянства, — и здѣсь то потерпѣла неудачу, столкнувшись съ интересами ею же поддержаннаго россійскаго шляхетства. Обратить это шляхетство въ прежнее безправное положеніе и отнять у него крестьянскій трудъ было невозможно или же чрезвычайно трудно. По крайней мѣра ни Екатерина ни кто иной не могли себѣ представить государственнаго строя безъ крѣпостнаго труда. И здѣсь Екатерина поступается своими идеальными стремленіями ко всеобщей „свободѣ и собственности“ и сохраняетъ крѣпостное право во всей его житейской цѣльности и безусловности. Но это не значитъ, чтобы императрица вообще отказалась отъ своего либеральнаго мірсозерцанія; напротивъ, либерализмъ государыни царитъ вездѣ, гдѣ проявляется творческій духъ правительства и личное вліяніе Екатерины отъ образованія государственнаго управленія до воспитанія внучатъ императрицы.

Во внѣшней своей политикѣ Екатерина была ученицею старой Руси и Петра Великаго; во внутренней государственной дѣятельности, тамъ гдѣ она дѣйствовала свободно, она проводила въ жизнь философскіе и публицистическіе принципы, которыми жили въ то время передовые теоретическіе умы; въ сферѣ же хозяйственно-крѣпостныхъ отношеній она подчинилась господствовавшей въ обществѣ тенденціи не

только изъ политической осторожности, но также изъ страха предъ невѣдомыми послѣдствіями соціальнаго переворота. Таковы разнообразные мотивы, руководившіе умомъ императрицы. Во-1-хъ, вѣрно понятый вѣковой инстинктъ народной обороны, во-2-хъ, лишенные всякаго національнаго оттѣнка принципы либеральнаго раціонализма и, въ-3-хъ, узкія утилитарныя вожделѣнія земледѣльческаго класса, ничего общаго не имѣющія ни съ истиннымъ патріотизмомъ, ни съ благородными порывами освободительной мысли — что — общаго между этими историческими двигателями, влекшими Екатерину одновременно по разнымъ путямъ?

Конечно, менѣе всего можно негодовать лично противъ историческаго дѣятеля, которому суждено было въ вихрѣ событій и вліяній вращаться въ различныя стороны и терять единство дѣйствій. Дѣло вѣдь идетъ не о цѣльности личныхъ взглядовъ, которымъ Екатерина всегда была вѣрна, а о правительственной дѣятельности, которая всегда представляетъ собою равнодѣйствующую всѣхъ вліяній и усилій состоящихъ въ правительствѣ людей. Вдумавшись въ это обстоятельство, оцѣнивъ личность Екатерины въ обстановкѣ, которая на нее дѣйствовала, мы скорѣе подивимся тому, что, при тысячѣ возможностей успокоиться на достигнутомъ успѣхѣ, Екатерина почти до конца своихъ дней продолжаетъ бороться за то, что считаетъ правымъ сознаніемъ, неизмѣнною преданностью просвѣщенію, блескомъ прогрессивной европейской мысли. Въ исторіи нашего общества Екатерина одинъ изъ виднѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ культурныхъ дѣятелей, память о которомъ связана неразрывно со всякимъ успѣхомъ нашей гражданственности. *Платоновъ.*

Начала, введенныя въ русскую жизнь Екатериной II.

Императрица дѣйствовала на русское общество законами, правленіемъ и образомъ мыслей; въ этихъ случаяхъ она уже явно высказывала тѣ начала, которыя находили одобреніе въ умѣ ея. Начала эти составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе нашей общественной жизни, потому что они въ первый разъ были высказаны въ нашемъ обществѣ рус-

скимъ языкомъ. Постараемся передать нѣкоторыя изъ этихъ началъ, чтобы лучше очертить ту точку исхода нашей литературы, которую указывалъ ей геній Екатерины, чтобъ лучше показать тѣ результаты, которые принимало въ себя русское общество при первомъ, такъ-сказать, внутреннемъ столкновеніи съ обществомъ западнымъ. Въ этомъ случаѣ для насъ матеріалами будутъ „Наказъ“ императрицы и ея переписка съ учеными.

Девизомъ для русскихъ императрица сдѣлала слѣдующее капитальное положеніе: „Homo sum, nihil humani a me alienum puto“. Оно высказано въ „Дополненіи къ Наказу“, въ главѣ XXII, стр. 567 и 573, такимъ образомъ:

„Всякъ долженъ самому себѣ сказать: я человѣкъ; ничего, чему подвержено человѣчество, я чуждымъ себя не почитаю“.

„Человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, владѣлецъ или земледѣлатель, рукодѣльникъ или торговецъ, праздный хлѣбоядца или прилежаніемъ и раченіемъ своимъ подающій къ тому способы, управляющій или управляемый — все есть человѣкъ“.

Это точка, съ которой, по словамъ Екатерины, должно смотрѣть на каждаго подданаго, на которую прежде всего должно обращать вниманіе при оцѣнкѣ людей... Сколько у насъ съ вами, почтенный читатель, человѣческихъ достоинствъ, столько намъ съ вами и почету. Честь и слава вѣку Екатерины, въ которой каждый о себѣ говорилъ: „я человѣкъ!“ Философія XVIII вѣка, разсматривая психологическую сторону человѣка, нашла въ ней много достоинствъ, за которыя человѣку подобаетъ всякая честь, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашла и много недостатковъ. За слабость и уклоненіе отъ совершенства, за недостатки — она не презирала человѣка, но признавала ихъ слѣдствіемъ ограниченной человѣческой природы и была къ нимъ снисходительна; за личныя достоинства, за силу душевную, она выдвигала человѣка изъ ряда существъ обыкновенныхъ. Отъ этого въ XVIII вѣкѣ васъ поражаютъ два великія, чисто-человѣческія явленія: почетъ геніальности и таланту и филантропія, снисходительность къ человѣку падшему, увлеченному слабостью, убитому общественными обстоятельствами и часто дѣлавшемуся врагомъ общества. Императрица Екатерина, какъ одна изъ геніальныхъ представительницъ XVIII вѣка, ясно высказала это начало, какъ мы видѣли выше, и въ оцѣнкѣ людей всегда

ему слѣдовала. Она привѣтствовала каждый успѣхъ Вольтера и гордилась каждымъ новымъ произведеніемъ ума человѣческаго, какъ лучшимъ украшеніемъ человѣчества. Она поддерживала ученыхъ, славу тогдашняго общества, и доставляла имъ средства итти смѣло и постоянно по положенному пути; она просила Вольтера, Дидро и Д'Аламбера пріѣхать въ Петербургъ и жить подъ ея покровительствомъ; она требовала отъ нихъ только постояннаго сообщества. Она умѣла открыть великое поприще геніальнымъ людямъ въ Россіи, и цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, великихъ внутреннихъ преобразованій, постоянная и сильная политика внѣшняя доказали, что императрица руководствовалась истиннымъ началомъ при оцѣнкѣ людей. Она дорожила этими людьми, какъ собственной славой, и они дѣйствительно были ея славой, потому что были узнаны и оцѣнены ею. Она умѣла въ одно и то же время занять и дать направленіе Потемкину и Суворову, которые другъ друга не могли терпѣть на военномъ поприщѣ, она умѣла цѣнить и сохранить привязанность Панина и Потемкина, которыхъ часто разъединяли виды внѣшней политики.

Вторая сторона взгляда на человѣка, какъ человѣка, выразилась въ филантропіи къ человѣчеству, въ снисходительности къ слабости. Этотъ взглядъ, исполненный кротости и любви христіанской, могъ быть принятъ и оцѣненъ только такимъ обществомъ, которое вполнѣ знало человѣка, знало и его величіе и его слабости, — словомъ, постигало, что такое природа человѣка. XVIII вѣкъ подозрѣвалъ, что тотъ же человѣкъ, который при однихъ обстоятельствахъ можетъ заслужить названіе благодѣтеля рода человѣческаго, при другихъ можетъ сдѣлаться великимъ злодѣемъ, что тотъ, кто сегодня сдѣлался преступникомъ отъ бѣдности, на другой день можетъ раскаяться и выкупить свое паденіе великою жертвою, что, наконецъ, бѣдность и болѣзнь, уничтожая физическія силы въ томъ классѣ народа, который живетъ однимъ трудомъ, лишаютъ его совершенно-безвинно всякой возможности не только пользоваться жизнію, но иногда и спасти эту жизнь отъ смерти. XVIII вѣкъ видѣлъ съ грустью, что съ каждымъ днемъ прибываетъ въ міръ нѣсколько существъ, всѣмъ чуждыхъ, не знающихъ родства и потому отвергнутыхъ обществомъ, но существъ совершенно невин-

ныхъ въ своемъ рожденіи, имѣющихъ, *какъ люди*, всѣ права на жизнь съ ея благами, существъ, которыя когда-нибудь съ избыткомъ заплатятъ обществу за то, что оно ихъ призрѣло. Философія XVIII вѣка освѣтила эти темныя стороны человѣческой природы, указала на несправедливость такъ называемой судьбы къ нѣкоторымъ членамъ общества и требовала для нихъ пощады, снисхожденія и любви, какъ для существъ безпомощныхъ. Этотъ взглядъ, благодѣтельный для общества, былъ принесенъ къ намъ вмѣстѣ съ образованностью. Екатерина Великая при самомъ началѣ своего царствованія основала воспитательные дома для безродныхъ младенцевъ, приказы общественнаго призрѣнія для вспоможенія слабымъ, больнымъ, умалишеннымъ, старалась смягчить казни и царствовать кротостью и милостью. Въ этомъ случаѣ она совершенно выполнила слова одного изъ оракуловъ XVIII вѣка, Монтескьё, который сказалъ: „Монархи такъ много выигрываютъ кротостью, которая влечетъ за собою любовь народную; они извлекаютъ изъ нея столько славы, что должны быть счастливы, когда представляется случай ее выказать, а въ нашихъ государствахъ такіе случаи часто встрѣчаются“.

Эта кротость, это начало снисходительности къ ближнимъ выражено не разъ въ „Наказѣ“; напр. въ ст. 235-й императрица говоритъ: „Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установлять жестокіе законы“; въ ст. 83-й: „Приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы вселить узаконеніями добрые нравы въ гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ унынie казнями“; въ ст. 85-й: „Искусство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими“; въ ст. 256-й: „Петръ I узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. Въ первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно“... Но мы никогда не кончили бы выписокъ, если бъ захотѣли привести всѣ мѣста, гдѣ торжественно объявляется кротость, какъ одно изъ началъ жизни общественной, которыя императрица Екатерина хотѣла вкоренить въ русскомъ обществѣ. Приведемъ примѣръ, разсказываемый Сумароковымъ.

„Госпожа С.....ва тирански поступала съ подвластными, терзала ихъ разнымъ образомъ, утюжила спины горячимъ желѣзомъ и совершила нѣсколько убійствъ. Екатерина, не терпя безчеловѣчія и для обузданія другихъ отъ подобнаго, опредѣлила наказаніе, приличное содѣянному. Повелѣла, для прикрытія именитой фамиліи, огласить виновную только именемъ Дарьи Николаевой, выставить на эшафотъ и приковать къ столбу съ надписью: *мучительница, душегубка.* Потомъ жить навсегда въ вырытой у монастыря подземельной, куда бы слышимо было церковное пѣніе, но свѣтъ не проникалъ, и пищу спускать „внизъ съ фонаремъ“.

Вотъ одна изъ тѣхъ человѣческихъ сторонъ жизни, которая принесена была къ намъ вслѣдствіе столкновенія нашего съ философіей Запада, съ ученіемъ Монтескьё, Филонжьери и Беккаріи, которыхъ у насъ перевели во время царствованія Екатерины, и начала которыхъ наша императрица вводила въ русское общество и проповѣдовала въ первый разъ на русскомъ языкѣ. *Дудышкинъ.*

Личность Екатерины II и значеніе ея царствованія.

Разработка исторіи Екатерины II у насъ только что начинается. До сихъ поръ почти всѣ наши сужденія объ этой государынѣ носили чисто панегирическій характеръ; немногія попытки исторіи ея царствованія на русскомъ языкѣ, какъ-то: Колотова, Сумарокова, Лефорта, Вейдемейера, отличаются краткостью и отсутствіемъ всякой критики, такъ что нельзя безъ чувства нѣкотораго смиренія, чтобъ не сказать болѣе, взять въ руки изданныя у насъ доселѣ историческія сочиненія о Екатеринѣ II. Въ нашей періодической литературѣ 1860-хъ гг. явилось относительно ея времени нѣсколько статей съ болѣе серіознымъ направленіемъ; но ихъ авторы, желая стать на новую точку зрѣнія, впадаютъ въ другую крайность: видятъ во всемъ одну темную сторону и стараются доказать, что весь блескъ царствованія Екатерины былъ только внѣшній, что подъ нимъ скрывалась бездна неустройствъ и страданій народа. Будущему историку предстоитъ рѣшить, насколько вѣренъ такой взглядъ. Покуда не

слѣдуетъ, однакожъ, забывать, что государство, оставленное Екатеринѣ Анною и Елизаветою, не могло быть пересоздано вдругъ: Екатерина пожинала плоды того, что было посѣяно послѣ Петра I. Нельзя не согласиться, что она понимала потребности Россіи и старалась удовлетворять ихъ, что она въ предѣлахъ возможности измѣнила, исправила многое и замѣтно подвинула развитіе русскаго народа. Не должно забывать того, что въ началѣ ея царствованія писалъ англійскій посолъ Макартней и что всегда оставалось болѣе или менѣе справедливымъ: „Ей часто противопоставляются съ умысломъ препятствія; ея планы велики и разнообразны, но средства, которыми она располагаетъ, не соотвѣтствуютъ цѣли“. Въ числѣ русскихъ писателей прежняго времени, высказывавшихъ сужденія объ Екатеринѣ, замѣчательное мѣсто занимаетъ Державинъ: какъ лирикъ, онъ съ восторгомъ восхвалялъ ея достоинства, но впослѣдствіи, какъ ея статсъ-секретарь, увидѣвъ ея вблизи, онъ нашелъ въ ней недостатки, на которые указалъ въ своихъ запискахъ. По его мнѣнію, Екатерина стремилась не безусловно къ истинѣ и справедливости, но часто жертвовала ими разнымъ внѣшнимъ соображеніямъ, желая угодить своимъ приближеннымъ.

Неумолимыми обвинителями Екатерины, съ самаго восшествія ея на престолъ, являются иностранные писатели. Рядъ ихъ должно начать съ нѣкоторыхъ лицъ дипломатическаго корпуса при ея дворѣ, не всегда правильно понимавшихъ ее. Прислушиваясь къ отзывамъ о ней иноземцевъ, невольно спрашиваешь себя: дѣйствительно ли она заслуживаетъ той славы, какою пользуется? справедливо ли поступило потомство, поставивъ ей памятникъ? не затемняютъ ли блеска ея побѣдъ и государственныхъ дѣлъ побужденія холодной, черствой и коварной души, какую въ ней видятъ, напримѣръ, профессоръ Германъ?

Вопросы эти, однакожъ, не должны слишкомъ смущать почитателя Екатерины. Надо помнить, что съ самаго пріѣзда ея въ Россію, при дворѣ и въ обществѣ были двѣ партіи, совершенно различно на нее смотрѣвшія. Отголоски той изъ этихъ партій, которая не щадила средствъ очернить и унизить ее, слышатся до сихъ поръ. Въ неблагопріятныхъ сужденіяхъ объ Екатеринѣ иностранныхъ писателей нельзя не видѣть, по крайней мѣрѣ, очень часто, тайнаго недоброже-

лательства къ Россіи. Они не могутъ не чувствовать, хотя, конечно, и не сознаются въ томъ, что для интересовъ ихъ государствъ было бы лучше, если бъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія на престолѣ русскомъ остался Петръ III съ его благоговѣніемъ къ прусскому королю, съ его планомъ датской войны и другими ошибками. Какъ простить Екатеринѣ, что она доставила русской національной политикѣ преобладаніе въ Европѣ, что она старалась сдѣлать русскій народъ соперникомъ западныхъ въ промышленности, торговлѣ и просвѣщеніи, что она понимала необходимость дать въ своемъ государствѣ перевѣсъ русской національности надъ чуждыми элементами и не хотѣла признавать правъ завоеванныхъ областей на самостоятельное существованіе?

Вотъ вины Екатерины предъ иноземными историками, прикрывающими свое неудовольствіе обвиненіемъ ея въ нарушеніи всѣхъ законовъ житейской нравственности. Таковъ приговоръ Шлоссера, который, впрочемъ, отдаетъ справедливость ея уму, способностямъ и познаніямъ, но не можетъ простить ей, что она сдѣлалась предметомъ похвалъ и удивленія всего міра. Онъ упрекаетъ ее въ томъ, что она „по обычаю прославленныхъ свѣтомъ дамъ и мужчинъ, такихъ, какъ г-жи Жанлисъ и Сталь, или какъ Талейранъ, усвоила себѣ всѣ блестящія качества своего времени и своего пола“. Онъ обвиняетъ ее въ послѣдованіи политикѣ Макіавелли и философіи Дидро, и не безъ досады упоминаетъ, что пока Петръ III предавался безпечности и разгулу, она вела дипломатическую переписку и жила вполнѣ русскою жизнью. О Петрѣ III Шлоссеръ говоритъ, что еслибъ онъ царствовалъ въ Германіи, то для „терпѣливыхъ нѣмцевъ“ былъ бы не хуже многихъ другихъ владѣтельныхъ принцевъ. Сопоставивъ, такимъ образомъ обоихъ супруговъ, Шлоссеръ далѣе развиваетъ, какъ безразсудны были всѣ дѣйствія Петра, не имѣвшаго ни дальновидности, ни такта, ни чувства простого приличія, и какъ напротивъ, всѣ планы и поступки Екатерины были согласны съ самою мудрою политикою и благомъ Россіи. При этомъ Шлоссеръ не замѣчаетъ самъ, въ какія странныя противорѣчія онъ впадаетъ, подвергая Екатерину безпощадному обвиненію за все то, чѣмъ она возвеличила и прославила Россію. Неоспоримо, что успѣхъ не оправдываетъ всѣхъ средствъ, употребленныхъ для достиженія цѣли; но нельзя же не со-

знаться, что многое въ дѣйствіяхъ Екатерины было вынуждено обстоятельствами, поведеніемъ ея супруга, и что она, доставивъ Россіи побѣды надъ всѣми врагами, грозное положеніе и славу, мощно двинувъ русскій народъ на пути къ просвѣщенію и благоустройству, многое въ своей жизни загладила и пріобрѣла право на признательность потомства. Одинъ изъ бывшихъ при дворѣ еяословъ справедливо замѣтилъ: „Нельзя не видѣть для русскихъ пользы въ томъ, что у нея есть что заглаживать, потому что иначе она бы не дѣйствовала съ такимъ усердіемъ и энергіею для снисканія любви народа и славы“.

Нѣтъ сомнѣнія, что слава Екатерины не безъ пятенъ, что передъ судомъ Божіимъ и человѣческимъ она не можетъ быть оправдана во многихъ изъ своихъ дѣлъ; но въ ея дѣятельности надобно отличать двѣ стороны: человѣческую и государственную, и ошибки ея въ первомъ случаѣ не могутъ заслонять передъ нами незабвенныхъ ея заслугъ въ послѣднемъ, а притомъ Екатерина и какъ человѣкъ является, по большей части, мудрою, благою, великою. Въ сердцѣ ея не было ни холодности ни жестокости; ея поступки въ домашнемъ, какъ и въ царственномъ быту представляютъ множество примѣровъ великодушія, милости и состраданія. Она цѣнила сопряженное съ положеніемъ монарха счастіе дѣлать добро и обильно пользовалась этимъ счастіемъ. Но Екатерина была человѣкъ: если для виновнаго подданнаго предъ судомъ правды и закона бываютъ смягчающія обстоятельства, то не должны ли таковыя существовать и для монарха предъ судилищемъ исторіи? Недавно одинъ французскій писатель, Рамбо, съ рѣдкимъ безпристрастіемъ замѣтилъ: „Екатерина II можетъ только выиграть отъ ближайшаго съ нею знакомства; настоящая исторія всегда будетъ къ ней снисходительнѣе памфлетовъ, долго заступавшихъ ея мѣсто“. Судя по этому отзыву можно ожидать, что, наконецъ, и западноевропейская литература будетъ отдавать справедливость безсмертной императрицѣ. Съ другой стороны, будемъ надѣяться, что сами русскіе станутъ болѣе прежняго относиться къ ней съ осмотрительною критикою.

Послѣдовавшее въ 1873 году открытіе памятника Екатеринѣ II представляется знаменательнымъ событіемъ и въ отношеніи къ разработкѣ ея исторіи. Со всенароднымъ признаніемъ

ея заслугъ передъ цѣлымъ міромъ, съ торжественнымъ заявленіемъ общаго уваженія къ ея памяти долженъ наступить у насъ новый періодъ въ оцѣнкѣ разныхъ сторонъ ея царствованія. Теперь величіе ея утверждено несомнѣнно: разнообразныя сужденія о частностяхъ ея дѣлъ и характера уже не могутъ быть опасны для ея славы. Конечно, полной, совершенно удовлетворительной исторіи Екатерины еще нельзя ожидать въ скоромъ времени, но мы можемъ уже стремиться къ такой исторіи. Мы обязаны теперь, съ обильными источниками въ рукахъ, безпристрастно изслѣдовать разныя отрасли ея дѣятельности, отдѣльныя событія ея царствованія, взвѣшивать различныя стороны ея характера, и, такимъ образомъ, готовить предварительные труды для обширнаго историческаго зданія. Имѣть памятникъ Екатерины и не имѣть ея исторіи, написанной русскимъ и въ Россіи, служило бы не къ чести нашего образованія и нашей науки.

Какъ ни разнообразны сужденія писателей о нравственномъ достоинствѣ и душевныхъ качествахъ Екатерины, но въ одномъ всѣ согласны: въ признаніи силы ея воли, величія ея ума и многосторонности познаній. Не многія историческія лица такъ поражаютъ воображеніе своею необыкновенною судьбою и блестящими успѣхами, какъ Екатерина. Но въ этой судьбѣ еще не столько замѣчательно самое возвышеніе Екатерины, сколько удивительное соотвѣтствіе между потребностями новаго положенія и способностями ея, совершенная подготовка, которая въ ней оказалась для выпавшаго на долю ея великаго призванія. Тридцати трехъ лѣтъ отъ роду она является на престолѣ уже въ полномъ развитіи своей государственной мудрости и мощнаго характера. Но ключъ къ ея энергической дѣятельности скрывается въ предшествовавшихъ обстоятельствахъ, въ тѣхъ восемнадцати годахъ, которые она передъ тѣмъ прожила при русскомъ дворѣ; не безъ значенія для ея будущаго и ранняя молодость, проведенная ею въ Германіи. Одну изъ самыхъ интересныхъ задачъ для историка составляетъ изслѣдованіе вопроса: какъ образовался постепенно этотъ характеръ, какъ скопились тѣ сокровища опытности и знанія, которыми обладала Екатерина; какъ могло въ слабой женщинѣ развиться такое изумительное могущество духа, такая твердость и послѣдовательность воли; откуда могла принцесса, вступившая на политическое поприще уже пят-

надцати лѣтъ отъ роду, взять такое глубокое политическое образованіе, такія разнообразныя и обширныя свѣдѣнія.

Гротъ.

Всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться съ эпохою, къ которой мы приступаемъ, и прочесть о ней нѣсколько русскихъ и иностранныхъ извѣстій, должна поразить совершенная противоположность между отзывами о Екатеринѣ иностранцевъ и мнѣніемъ составившимся о ней въ русскомъ народѣ. Мало именъ такихъ популярныхъ въ Россіи и столько дорогихъ для нея, какъ имя Екатерины II. Еще недавно сошло въ могилу поколѣніе людей, которые, по крайней мѣрѣ, дѣтьми застали ея время: они говорили о ней не иначе, какъ съ глубокимъ умиленіемъ. Довольно большое число извѣстныхъ мемуаровъ и воспоминаній ея современниковъ, почти безъ исключенія, дышатъ самою горячею къ ней преданностію, какимъ-то поклоненіемъ; ея портреты и бюсты можно видѣть въ каждомъ старинномъ домѣ. Напротивъ того, иностранные отзывы о ней, за весьма малыми исключеніями, крайне неблагосклонны. Они представляютъ ее жестокою, безсердечною, въ высшей степени неразборчивою въ средствахъ для достиженія цѣли; нѣкоторые писатели, и притомъ такіе, которыхъ сочиненія очень распространены, изображаютъ ее какимъ-то чудовищемъ, сплетеніемъ всякаго зла и всякихъ преступленій.

Какъ ни странны должны показаться такія противорѣчія, но они могутъ быть объяснены довольно удовлетворительно. Иностранцы видятъ Екатерину болѣе въ дѣйствіяхъ ея внѣшней политики, которая дѣйствительно часто была безпощадна и неразборчива въ средствахъ; говоря отъ имени раздраженныхъ противъ нея правительствъ и народовъ, эти писатели язвительно отзываются и объ ея частной жизни, которая, конечно, не безупречна. Русскіе, напротивъ того, болѣе всего ощущали вліяніе ея внутренняго управленія, которое рѣзко отличалось отъ предшествовавшихъ кротостію и было наполнено полезными и либеральными преобразованіями. Наши предки не могли оставаться нечувствительными къ той славѣ, которою Екатерина окружила Россію: отечество наше было поставлено этою государынею дѣйствительно на степень первенствующихъ европейскихъ державъ. Такимъ образомъ намъ, потомкамъ Екатерины, знакомымъ съ отзывами о ней и рус-

скихъ и иностранцевъ, она представляется какъ будто двуликимъ богомъ древности: ея ликъ, обращенный въ сосѣднимъ державамъ, строгъ и непривѣтливъ; тотъ, напротивъ, который обращенъ къ Россіи, исполненъ величія и кротости. Моралистъ долженъ, конечно, осудить эту двойственность. Законы нравственности ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ послабленія, и мы должны признаться, что Екатерина далеко небезупречна во многихъ отношеніяхъ: самое вступленіе ея на престолъ накидываетъ густую тѣнь на ея нравственный образъ; но упрекамъ, которые должны быть ей сдѣланы съ этой стороны, нельзя не противопоставить тридцать четыре года величія и благоденствія, которыми Россія при ней пользовалась, и которые народный голосъ называлъ *Екатерининымъ вѣкомъ*. Намъ русскимъ невозможно забыть, что если политика Екатерины и подлежитъ упреку съ точки зрѣнія высшей нравственности, то эта политика имѣла цѣлію и послѣдствіемъ величіе и выгоды Россіи. Въ нашей душѣ могутъ и должны создаваться идеалы такихъ политическихъ дѣятелей, которые разливали бы добро на всѣ націи и на всѣ страны безъ исключенія; но дѣйствительность не представляетъ такихъ людей; притомъ интересы различныхъ народовъ нерѣдко такъ противоположны между собою, что благо одного есть зло для другого. Что долженъ въ такомъ случаѣ дѣлать человѣкъ, призванный быть блюстителемъ славы и благоденствія одного какого-нибудь народа? Очевидно — заботиться объ его судьбѣ болѣе, нежели о судьбѣ прочихъ, которые, въ свою очередь, имѣютъ правительства для соблюденія ихъ славы и ихъ интересовъ. *Щебальскій.*

Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ даетъ слѣдующую характеристику царствованія Екатерины II. „Вѣкъ Елизаветы приготовилъ вѣкъ Екатерины. Этотъ великій вѣкъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ русской исторіи. Вокругъ геніальной, многодумной и многопонимавшей царицы собралась цѣлая плеяда замѣчательныхъ людей — „екатерининскіе орлы“: тутъ былъ и представитель русской широты въ замыслахъ и русской хандры, полный противорѣчій, геніальный создатель Новороссійскаго края, тутъ былъ и русскій чудо-богатырь Суворовъ, юродствующій, чтобы имѣть болѣе независимости, и методичный Румянцевъ, и тонкій дипломатъ Безбородко,

и безкорыстный, умный, вѣчно недовольный Панинъ; тутъ были и представители зарождающейся новой русской литературы: здѣсь проявлялъ свою необузданную силу Державинъ; здѣсь показывалъ Фонвизинъ зеркало невѣжеству; а Новиковъ затѣвалъ борьбу со скептицизмомъ вѣка и со старыми не исцѣлимыми еще язвами русскаго общества; было и много другихъ. Всѣхъ выслушивала императрица, всѣми старалась пользоваться и всѣхъ старалась направлять. Изъ послѣдняго стремленія выходили въ концѣ ея царствованія прискорбныя столкновенія: она платила дань злобѣ дня, объ этомъ пожалѣетъ историкъ, но за это обвинять не можетъ: у каждаго дня есть своя злоба, и никому изъ людей не дано миновать ея вполнѣ. Царствованіе Екатерины было блистательно и извнѣ и внутри; не напрасно говорилъ Безбородко уже послѣ кончины императрицы: „не знаю, какъ теперь, а при насъ ни одна пушка не могла выстрѣлить въ Европѣ безъ нашего позволенія“. Вліяніе Россіи въ дѣлахъ европейскихъ было рѣшительно: быть можетъ это не всегда было хорошо и впослѣдствіи привело Россію къ войнамъ, не всегда нужнымъ для ея интересовъ, хотя бы къ войнѣ 1799 года, героическіе эпизоды которой не выкупили всей ея безполезности; тѣмъ не менѣе, однако, при Екатеринѣ еще не видать было оборотной стороны медали. Своимъ положеніемъ въ Европѣ Екатерина умѣла пользоваться съ большимъ искусствомъ и своими успѣхами еще усиливала европейское положеніе Россіи. При Екатеринѣ Россія дошла до Чернаго моря и твердою ногою стала у него; при Екатеринѣ Россія получила право покровительствовать своимъ единовѣрцамъ въ Турціи и пробудила тѣмъ христіанъ турецкихъ къ новому сознанію; при Екатеринѣ Россія возвратила отъ Польши почти всѣ свои коренныя земли. То, что Россія не дошла на западѣ до предѣловъ, въ которыхъ оставилъ ее Владиміръ святой, постоянно озабочивало Екатерину. Польша пала по своей собственной винѣ; раздѣленіе ея — событіе печальное; конечно, было лучше, если бы совершилось добровольное соединеніе или если бы, оставаясь отдѣльно, Польша могла отказаться отъ своихъ притязаній на обращеніе русскаго народа въ рабство; но Польша этого не могла сдѣлать, существовать сама по себѣ она не могла, допустить иноплеменниковъ поглотить всю Польшу не могла Россія, и потому пришлось сдѣлать

уступку, пришлось итти на сдѣлку. Бываютъ трагическія положенія въ жизни народовъ. Такимъ трагическимъ эпизодомъ является и разрѣшеніе рокового польскаго вопроса; горькія его послѣдствія сказались позже и едва ли миновали и теперь; но иного разрѣшенія нельзя было ожидать при данныхъ обстоятельствахъ.

Внутри при Екатеринѣ сдѣлано также много, какъ и во внѣ: задумавъ перестроить администрацію страны, только намѣченную Петромъ Великимъ и почти нетронутую его преемниками, Екатерина сочла нужнымъ ознакомиться съ потребностями и положеніемъ различныхъ слоевъ, чтобы затѣваемая администрація соотвѣтствовала росту общественному, и для того собрала въ Москву свою знаменитую комиссію, которая ярко выразила желанія и настроенія общества. „Теперь — говорила Екатерина — мы можемъ судить о цвѣтахъ по цвѣтамъ, а не такъ, какъ слѣпые судятъ о цвѣтахъ". Рядъ преобразованій, начатыхъ Екатериною, удовлетворилъ требованіямъ тогдашняго интеллигентнаго слоя: служилое сословіе, освобожденное отъ тягла, сдѣлалось дворянином; въ руки его отдано было въ значительной степени мѣстное управленіе; оно выбирало судей, полицію, въ своихъ собраніяхъ блюло за своими интересами, представляло мѣстность предъ верховною властью. Для развитія общественнаго — такая роль, данная дворянству, не прошла безслѣдно: разрозненные дотолѣ по разнымъ мѣстамъ на службѣ, или доживающіе свой вѣкъ въ деревнѣ, стали сходиться, явились въ провинціи центры съ нѣкоторою интеллигентною окраскою; конечно, дворянство, опирающееся на крѣпостной трудъ, не стояло на высотѣ своей задачи, но все-таки положено начало обществу, какъ обществу. Города тоже получили нѣкоторую долю самоуправленія; но, къ сожалѣнію, мысль императрицы, поддержанная кое-кѣмъ въ обществѣ и литературѣ, освободить крестьянъ, разбилась о сопротивленіе дворянъ и апатію общественной мысли, несмотря на то, что пламя, зажженное пугачевщиной, и необходимость, сознанная правительствомъ, наказывать слишкомъ злоупотребляющихъ своею властью помѣщиковъ, казалось, должны были бы указать на необходимость этой мѣры. Крѣпостное право еще жило въ сознаніи общества и отдѣлаться отъ него было не легко; то, что Екатерина не рѣшилась на эмансипацію, не должно закрывать

отъ насъ значенія ея царствованія: народы историческіе умѣютъ постепенно отдѣлываться отъ язвъ и золъ, оставляемыхъ предшествующими эпохами и составляющихъ необходимую принадлежность всякаго развитія. Точно такъ же прискорбные случаи въ мірѣ литературномъ послѣднихъ годовъ жизни Екатерины не должны заставлять насъ забывать того мощнаго толчка, который она дала русской мысли, и собственнымъ участіемъ въ литературѣ, и поддержкою журналовъ, и открытіемъ типографій, и стараніями о водвореніи образованія. Образованіе, данное временемъ Екатерины было образованіе европейское. Петръ думалъ о знаніяхъ практическихъ: ему нужны были техники. Екатерина, дочь просвѣтительнаго вѣка, ученица философовъ-энциклопедистовъ, думала о просвѣщеніи обще-человѣческомъ, что на языкѣ того времени значило просвѣщеніе французское; и вотъ, несмотря на ужасъ, внушенный французской революціей, частью подъ вліяніемъ благоговѣнія къ золотому вѣку Франціи, а частью и при пособіи эмигрантовъ, все русское образованное общество заговорило по-французски. *Бестужевъ-Рюминъ.*

Личность императрицы была какъ бы создана для престола: въ исторіи мы не встрѣчаемъ другой женщины, столь способной къ управленію дѣлами. На всѣхъ и каждаго она производила глубокое впечатлѣніе. Едва ли кто болѣе рѣзко и невыгодно отзывался о качествахъ императрицы, какъ Массонъ; однако и этотъ писатель-памфлетистъ замѣчаетъ, что въ продолженіе десяти лѣтъ, имѣя случай видѣть Екатерину разъ или два въ недѣлю, онъ всегда былъ пораженъ необычайно привлекательною личностью ея, достоинствомъ, съ которымъ она держала себя, любезностью ея обращенія со всѣми и пр.

Въ своихъ запискахъ Екатерина сама сообщила подробно о ходѣ своего развитія, о своемъ стремленіи къ власти, о томъ, что она не была разборчива въ средствахъ для достиженія этой цѣли. Въ зрѣломъ возрастѣ она сдѣлалась самодержицею. Послѣ страшнаго униженія, горькихъ испытаній, перенесенныхъ въ молодости, она тѣмъ болѣе наслаждалась находившеюся въ ея распоряженіи неограниченною властью. То обстоятельство, что коренная перемѣна обстановки, быстрый

переходъ отъ полной зависимости къ полному могуществу нисколько не возбуждали въ ней наклонности къ деспотизму, свидѣтельствуетъ о добромъ нравѣ императрицы, тогда какъ сынъ ея, подвергнувшись подобному перелому въ внѣшней обстановкѣ, не зналъ мѣры порывамъ деспотизма. Мы видѣли, что неблагопріятныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Екатерина до 1762 года, оказали вредное вліяніе на ея характеръ; зато власть и перевѣсъ, полученные ею послѣ удачнаго государственнаго переворота, оказали облагораживающее вліяніе на нравъ императрицы. До того она встрѣчала необходимость весьма часто прибѣгать къ мелочнымъ мѣрамъ для улучшенія своего положенія, для того, чтобы отмстить своимъ противникамъ; располагая полною властью, наслаждаясь выгодами своего положенія, пользуясь уваженіемъ современниковъ, обожаемая лицами, окружавшими ее, императрица не нуждалась болѣе въ тѣхъ средствахъ, которыми обыкновенно пользуются слабые въ борьбѣ съ сильными. Въ то время, какъ надъ нею зорко наблюдали, когда ей не довѣрили ни Елизавета Петровна ни Петръ, она умѣла притворяться, лицемѣрить, показывать видъ смиренія и скромности, между тѣмъ какъ въ душѣ она была исполнена высокомѣрія и презрѣнія къ людямъ. Теперь же, окружая себя всецѣло преданными ей лицами, она могла дѣйствовать открыто, благородно. Великая княгиня, находясь въ уединеніи, отличалась холодностью въ обращеніи, недовѣріемъ къ людямъ, подозрительностью; императрица, напротивъ, давала просторъ развитію чувства благоволенія, снисходительности, сердечнаго вниманія къ интересамъ окружавшихъ ее лицъ. Не даромъ Петръ и Елизавета не довѣряли Екатеринѣ, порицали ея характеръ; не даромъ, впослѣдствіи, многіе ставили высоко добродушіе Екатерины.

Исторія двора при Петрѣ I, при императрицѣ Аннѣ, при Елизаветѣ, изобилуетъ чертами тираніи, жестокости и произвола; всѣ современники Екатерининскаго царствованія удивлялись кротости ея обращенія съ окружавшими ее лицами, радовались совершенному устраненію жесткихъ формъ и крутыхъ мѣръ въ отношеніи къ подчиненнымъ. Екатерина несмотря на живой темпераментъ, на нѣкоторую склонность къ увлеченію — стоитъ только вспомнить о ея рѣзкихъ отзывахъ о корояхъ Швеціи и Пруссіи — вполнѣ владѣла собою,

и въ обращеніи съ людьми руководствовалась правилами человѣколюбія. „Я люблю хвалить и награждать громко, порицать тихо“, справедливо замѣтила она однажды въ бесѣдѣ съ Сегюромъ; она любила избѣгать случаевъ оскорбить кого-нибудь; особенно внимательна была въ обращеніи съ прислугою; „Доживу ли я до того, чтобы меня не боялись“, сказала она однажды, замѣтивъ, что истопникъ, заслужившій за какую-то неисправность выговоръ, избѣгалъ встрѣчи съ нею. Часто Екатерина, давая какое-нибудь порученіе, извинялась за причиняемый трудъ и хлопоты. Храповицкій сообщаетъ нѣкоторыя черты такого вниманія Екатерины къ окружавшимъ ее лицамъ; неоднократно императрица, въ нетерпѣніи или раздраженіи, употребивъ нѣсколько рѣзкое выраженіе, сознавалась въ горячности и старалась исправить свою ошибку. Разсказывали, что императрица, просыпаясь, обыкновенно, рано утромъ, въ 6 часовъ, и дорожа спокойствіемъ своихъ служителей, не требовала чужой помощи, одѣвалась, зажигала свѣчу, затапливала каминъ и, никого не тревожа, садилась за книги и бумаги. Разныя анекдотическія черты, передаваемыя современниками, свидѣтельствуютъ о снисходительности Екатерины къ прислугѣ, о недостаточной строгости ея въ обращеніи съ служащими, о ея добротѣ и кротости. Когда она приходила въ гнѣвъ, то засучивала рукава, расхаживала по комнатѣ, пила воду и никогда ничего не рѣшала подъ первымъ впечатлѣніемъ. Особенно замѣчательною оказывается способность императрицы устранять недоразумѣнія, возникшія почему-либо между нею и другими лицами; въ ея запискахъ къ разнымъ вельможамъ встрѣчаются внушенія не предаваться мнительности, не быть чрезмѣрно обидчивымъ, не унывать, а ободриться, вѣрить въ свои способности, надѣяться на успѣхъ и пр. Въ минуту опасности, она умѣла поднимать духъ въ лицахъ, ее окружавшихъ, вселяя въ нихъ твердость и мужество. Болѣе чѣмъ многія другія высокопоставленныя лица, Екатерина была доступна чувству состраданія. Хотя нельзя не сожалѣть о чрезмѣрной щедрости императрицы, дорого обходившейся казнѣ и обогатившей, главнымъ образомъ, фаворитовъ, нельзя не признать, въ то же время, что желаніе ея обрадовать другихъ, содѣйствовать ихъ счастію соотвѣтствуетъ глубоко-нравственному настроенію. Этимъ же объясняется любезность въ обращеніи Екатерины съ дѣтьми.

Воспитанницы благороднаго института называли ее „нѣжною и снисходительною матерью“; изъ писемъ Екатерины къ княгинѣ Черкасовой (Левшиной), которую она обыкновенно называла „черномазою Левушкой“, видно, какъ она умѣла входить въ положеніе молодыхъ дѣвицъ, давать имъ совѣты, руководить ихъ воспитаніемъ и пр.

Отличительными чертами характера Екатерины были веселость, юморъ, склонность къ шуткамъ и забавамъ. Однажды она замѣтила: „Относительно веселости Фридриха (Великаго) надо замѣтить, что она проистекаетъ отъ его превосходства. Былъ ли когда великій человѣкъ, который бы не отличался веселостью и не имѣлъ въ себѣ неистощимый запасъ его? Вотъ вопросъ?“. Екатеринѣ доставляло большее удовольствіе посѣщать маскарады и, сохраняя глубокое инкогнито, бесѣдовать съ разными лицами; она сама разсказывала подробно, какъ однажды въ мужскомъ платьѣ сдѣлала объясненіе въ любви одной дѣвушкѣ, не подозрѣвавшей, что съ нею говоритъ императрица. Княгиня Дашкова, въ своихъ „Запискахъ“, сообщаетъ, какъ императрица, въ первое время своего царствованія, посѣщая Дашковыхъ, разыгрывала роль пѣвицы и вмѣстѣ съ княземъ Дашковымъ, столь же неспособнымъ къ музыкѣ какъ и сама Екатерина, устроила что-то въ родѣ кошачьяго концерта, импровизируя при этомъ текстъ и проч. Усмотрѣвъ изъ счетовъ одного придворнаго служителя, что пудры для ея головы ежедневно расходовался цѣлый пудъ, она вошла въ пріемную молча и поддерживая свою голову рукою; на вопросъ объ ея здоровьѣ, она жаловалась, что ей высыпали цѣлый пудъ пудры на голову. Веселость императрицы высказывалась особенно часто и удачно въ разныхъ литературныхъ забавахъ. То она сочиняла какую-нибудь шуточную надгробную надпись для собачки, то придумывала какой-нибудь комическій девизъ для дачи князя Нарышкина; стихи, сочиненныя императрицею въ честь Потемкина, во время пребыванія въ Бахчисараѣ, въ 1787 году, доставили большое удовольствіе ея спутникамъ; она постоянно придумывала новыя стихотворныя сочиненія, напр. записку о разныхъ видахъ смѣха, „Sentences chinoises“, въ которыхъ заключалась сатира на академію, изслѣдованіе вопроса о томъ, какою смертью долженъ будетъ умереть каждый изъ лицъ, ее окружающихъ, и пр.

О нравѣ и личности Екатерины, такъ сказать, въ частной жизни, мы особенно подробно узнаемъ при изученіи дневника Храповицкаго. Онъ въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія, ежедневно видѣлъ императрицу и почти ежедневно, а иногда и по нѣсколько разъ въ день, записывалъ то, что происходило при дворѣ, чѣмъ занималась Екатерина, какъ она разсуждала о томъ или другомъ предметѣ. Изъ этого источника можно составить себѣ понятіе о занятіяхъ Екатерины политическими вопросами, искусствомъ, литературою, науками, о настроеніи ума императрицы, о впечатлѣніи, произведенномъ на нее тѣмъ или другимъ событіемъ, о томъ, какъ она судила о томъ или другомъ лицѣ и пр. Такого рода источники гораздо болѣе непосредственно, чѣмъ дѣловыя бумаги или записки, или письма, воспроизводятъ, для насъ всѣ частности прошедшаго времени, всѣ мелочи обыденной жизни, всѣ оттѣнки душевнаго и умственнаго настроенія историческихъ лицъ. Благодаря такимъ источникамъ, лишеннымъ литературнаго значенія но допускающимъ, нѣкоторымъ образомъ, сравненія съ фотографическимъ приборомъ, мы имѣемъ возможность заглядывать такъ сказать, въ закулисную сторону жизни великихъ дѣятелей. Знакомя насъ короче съ личностью Екатерины сообщая множество данныхъ объ ея характерѣ, рабочей силѣ, образованія, умственномъ и нравственномъ кругозорѣ, дневникъ Храповицкаго оказывается ничѣмъ незамѣнимымъ для историка источникомъ. Руководствуясь этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ, можно бы составить перечень важнѣйшимъ письмамъ, писаннымъ императрицею въ то время, когда Храповицкій былъ чуть ли не ежедневнымъ ея собесѣдникомъ. Нерѣдко она прочитывала ему кое-какія выдержки изъ свой корресподенціи. Храповицкій принималъ иногда дѣятельное участіе въ литературныхъ занятіяхъ императрицы. Нигдѣ въ этомъ дневникѣ не встрѣчается прямого отзыва о личности ея. Храповицкій не хвалитъ и не порицаетъ Екатерины. Каждая строка дневника, однако, свидѣтельствуетъ о безусловной преданности автора, посвященнаго во всѣ интересы императрицы, узнавшаго обо всѣхъ случаяхъ, вліявшихъ на ея воззрѣнія, на ея темпераментъ. Ловкій и услужливый царедворецъ, Храповицкій никогда не противорѣчилъ Екатеринѣ; онъ хорошо зналъ о томъ, что ее занимало главнымъ образомъ въ данную минуту, что было предметомъ ея заботъ,

ея горе, ея веселости и пр., и умѣлъ бесѣдовать съ нею, входя въ ея положеніе, вдумываясь въ ея мысли, дополняя то, что она говорила, дѣльными замѣчаніями, иногда успокоивая ее. Императрица любила шутить съ Храповицкимъ, иногда журила его, впрочемъ, самымъ невиннымъ образомъ, смѣяся, напр., надъ его тучностью, или распрашивая его о здоровьѣ и пр. Бесѣды Екатерины съ Храповицкимъ отличались совершенною безцеремонностью; порою въ нихъ затрогивались болѣе или менѣе щекотливыя темы, разсказывались случаи изъ петербургской скандалезной хроники; иногда императрица разсуждала о характерѣ царствованія ея предшественниковъ, о Петрѣ I, объ Аннѣ, Елизаветѣ; встрѣчается множество, отчасти довольно рѣзкихъ, отзывовъ о разныхъ сановникахъ и фаворитахъ, о неспособности или нерадѣніи того или другого чиновника и пр. Мѣстами въ дневникѣ Храповицкаго заключаются разсужденія о характерѣ и значеніи важнѣйшихъ событій исторіи Россіи. Изъ дневника Храповицкаго мы узнаемъ о безчисленныхъ порывахъ страсти, раздраженія, горя у Екатерины. Весьма часто упоминается о слезахъ ея. По случаю отъѣзда Павла Петровича въ Финляндію, въ 1788 г., Храповицкій пишетъ: „Прощались съ цесаревичемъ, „плакали“. „Чувствительность и слезы“, сказано по поводу кончины Грейга. По случаю болѣзни и кончины Потемкина: „Слезы“, „слезы и отчаяніе“ и пр. Иногда императрица жаловалась на усталость, на чрезмѣрную сложность дѣла, на наступающую старость. Бывало множество поводовъ къ разстройству и раздраженію. То она узнавала о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, то о голодѣ, то о какой-нибудь продѣлкѣ того или другого корыстолюбиваго чиновника, то о ссорахъ между разными вельможами. Весьма часто она теряла терпѣніе, употребляла сильныя выраженія. Храповицкій пишетъ однажды (въ 1788 г.): „Назвали короля шведскаго бестіей и предо мною извинились тѣмъ, что стоитъ онъ того названія“. Когда грозила шведская война и нѣкоторые вельможи недостаточно ревностно исполняли свою обязанность, она сказала „Я не знаю, кто дѣлаетъ каверзы, но могу назвать канальею, потому что вредятъ пользѣ государства“ и пр. Вслѣдствіе волненій, причиняемыхъ Екатеринѣ политическими событіями, она иногда заболѣвала. О всѣхъ случаяхъ нездоровья императрицы Храповицкій сообщаетъ подробныя данныя. Общее впечатлѣніе, производимое лич-

ностью Екатерины при чтеніи и разборѣ дневника Храповицкаго, нисколько не соотвѣтствуетъ той характеристикѣ, которая встрѣчается въ сочиненіяхъ историковъ-памфлетистовъ, въ родѣ Массона, Гельбига, Сальдерна, Кастера. Она выигрываетъ въ нашихъ глазахъ; мы можемъ составить себѣ весьма благопріятное мнѣніе не только объ умственныхъ, но также и душевныхъ качествахъ императрицы.

Не должно считать дѣломъ случая или дѣйствіемъ угодничества то обстоятельство, что сохранилось множество анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о великодушіи Екатерины. Многіе современники, далеко не безусловно восхвалявшіе ее, утверждали, что она была въ состояніи выслушивать неправившуюся ей истину, что она умѣла сдерживать свой гнѣвъ, что она была способна сознавать свои ошибки и недостатки. Таковы отзывы Разумовскаго, Державина, Мусина-Пушкина, Теплова и проч.

Разумѣется, нѣтъ недостатка и въ другихъ чертахъ, свидѣтельствующихъ о нѣкоторомъ упрямствѣ, своенравіи и высокомѣріи императрицы. Державинъ приводитъ нѣсколько случаевъ въ доказательство, что Екатерина въ своихъ дѣйствіяхъ часто руководствовалась разными, скорѣе личными соображеніями, желаніемъ угодить тому или другому изъ своихъ приближенныхъ, нежели попеченіемъ объ истинномъ благѣ государства и строгимъ правосудіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожъ, онъ отдаетъ справедливость милосердію Екатерины, ея снисходительности къ людскимъ слабостямъ, ея заботливости о страдающихъ и угнетенныхъ, ея умѣнью привлекать къ себѣ сердца и удивительному самообладанію. Не даромъ упрекали Екатерину въ томъ, что она, протестуя противъ употребленія пытки и тѣлеснаго наказанія, давала просторъ жестокостямъ Шешковскаго, весьма часто собственноручно мучившаго подсудимыхъ самымъ неистовымъ образомъ, однако мы не можемъ опредѣлить, насколько былъ извѣстенъ императрицѣ варварскій образъ дѣйствій этого слѣдователя. Указывая на нѣкоторые случаи произвола и нарушенія закона, случившіеся при Екатеринѣ, князь Щербатовъ замѣчаетъ, что императрица считала свою волю выше закона и этимъ самымъ давала пагубный примѣръ вельможамъ и сановникамъ, подражавшимъ ей въ этомъ отношеніи, и пр.

Не даромъ современники рѣзко порицали тщеславіе Екатерины. Іосифъ II однажды писалъ къ князю Кауницу: „Не

должно забывать, что мы имѣемъ дѣло съ женщиною, которая столь же мало, какъ и я самъ, печется о благѣ Россіи: нужно льстить ей. Тщеславіе — ея идолъ; успѣхъ и угодничество испортили ее". Екатеринѣ нравилось, когда ее называли Минервою. Оды Державина, въ которыхъ была восхваляема императрица, вполнѣ соотвѣтствовали ея вкусу: она постоянно и сильно нуждалась въ похвалѣ. Въ то время, когда финансы въ Россіи находились въ крайнемъ разстройствѣ, Екатерина называла государственное хозяйство имперіи образцомъ порядка и правильнаго устройства. Мысль о неудачѣ была для нея самою тяжелою; она, какъ мы знаемъ, не была разборчивою въ средствахъ для достиженія цѣли; искренность ея во многихъ случаяхъ подлежитъ сильному сомнѣнію.

Что касается религіозности Екатерины, то Фридрихъ II прямо обвинялъ ея въ лицемѣріи и ханжествѣ. Мы помнимъ, что ей было не легко рѣшиться на принятіе православія, но что затѣмъ она употребляла внѣшнее благочестіе, какъ средство для упроченія своего положенія въ Россіи. Строго соблюдая правила Церкви, исполняя добросовѣстно религіозныя обязанности, императрица старалась произвести нѣкоторое впечатлѣніе на своихъ подданныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, она оставалась вѣрною началамъ терпимости, проповѣдуемымъ въ литературѣ просвѣщенія. Когда Вольтеръ упрекалъ ее въ томъ, что она унижаетъ себя, цѣлую руку священника, она оправдывалась тѣмъ, что это лишь внѣшній обычай, который мало-по-малу выходитъ изъ употребленія. Нѣтъ сомнѣнія, что религіозность Екатерины не вытекала изъ особенно глубокаго чувства.

Въ письмахъ Екатерины къ барону Гримму встрѣчаются неоднократно выходки противъ Лютера и лютеранъ. Она порицала лютеранъ за недостатокъ вѣротерпимости. Неоднократно она восхваляла православную вѣру, называя ее лучшею въ мірѣ. Въ раздраженіи по поводу французской революціи, она однажды заявила, что всѣ протестанскія правительства хорото бы сдѣлали, рѣшившись принять православіе, потому что это исповѣданіе должно считаться оплотомъ противъ „непріязненной всякой религіи, безнравственной, анархической, преступной, воровской, богохульской и опрокидывающей престолы заразы"; она сравнивала греческую церковь съ дубомъ, имѣющимъ глубокіе корни. Рядомъ съ этими замѣчаніями, встрѣчаются въ устныхъ замѣткахъ и въ пись-

махъ императрицы смѣлыя выходки противъ чрезмѣрной набожности и изувѣрства. Таковы нѣкоторыя колкія замѣчанія, относившіяся къ Маріи Терезіи, къ королевѣ португальской и др. Въ нѣкоторыхъ шуткахъ, которыя императрица позволяла себѣ въ вопросахъ Церкви и религіи въ письмахъ къ Гримму, проглядываетъ тотъ самый раціонализмъ, которымъ отличались корифеи французской литературы. Екатерина хвалила сочиненіе Николаи „Sedaldus Nothanker“ особенно потому, что въ немъ осуждалось лицемѣріе. Она не любила углубляться въ частности религіозно-философическихъ вопросовъ. Главною чертою ея характера была нѣкоторая свѣтскость. Ея міросозерцаніемъ былъ оптимизмъ, а главнымъ правиломъ житейской мудрости — веселость. Она не любила размышлять о печальныхъ событіяхъ, предаваться горю, останавливаваться на какомъ-либо мрачномъ предметѣ. Этимъ самымъ отчасти и объяснялось ея уваженіе къ Вольтеру, котораго она называла „божествомъ веселости“. И эту игривость и живучесть, эту свѣжесть и веселость она сохранила до конца своихъ дней.

Не даромъ князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи „О повреженіи нравовъ“ рѣзко порицалъ неслыханную расточительность, которою отличался пышный дворъ Екатерины. Онъ справедливо замѣтилъ, что чрезмѣрная роскошь во время этого царствованія не вяжется съ строгимъ отзывомъ Екатерины о баснословно богатомъ гардеробѣ императрицы Елизаветы Петровны. Не безъ основанія онъ находилъ, что примѣръ Екатерины подѣйствовалъ весьма вредно на подражавшихъ ей въ этомъ отношеніи царедворцевъ, фаворитовъ, вельможъ и сановниковъ. Зато Щербатовъ хвалитъ императрицу за чрезвычайную умѣренность въ пищѣ и питьѣ, между тѣмъ какъ лица, окружавшія ее, и въ этомъ отношеніи не знали мѣры, отличаясь всякаго рода сибаритствомъ.

Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію въ это время, удивлялись баснословной пышности русскаго двора. Коксъ замѣтилъ, что въ ней представляется соединеніе азіатской роскоши съ чрезмѣрною европейскою утонченностью. Его поразило между прочимъ и то, что не только женщины, но и мужчины являлись въ уборахъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Сегюръ говорилъ, что нигдѣ и никогда не видѣлъ столъ цѣнныхъ столовыхъ приборовъ и украшеній, какъ по случаю празднества, устроеннаго въ Москвѣ графомъ Шереметевымъ въ честь

Екатерины въ 1787 году. Необычайною роскошью отличались также и празднества, устроенныя въ честь императрицы Безбородкою, Потемкинымъ и др. Самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ такого рода былъ праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ въ 1791 году.

Въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ Екатерина любила описывать всю прелесть и сказочный блескъ придворныхъ празднествъ. Къ описанію Потемкинскаго празднества въ 1791 г., въ письмѣ къ Гримму, приложенъ собственноручный рисунокъ, изображающій великолѣпное помѣщеніе, въ которомъ происходилъ пиръ и т. п.

Екатерина наслаждалась роскошью, комфортомъ и красивымъ мѣстоположеніемъ своихъ дворцовъ, дачъ, оранжерей, садовъ и пр. Обо всемъ этомъ говорится часто и подробно въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. Екатерина была чрезвычайно довольна, когда иностранные путешественники, архитекторы, художники, спеціалисты въ устройствѣ садовъ и парковъ хвалили ея вкусъ и восхищались прелестью Петергофа, Царскаго Села и пр.; она любила описывать роскошь и изящество зеркалъ и колоннадъ, картинъ и статуй, пышность и уютность покоевъ въ Эрмитажѣ, импозантную архитектуру зданій, построенныхъ итальянскимъ архитекторомъ Гваренги. Свою страсть къ разведенію садовъ и постройкѣ дворцовъ она называла „plantomanie“ и „bâtissomanie“; всѣмъ этимъ она охотно занималась еще въ то время, когда была великою княгинею; располагая гораздо большими средствами послѣ воцаренія, Екатерина не знала мѣры своей склонности къ роскоши и великолѣпію.

Все это, какъ извѣстно, доходило до баснословія во время знаменитой поѣздки императрицы въ южную Россію, въ 1787 году. Разсказывали, что для этого путешествія была назначена сумма 10 милліоновъ рублей, но что она оказалась впослѣдствіи недостаточною. Къ этому должно причислить еще расходы Потемкина по приготовленіямъ къ встрѣчѣ императрицы въ различныхъ областяхъ и городахъ, по постройкѣ многихъ домовъ, разведенію садовъ, устройству базаровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжала Екатерина. На 25-ти станціяхъ отъ Кайдакъ до Херсона (около 350 верстъ, седьмая часть всего путешествія) было приготовлено 10480 лошадей, 5040 извозчиковъ и 9636 сѣделъ. На станціяхъ, гдѣ не положено было дворцовъ, устраивались

галлереи; въ городахъ нужно было отводить или устраивать 25 квартиръ для лицъ свиты императрицы; на Днѣпрѣ была запрещена переправа, дабы не сдѣлалось остановки въ плаваніи. Всѣ вновь построенные дворцы и помѣщенія, въ которыхъ императрица останавливалась, были снабжены новою мебелью. Каждый разъ за столомъ употреблялось совершенно новое столовое бѣлье. Въ Кіевѣ, гдѣ путешественники оставались около трехъ мѣсяцевъ, Екатерина не хотѣла дозволить, чтобы посланники иностранныхъ державъ жили на свой счетъ. Каждому изъ нихъ отвели цѣлый домъ, въ которомъ былъ дворецкій, множество лакеевъ, поваровъ, кучеровъ, экипажей, полный серебряный и фарфоровый приборы, большое количество бѣлья и запасы рѣдкихъ винъ и пр.

Все это производитъ тяжелое впечатлѣніе и напоминаетъ эпизоды изъ царствованія римскихъ императоровъ. Съ другой стороны, нельзя не признать, что именно во время такихъ путешествій въ особенно яркомъ блескѣ обнаруживались необычайныя способности императрицы и ея рабочая сила. Правда, она сама придавала слишкомъ большое значеніе своимъ поѣздкамъ, имѣвшимъ, нѣкоторымъ образомъ, характеръ инспекцій или ревизій, потому что все это являлось поверхностнымъ и лишь формальнымъ контролемъ дѣятельности органовъ правительства; однако для нея самой такія путешествія обыкновенно оказывались далеко не безполезными. Она узнавала, все-таки, кое-что о нуждахъ мѣстнаго населенія, своею личностью, умѣніемъ обращаться съ людьми, производила на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, становилась все болѣе и болѣе популярною, знакомилась съ особенностями различныхъ частей имперіи и пр.

Во время такихъ поѣздокъ императрица почти вовсе не прерывала своихъ обычныхъ занятій дѣлами. На станціяхъ, во время сухопутныхъ путешествій, на великолѣпныхъ галерахъ, во время плаванія по Волгѣ, въ 1767 году, или по Днѣпру, въ 1787 году, Екатерина просматривала и снабжала разными примѣчаніями многіе законопроекты, читала серьезныя сочиненія, переписывалась со множествомъ лицъ и бесѣдовала о дѣлахъ съ сановниками. Путешествуя по Волгѣ, въ 1767 году, она въ одно и то же время была занята изученіемъ края и переводомъ, съ помощью спутниковъ, Мармонтелева сочиненія „Bélisaire“. То она въ Ярославлѣ посѣщала фабрики, то вела переговоры съ иностранными дипломатами

по важнымъ вопросамъ международныхъ сношеній, то забавлялась въ обществѣ спутниковъ остроумными „jeux d'esprit", то старалась составить себѣ точное понятіе объ условіяхъ коммерческаго быта Нижняго-Новгорода. Вопросъ о раскольникахъ на берегахъ Волги ее интересовалъ не менѣе, какъ то или другое сочиненіе французской литературы просвѣщенія. Осмотръ развалинъ Болгаръ въ окрестностяхъ Казани, изученіе недостатковъ администраціи въ приволжскихъ городахъ, шутки и забавы въ средѣ царедворцевъ, сановниковъ и иностранныхъ дипломатовъ — все это равнымъ образомъ занимало Екатерину. То же самое происходило и въ поѣздку, въ 1785 году, съ цѣлью осмотра Вышневолоцкаго канала. Во время этого путешествія велись переговоры, имѣвшіе цѣлью заключеніе торговаго договора съ Франціею, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было конца разнымъ шуткамъ и забавамъ, о характерѣ которыхъ можно судить по сохранившейся шутливой дипломатической перепискѣ, происходившей между Екатериною и Сегюромъ.

Всѣ современники иностранцы, посѣщавшіе русскій дворъ въ царствованіи Екатерины, восхищались прелестью общества, которое собирала около себя императрица и которое она оживляла остроумною бесѣдою, устройствомъ разныхъ праздниковъ, драматическихъ представленій и пр. Утонченность забавъ при дворѣ Екатерины II могла служить мѣркою вліянія западной Европы на нравы высшихъ слоевъ общества въ Россіи. Разница между грубыми шутками и потѣхами Петра Великаго и изысканными бесѣдами и вечерами въ Эрмитажѣ при Екатеринѣ II бросается въ глаза. Попойки, скоморохи, шумныя увеселенія исчезли; вмѣсто того давались на сценѣ театра въ Эрмитажѣ опера Екатерины, драма Сегюра и пр. Весельчакъ Левъ Нарышкинъ при Екатеринѣ не походилъ на какого-нибудь Балакирева временъ Петра Великаго или на придворныхъ шутовъ эпохи Анны Іоанновны. Подъ страхомъ строгаго наказанія, представители лучшаго общества при Петрѣ должны были посѣщать устраиваемыя царемъ „ассамблеи"; еще при Елизаветѣ посѣщеніе театра для многихъ лицъ было обязательнымъ; при Екатеринѣ предоставлено волѣ и желанію каждаго являться или нѣтъ, участвовать или не участвовать въ увеселеніяхъ и пр. Однажды графу Сегюру показалось скучною и далеко не остроумною игра въ лото, которую любила императрица, и онъ, нисколько не стѣсняясь, произнесъ сатирическій экспромптъ,

въ которомъ было осмѣянъ этотъ способъ развлеченія. Въ собраніяхъ „малаго Эрмитажа“ придворный этикетъ не игралъ почти никакой роли; было постановлено правиломъ не вставать передъ императрицею. Де-Линь разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Во время путешествія по Днѣпру, въ 1787 году, Екатерина предложила замѣнить вѣжливое „вы“ простымъ „ты“; де-Линь тотчасъ же согласился на эту шутку и нѣсколько разъ съ особеннымъ эффектомъ употребилъ „твое величество“; дозволяя такія шутки, императрица всегда оставалась, по словамъ де-Линя, величавою и сохранила все внѣшнее достоинство самодержицы всероссійской и „чуть ли не цѣлаго міра“. Нельзя не признать, что императрица умѣла выбирать себѣ общество: де-Линь, Сегюръ, Кобенцль, Бибиковъ, Нарышкинъ, Андрей Разумовскій и др. соединяли въ себѣ всѣ достоинства для того, чтобы участвовать въ увеселеніяхъ, устраиваемыхъ Екатериною. Многіе русскіе, представители лучшаго общества, по цѣлымъ годамъ проживали за границею и особенно охотно стекались въ Парижъ. Взамѣнъ того, изъ Франціи пріѣзжали въ Петербургъ знаменитости, въ родѣ Мерсье-де-ля-Ривьера, Дидро, Гримма, Фальконета и др. Никогда до этого русскій дворъ не находился столь непосредственно подъ вліяніемъ умственнаго и литературнаго развитія западной Европы. Въ сношеніяхъ Екатерины съ пользовавшимися громкими именами писателями и учеными замѣтна, правда, нѣкоторая доля тщеславія и хвастовства, но едва ли когда меценатство было лишено такой примѣси. Къ тому же, въ этихъ сношеніяхъ видно также истинное добродушіе Екатерины, искреннее благоговѣніе предъ талантомъ и геніальностью замѣчательныхъ лицъ. Покупка библіотекъ Вольтера и Дидро, щедрые подарки Гримму и многимъ художникамъ и литераторамъ, пенсіи, выплачиваемыя императрицею разнымъ заслуженнымъ дѣятелямъ въ западной Европѣ — все это свидѣтельствуетъ о способности оцѣнивать заслуги въ области умственнаго труда, о добротѣ и человѣколюбіи Екатерины.

Каковъ былъ характеръ бесѣды Екатерины, мы узнаемъ подробно изъ записки Гримма, составленной послѣ кончины Екатерины. Здѣсь онъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Петербургѣ, въ 1773—74 и 1776—77 годахъ, между прочимъ, слѣдующее: „Талантъ императрицы заключался въ томъ, что она всегда вѣрно схватывала мысль своего собесѣдника,

такъ что неточное или смѣлое выраженіе никогда не вводило ее въ заблужденіе... я видѣлъ ее ежедневно, съ утра до вечера, при публикѣ, и ежедневно, иногда два или три раза, но, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ, неофиціально; обыкновенно бесѣда наша, съ глазу на глазъ, продолжалась часа два или три, иной разъ четыре, а, однажды, семь часовъ, не прерываясь ни минуты". Описывая затѣмъ характеръ этихъ разговоровъ, отличавшихся многосторонностью предметовъ и обнаруживавшихъ умъ, познанія и способности Екатерины, Гриммъ продолжаетъ: „Надо было видѣть въ такія минуты эту необычайную голову, эту смѣсь генія съ граціею, чтобы понять увлекавшую ее жизненность; какъ она своеобразно схватывала, какія остроты, проницательныя замѣчанія падали въ изобиліи, одно за другимъ, какъ свѣтлыя блестки природнаго водопада. Отчего не въ силахъ моихъ воспроизвести на письмѣ эти бесѣды! Свѣту досталась бы драгоцѣнная, можетъ быть, единственная страница исторіи ума человѣческаго. Воображеніе и разумъ были одинаково поражаемы этимъ орлинымъ взглядомъ, обширность, быстрота коего могли быть уподоблены молніи. Да и возможно ли было уловить на лету ту толпу свѣтлыхъ движеній ума, движеній гибкихъ, мимолетныхъ! Какъ перевести ихъ на бумагу? Разставаясь съ императрицею, я бывалъ, обыкновенно, до того взволнованъ, наэлектризованъ, что половину ночи, большими шагами разгуливалъ по комнатѣ" и пр.

Рабочая сила императрицы выходила далеко за предѣлы обыкновеннаго. Она вполнѣ обладала искусствомъ употреблять время. Вставая рано утромъ, въ 6 часовъ, она около двухъ часовъ занималась чтеніемъ, писала и пр. Затѣмъ начинались занятія государственными дѣлами, слушаніе докладовъ, совѣщанія съ сановниками. Послѣ обѣда императрица приказывала читать вслухъ, а сама, обыкновенно, занималась рукодѣліемъ. Затѣмъ опять слѣдовали занятія текущими государственными дѣлами. По вечеремъ происходила игра въ карты, драматическія представленія и пр. Екатерина, обыкновенно, рано ложилась спать, вообще она придерживалась регулярности въ обыденной жизни; ей доставляла удовольствіе игра въ бильярдъ; она точила, гравировала, занималась живописью, страстно любила осматривать предметы искусства и пр. *Брикнеръ.*

Московская Центральная
Публичная Библиотека

Моск. Обл. Библиотеки

VII вып. О литературной дѣятел ...рины II. Ц. 1
VIII „ О Фонвизинѣ и значеніи ...турной дѣятел
Ц. 1 р.
IX „ О Державинѣ и значеніи его литературной д
ности. Ц. 1 р.
X „ О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
XI „ О просвѣщеніи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
XII „ О положеніи и состояніи русскаго общества в
Ц. 1 р. 50 к.
XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I.
историко-литературныхъ изслѣдованій о народной сло
книжной словесности до эпохи Петра.) Пособіе при изуче
словесности для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8
Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. П*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ ст
мирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екатеринѣ II, Фонвизинѣ и
Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеу
деній (8⁰, 1176 стр.). Ц. 2 р. *Одобрена Уч. Ком. Мин*

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I
историко-критическихъ статей **о Карамзинѣ, Крыловѣ**
и Грибоѣдовѣ.) Пособіе при изученіи русской словесн
ковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заве
Ц. 1 р. 50 к. (8⁰, 818 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. П*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ ст
Пособіе при изученіи русской словесности для уче
классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е
(8⁰, 798 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критических
Лермонтовѣ и Кольцовѣ.) Изд. 2-е. Цѣна 1 р.
Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.

Тоже. Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ
ковѣ, Григоровичѣ, Гончаровѣ, Островскомъ, Тург
(8⁰, 1115 стр.) Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Допущ. Уч. Ком*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критиче
ковѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.) (8⁰, 505
Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.

Сборники русскихъ диктантовъ со стор
Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Н*
ментальныхъ библіотекъ.

Систематическій диктантъ для средн
городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч.
исправленное и дополненное. Ц. 50 к. *Од*
Просв. Уч. Ком. при Св. Синодѣ для дух
Сов. при Св. Синодѣ для церковно-прихо

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 10-е.
Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при С

Имена существительныя, употреб
жественномъ числѣ. Ихъ родъ и о

Справочный орѳографическій сл
Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.

всѣхъ книжныхъ магазинахъ

поступили въ продажу

олько что отпечатанныя книги

В. Покровскаго:

мзинъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литера-
ь статей. Цѣна 40 коп.
овъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литератур-
атей. Цѣна 20 коп.
вскій. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литера-
статей. Цѣна 50 коп.
здовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литера-
статей. Цѣна 30 коп.
й. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литератур-
ей. Цѣна 30 коп.
го жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ
на 20 коп.
ъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литератур-
. Цѣна 30 коп.
Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литератур-
Цѣна 15 коп.
Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литера-
й. Цѣна 30 коп.
ихъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-лите-
тей. Цѣна 25 коп.
Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литера-
Цѣна 40 коп.
Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литера-
Цѣна 30 коп.
го жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литера-
Цѣна 40 коп.
кизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литератур-
а 40 коп.
жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литератур-
1 руб. 50 коп.
нь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ
п.
го жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-лите-
Цѣна 50 коп.
изнь и сочиненія. Сборникъ историко-литера-
а 25 коп.
жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литера-
40 коп.
жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литера-
40 коп.
кизнь и сочиненія. Сборникъ историко-лите-
30 коп.
очиненія. Сборникъ историко-

нь и сочиненія. Сборникъ ис
коп.
и сочиненія. Сборникъ ис
коп.